

В.И. ЛЕНИН О СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

В.И. ЛЕНИН

**О СОВЕТСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В.И. ЛЕНИН

О СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Москва
Издательство
политической литературы
1979

Л45 Ленин В. И.
О советской внешней политике.— М.: Политиздат, 1979.—311 с.

В. И. Ленин разработал теоретические основы, принципы и цели внешней политики СССР, практически руководил ею. Он не раз подчеркивал, что социализм и мир неразделимы.

В трудах В. И. Ленина научно обоснована необходимость мирного сосуществования государств с различным социальным строем — идея, получившая в наши дни широкое международное признание, а также принципы борьбы против империализма, за сплочение всех революционных и прогрессивных сил. Ценнейшие ленинские указания, содержащиеся во многих его статьях и выступлениях, и ныне активно используются в советской дипломатической практике. В сборник включен ряд ленинских документов, опубликованных в последние годы.

Книга адресована агитаторам, пропагандистам, партийным и научным работникам, всем интересующимся вопросами советской внешней политики.

Л $\frac{10102-299}{079(02)-79}$ 46—79 0101020000

11.55 + 66.4(2)

ЗК23 + 327

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внешнеполитический курс Советского государства, последовательно и целеустремленно проводимый в жизнь на протяжении всех лет со дня его образования, по справедливости называется ленинским курсом. Этот курс, определивший стратегию борьбы за мир и сотрудничество между народами всех стран, ее содержание, основополагающие принципы и методы проведения были научно обоснованы и провозглашены В. И. Лениным — гениальным вождем и вдохновителем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем социалистического государства рабочих и крестьян. В его произведениях, документах выступавшей им Коммунистической партии содержится глубокая разработка теории внешнеполитической деятельности Советской власти, обобщен ее опыт, определена генеральная линия в борьбе за мир, социальный прогресс и социализм.

Указывая на постоянную преемственность советской внешней политики от первых ленинских декретов до Программы мира наших дней, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал: «Уверенно идет дорогой мира Советский Союз. Активно и настойчиво выступаем мы за то, чтобы не на поле боя, не на конвейерах вооружений решался спор социализма и капитализма, а в сфере мирного труда. Мы хотим, чтобы через границы, разделяющие эти два мира, проходили не траССы ракет с ядерными зарядами, а протянулись нити широкого и многообразного сотрудничества на благо всего человечества. Последовательно проводя эту политику, мы выполняем один из самых главных лозунгов Октября, заветов Ленина: мир — народам!»¹

Провозглашая Советскую власть, В. И. Ленин определил борьбу за мир как цель и высший принцип ее внешней политики, отвечающей жизненным интересам не только советского народа, но и народов всех стран. Уже в историческом обращении «К гражданам России», возвестившем человечеству 25 октября

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 597.

(7 ноября) 1917 года о победе Великого Октября и рождении на одной шестой части планеты первого в мировой истории рабоче-крестьянского социалистического государства, Ленин в числе первоочередных и коренных задач революции поставил задачу завоевания всеобщего демократического мира. И первым же законодательным актом Советской власти стал ленинский Декрет о мире. В нем содержится развернутая программа борьбы за мир в условиях, когда человечество задыхалось в чаду первой мировой империалистической войны, было доведено ее ужасами до отчаяния.

Декрет о мире предлагал «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире», осуждая войну как «величайшее преступление против человечества». Советское правительство заявляло о своей решимости немедленно подписать условия мира, «прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия пародностей условиях».

С трибуны II Всероссийского съезда Советов Владимир Ильич обратился к пролетариям воюющих стран, выражая надежду, что они поймут «лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий... всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира...»¹.

Высоко подняв над планетой знамя борьбы за мир, Ленин указал пути его достижения и важнейший из них — путь пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма, как могучего орудия борьбы за мир и прогресс. В своих работах Владимир Ильич всесторонне развивает эту идею, дает следующее определение ее сущности: «Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты»².

Под знаменем интернационализма победила Октябрьская революция. Пролетарский интернационализм стал одной из центральных идей ее первого законодательного акта, ставшего манифестом мира. «Рабочее движение, — прозорливо указывал Ленин, — возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму».

Решая коренные задачи строительства социалистического общества, Ленин всегда ставил в тесную связь задачи национальные и интернациональные. Декрет о мире и многие другие про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 16.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 43.

изведения и документы, публикуемые в данном сборнике, — убедительное этому свидетельство. «Мы, советские коммунисты, — заявил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — считаем защиту пролетарского интернационализма святой обязанностью каждого марксиста-ленинца»¹.

Предлагая заключить всеобщий, справедливый и демократический мир, мир без аннексий и контрибуций, Ленин ставил в порядок дня другой основополагающий принцип внешнеполитической деятельности партии и Советского государства — принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Этот принцип имеет своей целью исключить войну из отношений между странами, устанавливать добрососедские, взаимовыгодные отношения, вырабатываемые в ходе равноправных переговоров. «Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, — говорил В. И. Ленин, — эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»².

Политика мирного сосуществования имеет глубокую объективную основу. Это единственно разумная и приемлемая норма межгосударственных отношений. Вместе с тем мирное сосуществование, разумеется, не отменяет и не может отменить законов классовой и идеологической борьбы, освободительного движения народов.

Вслед за Декретом о мире последовал ряд новых конструктивных предложений Советского государства воюющим странам. Так, в ноябре 1917 года оно заявляло: «Решающий шаг сделан. Победоносная Рабочая и Крестьянская революция в России поставила вопрос о мире ребром... Сейчас все правительства, все классы, все партии воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с нами приступить... к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире»³.

Страны Антанты и США игнорировали эти предложения. Они встали на путь развязывания гражданской войны в Советской России, готовили армии для интервенции. Советское правительство вынуждено было пойти на заключение тяжелого, грабительского мира с Германией и ее союзниками — Брестского мира, поскольку в тогдашней обстановке это была единственная возможность добиться мирной передышки, сохранить Советскую власть.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. с. 31.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 304—305.

³ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I, с. 28—29.

Путь к миру был сложным и трудным. Предвидя это, Ленин предупреждал: «Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь занкнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек»¹. Внутри страны против ленинской политики мира выступили все антисоветские силы, рассчитывая, что война убьет революцию. Разгорелась и внутрипартийная борьба. Ее развязали Троцкий и «левые коммунисты» во главе с Бухариным. Авантюристическая позиция Троцкого «ни войны, ни мира», проповедь «левыми коммунистами» немедленной «революционной войны», когда для этого не было никаких условий, создали огромные трудности на пути к миру. Вскрывая весь вред и несостоятельность их позиции, Ленин заявлял: «...вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, но прекрасно чувствует, что пролетарий *прав...*»² Из этого вождь революции делал вывод: «Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию»»³.

Ленинская линия на заключение мира победила. Ее одобрил VII съезд РКП (б). Брестский мир был ратифицирован IV съездом Советов. Но эта победа, имевшая огромный резонанс во всем мире, восторженно встреченная трудящимися во всех странах, вызвала лютую ненависть у империалистов, заинтересованных в продолжении кровавой бойни. «На нашей революции,— отметил Ленин,— больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления»⁴.

Мирная передышка, завоеванная дорогой ценой, которая была необходима для развертывания социалистического строительства и установления деловых отношений с капиталистическими странами, была сорвана международным империализмом. Объединившись с внутренней контрреволюцией и оказывая ей всестороннюю помощь, правящие круги Англии, США, Франции, Японии и других стран начали интервенцию, послав в пределы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 116.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 290.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 353.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 244.

Советской России свои многочисленные армии, поставив целью «уничтожить большевизм». Возлагая главную вину за длительную и беспримерно жестокую войну, принесшую неисчислимые жертвы и разрушения, на «всемирный империализм», Ленин указал, что это он «вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании»¹.

Оставаясь верным делу мира, принципам пролетарского интернационализма и мирного сосуществования, Советское правительство под руководством В. И. Ленина использовало различные средства для прекращения кровопролитной войны. В письмах к рабочим зарубежных стран, в беседах при встречах с дипломатическими представителями и бизнесменами буржуазных государств, в интервью журналистам, в правительственных заявлениях и т. д. Ленин последовательно и настойчиво проводил в жизнь миролюбивую политику. При этом он подчеркивал: «Мы неоднократно заявляли о нашем стремлении к миру, о том, что нам необходим мир... Но мы не намерены позволить, чтобы нас задушили насмерть во имя мира»². Это был ответ тем, кто хотел бы демагогической болтовней о мире или шумихой о «большевистской опасности», о «красном милитаризме» и т. п. прикрыть интервенцию. Давая им отповедь, Ленин заявлял: «Есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме; это — политические мошенники, которые делают вид, будто бы они в эту глущость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево, пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком»³.

В другом случае, срывая маску с лжемиротворцев, пытавшихся паразитировать на мирных переговорах для прикрытия экспансионистских устремлений, Владимир Ильич со всей решительностью говорил: «Если перемирие *для мира*, то... мы за... ежели перемирие *не для мира*, а для политической игры, — *не хотим*. С миром не шутят. Надуть нас *никому* не удастся»⁴.

Ленинская политика борьбы за мир нашла отражение, в частности, в ците народного комиссара по иностранным делам, направленной 4 февраля 1919 года правительствам Англии, США, Франции, Италии и Японии. В ней говорилось: «Несмотря на все более благоприятное положение Советской России и в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 343.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 152.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 50.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 305.

военном отношении, и в отношении ее внутреннего состояния, Русское Советское Правительство считает настолько желательным заключение соглашения, которое положило бы конец военным действиям, что оно готово немедленно начать с этой целью переговоры и, как оно неоднократно заявляло, добиться такого соглашения даже ценою серьезных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской Республики»¹.

Правительства, предпринявшие интервенцию против Советской республики, упорно не принимали миролюбивые предложения Советской власти, продолжая агрессию. Героическими усилиями советского народа и его Красной Армии интервенты и белогвардейцы были разгромлены. Важную роль в достижении этой победы сыграли мощные интернациональные выступления рабочих под лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

Констатируя факт всемирно-исторической победы над анти-советской коалицией, В. И. Ленин заявил, что «мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование»². «...Все наши усилия были направлены на то, — говорил он, — чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым»³.

На новом этапе исторического развития ленинская политика борьбы за мир и мирное урегулирование отношений с капиталистическими странами, имеющая своей целью создание благоприятных условий для социалистического строительства, приобрела еще большую активность. Советское государство выдвигало обширную конструктивную программу с учетом расстановки сил на мировой арене и реальных интересов народов. В результате были заключены важные внешнеполитические акты. Убедительным свидетельством этого являются многочисленные документы, публикуемые в сборнике. Заключение одного из первых мирных договоров — договора с Эстонией Ленин назвал «окном в Европу». Далее последовала нормализация отношений с Литвой, Латвией, Финляндией, подписание мирного договора с Польшей. «...Мы — единственная республика, — отмечал в связи с этим В. И. Ленин, — которая ведет войну против империализма и которая умеет использовать всякое положение, дейст-

¹ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II, с. 58.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 22.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 19.

вужа не насиллем, а умеет также побеждать отказом от применения насилия»¹.

В. И. Ленин придавал большое значение переговорам о заключении торгово-политического соглашения с Англией. Подписание его в марте 1921 года практически означало признание Советской России де-факто одной из главных капиталистических держав мира. В то же время велись деловые переговоры, имевшие позитивные результаты, с Германией, Францией, Италией и некоторыми другими странами. Много внимания в то время Ленин уделял установлению нормальных деловых отношений с США. По этому вопросу в сборнике публикуется большая группа документов, в том числе интервью американской журналистке Луизе Браунт от 13 октября 1920 года. В нем В. И. Ленин заявил: «В начале 1918 г. я говорил американцам, в частности полковнику Робинсу, что дружеское отношение к Советской России в интересах Соединенных Штатов. Уже тогда я указывал на желательность торговых отношений — как с нашей точки зрения, так и с точки зрения Америки...

Американские капиталисты превосходно знают, что им нужно. Они знают о предстоящей борьбе с Японией за господство на Тихом океане, они понимают, что в борьбе за преобладание на мировом рынке Америка должна будет бросить вызов Англии. Правится это им или нет, Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу»². В другом интервью Ленин сказал: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой»³. Однако вплоть до 1933 года правящие круги США проводили политику непризнания Советского государства.

Огромный резонанс ленинская мирная политика имела на Востоке. Вслед за Октябрьской революцией и под ее влиянием в Монголии развернулись революционные события, завершившиеся в дальнейшем победой революции, выведшей страну на путь независимости и социалистического развития. В те годы Ленин встречался и беседовал с афганской и турецкой делегациями. Во время беседы афганский посол Мухаммед Вали-хан сказал, что близится тот час, когда весь мир увидит, что европейскому империализму нет места на Востоке. Договоры, заключен-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 40, с. 99.

² Ленинский сборник XXXVII, с. 254.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 209.

ные Советской Россией с Афганистаном, Ираном (Персией) и Турцией на основе равноправия и уважения суверенитета, были первыми равноправными договорами в их истории.

Угнетенные народы мира воочию увидели, что там, где Советская власть, там нет места национальному угнетению. Это стало могучей силой притяжения, веры в освободительную миссию Советской власти, которая постоянно проводила политику добрососедских отношений, основанную на принципах равенства и дружбы между народами. В трудах Ленина обоснована необходимость самого тесного союза всех национально-освободительных движений с Советской Россией. Подчеркивая, что Советское государство неуклонно отстаивает в международных отношениях равноправие всех наций, их справедливые стремления к освобождению от ига империализма, Ленин говорил: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасность каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹.

Истинно ленинское, интернационалистское отношение нашей страны к национально-освободительным движениям, стремление к укреплению дружбы и братства с государствами, освободившимися от колониального ига, подтверждается всей внешнеполитической деятельностью КПСС и Советского государства.

Неуклонно росли авторитет и влияние Советского государства на международные отношения в мире. Широлись связи и их сфера с другими странами. В 1922 году советская делегация впервые приняла участие в международной конференции в Генуе. В сборнике содержатся ленинские документы, в которых определялись ее задачи. 28 февраля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление, подготовленное В. И. Лениным. В нем содержалась программа международного экономического сотрудничества, которую предстояло представить конференции. Ранее Ленин наметил примерный перечень основных пунктов этой программы. Среди них: соглашение ряда стран о мерах борьбы с топливным кризисом и о мерах наиболее рационального и экономного использования источников энергии на основе единой планомерной электрификации; то же по отношению к наиболее насущным, с точки зрения возможности подвести

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.

сырье и продовольствие, мерам реорганизации и улучшения международного транспорта¹. Отмечая взаимовыгодный характер советских предложений, Ленин в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд» 14 апреля 1922 года сказал: «Россия нуждается в торговле с буржуазными государствами. С другой стороны, буржуазные правительства хорошо знают, что европейская экономическая жизнь не может быть урегулирована без России».

Однако глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Генуе унижительные условия. Россия не позволит обращаться с собой, как с побежденной страной. Если буржуазные правительства попытаются взять такой тон по отношению к России, то они совершат величайшую глупость»².

Советская делегация имела своей целью добиваться в Генуе полного юридического признания Советского государства, поддерживая усилия тех кругов буржуазии, которые склонны к мирным отношениям между государствами с разными социальными системами. Она использовала противоречия между капиталистическими государствами, чтобы предотвратить образование единого фронта капиталистических держав против Республики Советов.

В ходе Генуэзской конференции советской дипломатии удалось заключить 16 апреля 1922 года в Рапалло договор между Советской Россией и Германией. Рапалльский договор явился по существу первым международным признанием принципа мирного сосуществования государств с различными социальными системами. В проекте постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции Ленин записал: «Действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войны к высшей системе собственности*, — дано лишь в Рапалльском договоре»³. Выступая на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года, Владимир Ильич сказал: «Мы сейчас добились признания своих прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров»⁴. Вслед за тем были заключены договоры со многими странами об установлении нормальных дипломатических отношений. 1924 год стал годом признания Советского

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 383.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 160.

³ Там же, с. 193.

⁴ Там же, с. 303.

Союза буржуазными странами. Это явилось победой ленинской политики борьбы за мир и мирное сосуществование.

Сосуществование в условиях мира В. И. Лениным органически связывалось с необходимостью всеобщего разоружения. Он говорил, что «разоружение есть идеал социализма». Именно поэтому уже в 1922 году Советское правительство, отстаивая принцип мирного сосуществования, одновременно предложило осуществить всеобщее разоружение государств. Это было первым таким предложением в истории человечества.

Верная ленинским заветам, КПСС твердо и последовательно шла ленинским курсом, настойчиво проводя в жизнь политику мирного сосуществования с капиталистическими странами, многократно предлагая планы частичного и всеобщего разоружения, коллективную систему обуздания агрессора, заключения договоров о дружбе и ненападении. Правящие круги крупнейших капиталистических стран встали на путь поощрения агрессора, что привело к развязыванию второй мировой войны. Образование в ходе ее антигитлеровской коалиции с новой силой продемонстрировало перед всем миром реализм ленинского внешнеполитического курса. В послевоенные годы политика агрессивно настроенных кругов империализма, направленная на разжигание «холодной войны», постоянно наталкивалась на решительное сопротивление Советского Союза и стран социалистического содружества, всех миролюбивых сил на планете. Наша политика мира добилась огромных успехов на современном этапе борьбы за мир и сотрудничество народов. Она реально воплотилась в Программе мира, принятой XXIV съездом КПСС, и получила дальнейшее развитие в исторических решениях XXV съезда Коммунистической партии, в докладах и выступлениях неустоимого борца за мир, верного ленинца Л. И. Брежневца. Раскрывая сущность ленинского внешнеполитического курса, его центральную идею — «социализм и мир неразделимы» — товарищ Л. И. Брежнев указывает: «Призвание нашей международной политики мы видим в том, чтобы укреплять мир, который нужен нам для строительства коммунизма, нужен всем социалистическим странам, народам всех государств. Поэтому мы и впредь будем противодействовать политике агрессии и способствовать ликвидации во всем мире условий, которые порождают агрессивные войны».

Призвание и роль нашей международной политики мы видим в том, чтобы способствовать осуществлению всеми народами их неотъемлемых прав, и прежде всего права на самостоятельное, независимое развитие, при котором они могли бы пользоваться плодами современной цивилизации.

Призвание и роль нашей политики на международной арене мы видим в том, чтобы всегда быть на стороне тех, кто борется против империализма, против всех форм эксплуатации и гнета, за свободу и человеческое достоинство, за демократию и социализм»¹.

Великая жизненная сила ленинского внешнеполитического курса состоит в том, что он пользуется единодушной поддержкой советского народа, вдохновляет сотни миллионов борцов за мир во всем мире.

Идеи ленинизма вдохновляют на всех континентах миллионы борцов за социальное и национальное освобождение, против империализма, колониализма и расизма, за демократические преобразования, за сохранение и упрочение мира на земле.

Внешнеполитическая деятельность КПСС и Советского государства отвечает коренным интересам всех народов. Вот почему, как говорил Ленин, «нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли»².

Для трудящихся всех стран с именем Ленина, его незабвенным образом связаны идеалы справедливости и свободы, надежды на счастье и прочный мир. Его вклад в борьбу за рабочее дело, за светлое будущее человечества, влияние его идей столь велики, что XX век по праву считается веком Ленина, веком торжества ленинизма.

* * *

Материалы настоящего сборника характеризуют внешнеполитическую деятельность Ленина, показывают, как разрабатывались важнейшие внешнеполитические акты Советского государства: принятие Декрета о мире, заключение Брестского мира, участие в международной конференции в Генуе, подписание Рапалльского договора, заключение мирных договоров с Финляндией, Литвой, Латвией, Эстонией, Польшей. В сборнике отражены взаимоотношения Советской России с различными странами в первые годы Советской власти — США, Англией, Францией, Японией, Германией, со странами Востока — Монголией, Индией, Афганистаном, Ираном, Турцией.

В сборник включены труды Ленина, его речи и выступления на съездах Коммунистической партии и съездах Советов, его письма, адресованные в Политбюро ЦК, руководящим работникам партии и государства: наркомом иностранных дел

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речь и статьи. М., 1975. Т. 4, с. 66.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 177.

Г. В. Чичерину, наркому внешней торговли Л. Б. Красину, а также послания главам зарубежных государств, обращение к председателю Американской администрации помощи Г. К. Гуверу, письма американским промышленникам, выразившим желание установить экономические связи с Советской Россией, — Арманду Хаммеру и В. Вандерлипу, ученым, предлагавшим свою помощь Советской России, и другим специалистам, интервью иностранным журналистам и т. п.

Тексты из работ и писем В. И. Ленина печатаются по его Полному собранию сочинений и Ленинским сборникам. Некоторые произведения напечатаны не полностью, что оговорено в заголовках. Все материалы сборника расположены в хронологическом порядке.

В приложении даны воспоминания советских и зарубежных современников о внешнеполитической деятельности В. И. Ленина.

В книге имеются примечания и предметный указатель.

Сборник подготовили *Н. И. Суровцева* и *А. Г. Хоменко*.

*ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД
СОВЕТОВ РАБОЧИХ
И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ*¹

25—26 ОКТЯБРЯ (7—8 НОЯБРЯ) 1917 г.

**ДОКЛАД О МИРЕ
26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)**

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, большой вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет падать избранное вами правительство.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и

трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аппексией, т. е. захватом и насилем.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнодь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аппексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

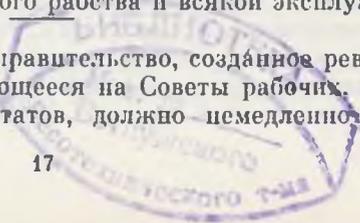
Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия пародностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых пацций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма: и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, должно немедленно начать

20
76423

переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии и будем действовать открыто перед всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия, и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы и обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу своего классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах и создавшим могучие организации.

В манифесте 14 марта мы предлагали свергнуть банкиров², но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского

флота, подавленное юнкерами палача Вильгельма. Наконец, надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно.

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму. (Долгие несмолкаемые аплодисменты.)

Пам. собр. соч., т. 35, с. 13—14

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)

Я не буду касаться общего характера декларации. Правительство, которое ваш съезд создаст, сможет внести и изменить несущественных пунктов.

Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости.

Мы наше обращение разошлем всюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности, правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

Что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии, если из-за нашей ультимативности он не будет знать, что хочет другое правительство. Он скажет: товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всяких условий мира. Я бы их обсудил, я бы их просмотрел, а затем бы наказал моим представителям в Учредительное собрание, как им поступить. Я готов биться революционным путем за справедливые условия, если правительства не согласятся, но могут быть такие условия для некоторых стран, что я готов предложить этим правительствам бороться самим дальше. Полное осуществление наших мыслей

зависит только от свержения всего капиталистического строя. Вот что может сказать нам крестьянин, и он обвинит нас в излишней неуступчивости и в мелочах, когда нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства.

Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам. Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного собрания.

Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы³. Должны быть отменены пункты об апелляциях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях.

Мы не связываем себя договорами. Мы не дадим себя опутать договорами. Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать. Мы предлагаем перемирие на срок три месяца, мы выбираем длинный срок, потому что народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год. Мы должны понимать, что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы потому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах от этого кошмара вечных убийств, но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора. Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным, ибо мы не дадим возможности нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость. Оно не должно быть ультимативным, ибо преступно правительство, не желающее перемирия. Если же мы предложение наше о перемирии сделаем не ультимативным, то мы тем самым заставим правительства в глазах народа стать преступниками, а с такими преступниками народы не

станут церемониться. Нам возражают, что наша неультимативность покажет наше бессилие, но пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное... По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения войны. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислушниками? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже невоюющих стран.

Полн. собр. соч., т. 35, с. 19—22

ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК 10(23) НОЯБРЯ 1917 г.

ИЗ ДОКЛАДА О ПЕРЕГОВОРАХ С ДУХОНИНЫМ ⁴

Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается. Эта борьба будет трудной и упорной. Международный империализм мобилизует все свои силы против нас, но, как ни велики силы международного империализма, наши шансы весьма благоприятны; в этой революционной борьбе за мир и с борьбой за мир мы соединим революционное братание.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА

В войне не дожидаются исхода, а это была война против контрреволюционного генералитета, и мы тут же против него обратились к солдатам. Мы сместили Духонина, но мы не формалисты и бюрократы, и мы знаем, что одного смещения мало. Он идет против нас, а мы апеллируем против него к солдатской массе. Мы даем ей право вступать в переговоры о перемирии. Но не заключаем перемирия. Солдаты получили предостережение: стеречь контрреволюционных генералов. Я считаю, что любой полк достаточно организован для того, чтобы поддерживать необходимый революционный порядок. Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о перемирии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено нападение, то обязанность солдат — расстрелять изменников тут же без формальностей.

Говорить, что мы теперь ослабили наш фронт, на случай, если бы немцы перешли в наступление — чудовищно. Пока Духонин не был изобличен и смещен, у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно только обращаясь к чувству организованности и самодеятельности солдатской массы. Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без активного участия солдат мир, заключенный главкомандующими, — непрочен.

Напечатано 13 (26) ноября 1917 г.

Полн. собр. соч., т. 35, с. 86, 87—88

ИЗ «ТЕЗИСОВ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ»

15. К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире. Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в виде опубликования тайных договоров, заключения перемирия и начала гласных переговоров о всеобщем мире без аннексий и без контрибуций.

Широкие народные массы только теперь на деле, полностью и открыто получают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучать ее результаты.

Написано 11 или 12 (24 или 25) декабря 1917 г.

Полн. собр. соч., т. 35, с. 165

Два вопроса стоят в настоящий момент во главе всех других политических вопросов: вопрос о хлебе и вопрос о мире. Импералистская война, война величайших и богатейших банковых фирм — «Англия» и «Германия» — из-за господства над миром, из-за дележа добычи, из-за ограбления малых и слабых народов, эта ужасная и преступная война разорила все страны, измучила все народы, поставила человечество перед дилеммой: погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть иго капитала, свергнуть господство буржуазии, завоевать социализм и прочный мир.

Если не победит социализм, мир между капиталистическими государствами будет означать только перемирие, перерыв, подготовку к новой войне народов. Мир и хлеб — таковы основные требования рабочих и эксплуатируемых. Война обострила эти требования до крайней степени. Война ввергла в голод наиболее цивилизованные, наиболее культурно развитые страны. Но зато, с другой стороны, война как громадный исторический процесс неслыханным образом ускорила социальное развитие. Капитализм, развившийся в империализм, т. е. в монополистический капитализм, превратился под влиянием войны в государственно-монополистический капитализм. Мы достигли теперь этой ступени развития мировой экономики, и она является непосредственным преддверием к социализму.

Поэтому разразившаяся в России социалистическая революция представляет только начало мировой социалистической революции. Мир и хлеб, свержение буржуазии, революционные средства для исцеления рац, нанесенных войной, полная победа социализма — вот цели борьбы.

Петроград, 14 декабря 1917.

Полн. собр. соч., т. 35, с. 169—170

Из статьи

«ЗАПУГАННЫЕ КРАХОМ СТАРОГО И БОРЮЩИЕСЯ ЗА НОВОЕ»

...За несколько недель на место империалистской лжи во внешней политике, затягивавшей войну и прикрывающей грабеж и захват тайными договорами, поставлена действительно революционно-демократическая политика действительно демо-

кратического мира, давшая уже такой крупный практический успех, как перемирие и увеличение во сто крат пропагандистской силы нашей революции.

*Написано 24—27 декабря 1917 г.
(6—9 января 1918 г.)*

Полн. собр. соч., т. 35, с. 191

ПОЗИЦИЯ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) В ВОПРОСЕ О СЕПАРАТНОМ И АННЕКСИОНИСТСКОМ МИРЕ ⁶

Дорогие товарищи!

Организационное бюро ЦК считает необходимым обратиться к вам с разъяснением мотивов, побудивших ЦК согласиться на условия мира, предложенные германским правительством. Организационное бюро обращается к вам, товарищи, с этим разъяснением в целях широкого осведомления всех членов партии о точке зрения ЦК, представляющего в периоды между съездами всю партию. Организационное бюро считает необходимым указать, что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд и на нем лишь можно будет разрешить вопрос, насколько правильно ЦК выразил действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах, проводят в жизнь решения своего центрального руководящего органа, ЦК партии.

Безусловная необходимость подписания в данный момент (24-го февраля 1918 г.) захватного, невероятно тяжелого мира с Германией вызывается прежде всего тем, что у нас нет армии, что мы обороняться не можем.

Все знают, почему после 25 октября 1917 г., после победы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, мы все стали оборонцами, мы за защиту отечества.

Недопустимо, с точки зрения защиты отечества, давать себя вовлечь в военную схватку, когда не имеешь армии и когда неприятель вооружен до зубов, подготовлен великолепно.

Нельзя Советской социалистической республике вести войну, имея заведомо огромное большинство выбирающих в Советы рабочих, крестьянских и солдатских масс против войны. Это было бы авантажурой. Другое дело, если эта война закончится, хотя бы архитяжким миром, и германский империализм потом

опять пожелает вести наступательную войну против России. Тогда большинство Советов наверно будет за войну.

Вести войну теперь значит объективно поддаваться на провокацию русской буржуазии. Она прекрасно знает, что Россия сейчас беззащитна и будет разгромлена даже ничтожными силами германцев, которым достаточно перерезать главные железнодорожные линии, чтобы голодом взять Питер и Москву. Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения Советской власти и соглашения с немецкой буржуазией. Триумф буржуев в Двинске и Режице, в Вендене и в Гапсале, в Мписке и в Дриссе, при вступлении немцев, яснее ясного подтверждает это.

Защита революционной войны в данный момент неминуемо сбивается на революционную фразу. Ибо без армии, серьезнейшей экономической подготовки вести современную войну против передового империализма для разоренной крестьянской страны — вещь невозможная. Сопротивление германскому империализму, который раздавит нас, взяв в плен, безусловно необходимо. Но пустой фразой было бы требование: сопротивляться именно посредством вооруженного восстания и именно сейчас, когда *такое* сопротивление заведомо безнадежно для нас, заведомо выгодно и для германской и для русской буржуазии.

Такой же фразой является защита революционной войны сию минуту доводами о поддержке международного социалистического движения. Если мы облегчим германскому империализму своим несвоевременным принятием боя с ним разгром Советской республики, то повредим, а не поможем германскому и международному рабочему движению и делу социализма. Надо всесторонней, настойчивой, систематической работой помогать только революционным интернационалистам внутри всех стран, но идти на авантюру вооруженного восстания, когда оно заведомо есть авантюра, недостойно марксиста...

Систематическая, неуклонная, всесторонняя подготовка обороноспособности страны, самодисциплины везде и повсюду, использование тяжкого поражения для повышения дисциплины во всех областях жизни, в целях экономического подъема страны и упрочения Советской власти — вот задача дня, вот подготовка революционной войны на деле, а не на словах.

В заключение Организационное бюро считает необходимым указать, что, поскольку до сих пор наступление германского империализма не прекращено, все члены партии должны организовать дружный отпор. Если нельзя подписанием мира, хотя бы и крайне тягостного, получить время для подготовки к новым битвам, наша партия должна указывать на необходимость напряжения всех сил для самого открытого сопротивления.

Если можно выиграть время, получить хотя бы и короткую передышку для организационной работы, мы обязаны добиться этого. Если отсрочки нам не даю, наша партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите. Мы уверены, что все члены партии исполнят свой долг перед партией, перед рабочим классом своей страны, перед народом и пролетариатом. Сохраняя Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть⁷.

С товарищеским приветом

*Организационное бюро
ЦК РСДРП (большевиков)*

Написано 24 февраля 1918 г.

Полн. собр. соч., т. 35, с. 389—392

СТРАННОЕ И ЧУДОВИЩНОЕ

В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское областное бюро нашей партии вынесло недоверие Центральному Комитету, отказалось подчиняться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в «объяснительном тексте» к резолюции заявило, что «находит едва ли устрашимым раскол партии в ближайшее время»*.

Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходящиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно.

Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен «объяснительный текст». Вот он полностью:

«Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного

* Вот полный текст резолюции: «Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией».

ратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... страшны и чудовищны.

В этих словах гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычайной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти...» Это странно, ибо нет даже связи между посылками и выводом. «В интересах международной революции целесообразно идти на *военное поражение* Советской власти» — такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это — первое.

Второе: Советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только страшно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно идти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате Советской власти, т. е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мной в тезисах (от 8 января 1918 г., напечатанных в «Правде» от 24 февраля 1918 г.) *, именно, что неприятие условий мира, предложенного нам Германией, приведет Россию к поражению и к свержению Советской власти.

Итак, *la raison finit toujours par avoir raison* — правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были — именно потому, что они открыто договорились до раскола, — договорить также до конца свои конкретные соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделяющиеся общими фразами о революционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 7 января 1918 г.) состоит в указании на необходимость принять архаичный мир *сейчас*, в данную минуту, при одновременной серьезной *подготовке* революционной войны (а также именно

* См. Полн. собр. соч., т. 35, с. 243—252. *Ред.*

в интересах этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу сути моих доводов. Москвичи *первые* ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в признании *правильности* моего *конкретного* довода: да, признались москвичи, нам действительно предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами*. Да, это поражение действительно приведет к падению Советской власти.

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против сути моих доводов, т. е. именно против моего *конкретного* указания на условия войны, в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что они безбоязненно признали *правильность* моего *конкретного* указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, *правильность* которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции *надо* идти на утрату Советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному, пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка. О том, что общезвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить — и о «беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате Советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира, — ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту

* На контрвозражение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8-го января мои тезисы прочтены; к 15 января мы *могли* иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая передышка имела гигантское значение — как материальное, так и моральное, ибо *немец* должен бы был объявить *новую* войну), если бы... если бы не революционная фраза.

свою особую слабость? Ясно высказать, *почему* (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам *искать* тех доводов, которыми *могли* руководиться авторы резолюции.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира) бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистических держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революцию. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, ядя на возможность поражения этой революции в *данной* стране, — такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата Советской власти»), *спасая* немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контрреволюции и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо *обязательно* было бы идти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а *помешали*, «идя на возможность утраты Советской власти». Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России Советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что «в интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной» — вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели, авторы московской резолюции.

Раз, дескать, германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и Советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», — таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорим: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облекают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно погибать!

Чувство, понятное при том архитяжком положении, в котором Россия находится. Но «понятно» оно не в среде сознательных революционеров. Характерно оно именно, как доведение до абсурда взглядов москвичей. Французы 1793 года пикогда не

сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными, что надо идти на возможность утраты республики. Они были полны не отчаяния, а веры в победу. Звать же к революционной войне и в то же самое время в официальной резолюции говорить «идти на возможность утраты Советской власти», значит разоблачать себя до конца.

Пруссия и ряд других стран в начале XIX века, во время наполеоновских войн, доходили до несравненно, неизмеримо больших тяжестей и тягот поражения, завоевания, унижения, угнетения завоевателем, чем Россия 1918 года. И, однако, лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военного сапога во сто раз сильнее, чем смогли теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений. Они не махали рукой, не поддавались чувству: «все равно погибать». Они подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и *освободились в конце концов* (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями).

Почему бы не могла подобная вещь повториться в нашей истории?

Почему бы нам впасть в отчаяние и писать резолюции — ей-же-ей, более позорные, чем самый позорный мир, — резолюции о «становящейся чисто формальной Советской власти»?

Почему тяжчайшие военные поражения в борьбе с колоссами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

Почему должны мы впасть в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?

Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливая силы при *всяких* условиях, — стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эсеров, побил рекорд фразы о революционной войне?

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дань 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть *не* только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем выданные когда-либо истории). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем Брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) — и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, *учило* народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно-трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что иная эпоха — как была эпоха наполеоновских войн — будет эпохой освободительных *войн* (именно *войн*, а не одной войны), навязываемых завоевателями Советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстановлению и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

Напечатано 15 (28) февраля
и 16 февраля (1 марта) 1918 г.

Полн. собр. соч., т. 33, с. 399—407

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЕТА
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
7 МАРТА

История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не униженного. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более униженному, а в Питере и в Москве, на следующем этапе, нам предпущут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья⁹, мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, вернуться к войне, — и это, может быть, предстоит на днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку

армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную больную армию.

Мы не знаем, какова будет передышка, — будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на нескольких фронтах. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны — тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны — тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, он не может, как утверждают, сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее подыгать для новой войны, — всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо последнее — в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от больного органа.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 23—25

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 8 МАРТА

Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна, не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание целиком было создано нами, — это было потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было, передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, мы имеем только пять дней передышки, — и это хорошо. История войны показывает, что для того чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот — человек фра-

вы, а не стратегии. Вот в чем горе. Когда мне цекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство» — это вреднейшая, пустейшая ребячья фраза. Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было демонстрировать, когда наступление на нас было неизбежно. Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: «Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, — это новая война, которую немцы ведут против Советской власти». Тогда наступит оздоровление. Но вы ставите вопрос, который решить нельзя. Никто не знает срока передышки.

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он пачал переговоры в Бресте, великолепно использовав их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украд¹⁰. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состоянье войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отменяла это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит: «жизнь покажет, что мы были правы». Я был прав, потому что я писал об этом еще в 1915 году: «Надо готовиться вести войну, она неизбежна, она идет, она придет»*. Но надо было мир взять, а не хорохориться зря. И тем более надо было мир взять, что война придет, а сейчас мы, по меньшей мере, облегчаем эвакуацию Питера, мы ее облегчили. Это факт. Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: «обещайте, что не подпишете мир с Винниченко», я говорю, что ни в коем случае такого обязательства на себя не возьму. Если бы съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, никто ответственности за это на себя не возьмет. Это значило бы вместо ясной линии маневрирования, — отступая, когда можно, иногда наступая, — вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной исто-

* См. Полн. собр. соч., т. 27, с. 50—51. *Ред.*

рии, не зная того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылаясь на прусскую историю. Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит продан сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой, все это мы забыли, мы видим, старая война превращается в ...*. Если вам угодно, связывайте себя формальными соображениями навсегда и давайте тогда ответственные посты левым эсерам. Мы на себя ответственности за это не возьмем. Тут нет ни твоего желания раскола. Я убежден, что жизнь вас научит. 12 марта — не за горами — вы получите большой материал¹¹.

Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения. Чтобы показать конкретно, я возьму пример: два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит — это предательство; но если две армии по сто тысяч и против них пять армий; одну армию окружили двести тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что триста тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не грубость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, — тут не персональное понятие: поступая так, я сбергаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут. Только так можно рассуждать; но когда к соображениям военным припутываются другие, тут ничего, кроме фразы, нет. Так политику вести нельзя...

Касаясь речи тов. Бухарина, я отмечаю, что, когда у него не хватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и говорит: «Договор нас шельмует». Тут аргументы не нужны: если мы ошельмованы, мы должны были бы собрать бумаги и убеждать, но, хотя мы и «ошельмованы», я не думаю, чтобы наши позиции были поколеблены. Тов. Бухарин пытался анализировать классовую основу наших позиций, но вместо этого рассказал анекдот о покойном экономисте-москвиче. Когда наши в нашей тактике связь с мешочничеством, то, — ей-богу, смешно, забыли, что отношение класса в целом, — класса, а не мешочников, — показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни — делонародовцы и повожизненцы¹² — втравливают нас в эту войну всеми силами. Ведь этот классовый факт

* В стенограмме несколько слов отсутствует. *Ред.*

вы не подчеркиваете. Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, потому что это есть вернейший, — я не говорю: абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает, — вернейший путь сбросить нас сейчас. Когда тов. Бухарин говорил: жизнь за них, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, — он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказывали еще в 1915 году. Наши разногласия были в том, что немец: наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступить физически, отдавая strapу, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.

Напечатано 6 (19) марта 1918 г.

*Полн. собр. соч., т. 36, с. 29—32,
33—34*

Из статьи

«ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА НАШИХ ДНЕЙ»

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; — неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых

изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашения с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир — дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистической войны. Хищник давит и душил и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции в его собственной стране.

Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Но надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатств

вах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической.

Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние. Неправда, будто у нас нет выхода и остается только выбирать между «бесславной» (с точки зрения шляхтича) смертью, каковой является тягчайший мир, и «доблестной» смертью в безпадежном бою. Неправда, будто мы предали свои идеалы или своих друзей, подписав «Тильзитский» мир. Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не осятели и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении... Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма.

И потому, если Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой отечественной войне, то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции. Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма.

Написано 11 марта 1918 г.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 78—82

IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ ¹³

14—16 МАРТА 1918 г.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ ВИЛЬСОНА ¹⁴

Съезд выражает свою признательность американскому народу и в первую голову трудящимся и эксплуатируемым классам Северо-Американских Соединенных Штатов по поводу выражения президентом Вильсоном своего сочувствия русскому народу, через съезд Советов, в те дни, когда Советская социалистическая республика России переживает тяжелые испытания.

Ставши нейтральной страной Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистской войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся.

Написано 14 марта 1918 г.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 91

ИЗ ДОКЛАДА О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 14 МАРТА

Революции не идут так гладко, чтобы обеспечить нам быстрый и легкий подъем. Не было ни одной великой революции, даже в рамках национальных, которая не переживала бы тяжелого периода поражений, и нельзя к серьезному вопросу массовых движений, развивающихся революций относиться так, чтобы, объявляя мир похабным, унижительным, революционер не мог с ним помириться; недостаточно привести агитационные фразы, осыпать нас порицаниями по поводу этого мира, — это заведомая азбука революции, это заведомый опыт всех революций. Наш опыт с 1905 года, — а если мы чем богаты, если благодаря чему-нибудь пришлось русскому рабочему классу и беднейшему крестьянству взять на себя труднейшую и почетнейшую роль начала международной социалистической революции, так именно потому, что русскому народу удалось, благодаря особому стечению исторических обстоятельств, в начале

XX века проделать две великие революции, — то надо учиться опыту этих революций, надо уметь понять, что, лишь принимая во внимание изменения соотношений классовых связей одного государства с другим, можно установить заведомо, что мы не в состоянии принять бой сейчас; мы должны считаться с этим, сказать себе: какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унизителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам, потому что он дает возможность поправить то, что сделала буржуазия, которая теперь кричит везде, где имеет возможность кричать, особенно под защитой немцев в занятых областях. (А п л о д и с м е н т ы.)

Буржуазия кричит о том, что ведь большевики разложили армию, что армии нет и в этом виноваты большевики, но посмотрим на прошлое, товарищи, посмотрим, прежде всего, на развитие нашей революции. Разве вы не знаете, что бегство и разложение нашей армии началось задолго до революции, еще в 1916 году, что всякий, кто видел армию, должен это признать? И что же сделала наша буржуазия, чтобы предотвратить это? Разве не ясно, что единственный шанс на спасение от империалистов был тогда в ее руках, что этот шанс представлялся в марте — апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки против буржуазии. И если бы тогда Советы взяли власть, если бы буржуазная интеллигенция и мелкобуржуазная, с эсерами и меньшевиками, вместо того, чтобы помогать Керенскому обманывать народ, прятать тайные договоры и вести армию в наступление, если бы она тогда пришла на помощь армии, снабдив ее вооружением, продовольствием, заставив буржуазию помогать отечеству при содействии всей интеллигенции, не отечеству торгашей, не отечеству договоров, помогающих истреблять народ (а п л о д и с м е н т ы), если бы Советы, заставив буржуазию помогать отечеству трудящихся, рабочих, помогли раздетой, разутой, голодной армии, — только тогда мы имели бы, может быть, десятимесячный период, достаточный, чтобы дать армии вздохнуть и дать единую поддержку, чтобы она, ни на шаг не отступая с фронта, предлагала всеобщий демократический мир, разорвав тайные договоры, но держалась на фронте, не отступая ни на шаг. Вот в чем был шанс на мир, который рабочие и крестьяне давали и одобряли. Это тактика защиты отечества, не отечества Романовых, Керенских, Черновых, отечества с тайными договорами, отечества продажной буржуазии, а отечества трудящихся масс. Вот кто привел к тому, что переход от войны к революции и от русской революции к международному социализму

проходит с такими тяжелыми испытаниями. Вот почему такой пустой фразой звучит такое предложение, как революционная война, когда мы знаем, что армии у нас нет, когда мы знаем, что удержать армию было невозможно, и люди, знакомые с делом, не могли не видеть, что наш указ о демобилизации не выдуман, а что он является результатом очевидной необходимости, простой невозможности удержать армию. Удержать армию было нельзя. И прав оказался тот офицер, не большевик, который говорил еще до октябрьского переворота, что армия воевать не может и не будет¹⁵. Вот к чему привели месяцы торговли с буржуазией и все речи о необходимости продолжения войны; какими бы благородными чувствами они ни диктовались со сторон многих революционеров, или немногих революционеров, они оказались пустыми революционными фразами, отдающими себя на посягательства международного империализма, чтобы он ограбил еще столько и еще больше, как он уже успел сделать после нашей тактической или дипломатической ошибки — после неподписания Брестского договора. Когда мы говорили противникам подписания мира: если бы передышка была сколько-нибудь продолжительна, вы поняли бы, что интересы оздоровления армии, интересы трудящихся масс стоят выше всего и что мир должен быть заключен ради этого, — они утверждали, что передышки быть не может.

Но наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах, когда трудящиеся массы в самых захолустных деревнях, приниженные, задавленные, угнетавшиеся царями, помещиками, буржуазией, поднимаются, и этот период революции завершается только теперь, когда происходит деревенская революция, которая строит жизнь по-новому. И ради этой передышки, как бы она ни была непродолжительна и мала, мы обязаны, если мы ставим интересы трудящихся масс выше интересов буржуазных вояк, которые машут саблями и призывают нас на бой, мы обязаны были подписать этот договор. Вот чему учит революция. Революция учит, что, когда мы делаем дипломатические ошибки, когда мы полагаем, что немецкие рабочие придут к нам завтра на помощь, в надежде, что Либкнехт победит сейчас (а мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, это неизбежно в развитии рабочего движения (аплудисменты)), это значит, что, в увлечении, революционные лозунги трудного социалистического движения превращаются в фразу. И ни один представитель трудящихся, ни один честный рабочий не откажется принести величайшую жертву для помощи социалистическому движению Германии,

потому что за все это время на фронте он научился различать между германскими империалистами и измученными немецкой дисциплиной солдатами, по большей части нам сочувствующими. Вот почему я говорю, что русская революция практически исправила нашу ошибку, исправила ее этой передышкой. По всей вероятности, она будет очень непродолжительна, но мы имеем возможность хотя бы кратчайшей передышки, чтобы армия, которая измучена, изголодалась, пропниклась сознанием того, что она получила возможность передохнуть. Для нас ясно, что период старых империалистских войн окончился и грозят новые ужасы начала новых войн, по периоды таких войн были во многих исторических эпохах, причем наибольшее обострение они приобретали перед их окончанием. И пужно, чтобы это поняли не только на митингах в Петрограде и Москве; надо, чтобы поняли это в деревнях многие десятки миллионов, чтобы возвратившаяся с фронта наиболее просвещенная часть деревни, которая пережила все ужасы войны, помогла это понять и громадная масса крестьян и рабочих убедилась в необходимости революционного фронта и сказала, что мы поступили правильно.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 102—103

РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, вероятно тяжелый, пасильственный и унижательный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его бедствиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым пасиллем.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную, очередную и неотлож-

ную задачу текущего момента — повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучительнейшей войны, по которым в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без изъятия народам, Россия, вырвавшись из тисков империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика отпыле, единодушно осуждая грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом всех трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоюбого пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советскую власть, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против ига капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному социалистическому движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

Написано 13 или 14 марта 1918 г.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 122—123

«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Благодаря достигнутому миру, — несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность, — Российская Советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной.

Эта задача ясно и точно поставлена перед всеми трудящимися и угнетенными массами в 4-м абзаце (4-й части) резолюции, принятой 15 марта 1918 года на московском Чрезвычайном съезде Советов, — в том же абзаце (или в той же части) резолюции, где говорится о самодисциплине трудящихся и о беспощадной борьбе с хаосом и дезорганизацией.

Непрочность достигнутого Российской Советской республикой мира обуславливается, конечно, не тем, чтобы она помышляла теперь о возобновлении военных действий; — кроме буржуазных контрреволюционеров и их подголосков (меньшевиков и проч.), ни один вменяемый политик не думает об этом. Непрочность мира обуславливается тем, что в граничащих с Россией с запада и с востока империалистских государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партия, соблазненная моментальной слабостью России и подталкиваемая ненавидящими социализм и охочими до грабежа капиталистами.

При таком положении дела, реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно разнь между империалистскими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении империалистской бойни народов на Западе, а с другой стороны — в крайне обостренном империалистическом соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем.

Понятно, что, защищенная столь шаткой охраной, наша Советская социалистическая республика находится в чрезвычайно непрочном, безусловно критическом международном положении. Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку для излечения тягчайших ран, нанесенных всему обществен-

пому организму России войной, и для экономического подъема страны, без чего не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности.

Написано между 13 и 28 апреля
1918 г.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 167—168

РАЙМОНДУ РОБИНСУ¹⁶

30.IV.1918.

Дорогой м-р Робинс,
весьма благодарен Вам за Ваше письмо. Я уверен, что по-
вая демократия, то есть пролетарская демократия, установится
во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-
капиталистическую систему в Новом и в Старом свете.

С сердечным приветом и благодарностью

преданный Вам Ленин

Полн. собр. соч., т. 50, с. 68

Из статьи

«О «ЛЕВОМ» РЕВЯЧЕСТВЕ
И О МЕЛКОБУРЖУАЗНОСТИ»¹⁷

I

Как политическая — или претендующая на политическую роль — величина, группа «левых коммунистов» дала нам свои «тезисы о текущем моменте». Это — хороший марксистский обычай, давать связное и цельное изложение основ своих взглядов и своей тактики. И этот хороший марксистский обычай помог разоблачить ошибку наших «левых», ибо одна уже попытка аргументировать — а не декламировать — вскрывает несостоятельность аргументации.

Прежде всего бросается в глаза обилие кивков, намеков, уверток по поводу старого вопроса о том, правильно ли было заключение Брестского мира. Прямо поставить этот вопрос «левые» не решились, и они барахтаются комично, громоздя один довод на другой, вылавливая соображения, разыскивая всяческие «с одной стороны» и «с другой стороны», растекаются мыслью по всем предметам, и многим прочим, стараясь не видеть, как они побивают сами себя. Цифру: 12 голосов на съезде партии против мира, при 28 за мир, «левые» заботливо

приводят, а о том, что из многих сотен голосов на большевистской фракции съезда Советов они собрали менее одной десятой, скромно умалчивают. Создают «теорию», что мир проводили «усталые и деклассированные», против мира «были рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга»... Как не посмеяться над этим? О голосовании Всеукраинского съезда Советов за мир — ни звука, о социальном и классовом характере типично мелкобуржуазного и деклассированного политического конгломерата в России, бывшего против мира (партии левых эсеров), — ни словечка. Чисто ребяческая манера забавными объяснениями «под научность» прикрывать свой крах, прикрывать факты, простая сводка которых показала бы, что именно деклассированные, интеллигентские партийные «вершки» и верхушки оспаривали мир лозунгами революционной мелкобуржуазной фразы, именно *массы* рабочих и эксплуатируемых крестьян провели мир.

Через все указанные заявления и увертки «левых», по вопросу о войне и мире, простая и ясная правда пробивает себе все же дорогу. «Заключение мира, — вынуждены признать авторы тезисов, — ослабило пока что стремление импералистов к международной сделке» (это изложено не точно у «левых», но останавливаться на неточностях здесь не место). «Заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами».

Вот это — факт. Вот это имеет *решающее* значение. Вот почему противники заключения мира были объективно нгруппкой в руках империалистов, были в их западне. Ибо пока не вспыхнула международная, несколько strap охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще* более ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах. Этой простой истины не поняли в январе, феврале и марте паши «левые», они боялись признать ее открыто и теперь; она пробивает себе дорогу сквозь все их сбывчивые: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться».

«В течение ближайшей весны и лета, — пишут «левые» в своих тезисах, — должно начаться крушение империалистической системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Формулировка здесь еще более ребячески-неточная, несмотря на всю игру в научность. Детям свойственно «понимать» науку так, будто она может определить, в каком году, весной и летом или осенью и зимой «должно» «начаться крушение»...

II

Но, может быть, фразы «левых» о войне просто ребяческий задор, обращенный притом к прошлому и потому ни теи политического значения не имеющий? Так защищают некоторые наших «левых». Но это неверно. Если претендовать на политическое руководство, надо уметь *продумать* политические задачи, а отсутствие этого превращает «левых» в бесхарактернейших проповедников шатания, имеющего объективно только одно значение: своими шатаниями «левые» *помогают* империалистам провоцировать Российскую Советскую республику на заведомо невыгодный для нее бой, *помогают* империалистам затащить нас в западню. Слушайте:

«...Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала, делая уступки «отечественному капиталу».

С этой точки зрения необходимы: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом, и укрепление органической связи с международным социализмом (а не с международной буржуазией)....».

Об имеющихся здесь выпадах в область внутренней политики будет речь особо. Но посмотрите на этот разгул фразы — вместе с робостью на деле — в области политики внешней. Какая тактика *обязательна* для всякого, кто не хочет быть орудием империалистской провокации и лезть в западню в *данный* момент? На этот вопрос всякий политик должен дать ясный, прямой ответ. Ответ нашей партии известен: в *данный* момент *отступать*, избегать боя. Наши «левые» не решаются сказать обратного и стреляют в воздух: «решительная классовая международная политика»!!

Это — обман масс. Хотите воевать сейчас, так говорите это прямо. Не хотите *отступать* сейчас, так говорите прямо. Иначе вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, по прекрасно чувствует, что пролетарий *прав*, отступая и стараясь отступить организованно; — пролетарий *прав*, рассчитывая, что, пока сил еще нет, надо отступать (перед западным и

восточным империализмом) хотя бы до Урала, ибо это *единственный* шанс выигрыша для периода назревающей революции на Западе, революции, которая не «должна» (вопреки болтовне «левых») начаться «весной или летом», но которая с *каждым* *месяцем* становится все ближе и вероятнее.

«Своей» политики у «левых» нет; объявить отступление *сейчас* ненужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя *в данный момент*. Они пускают мыльные пузыри: «международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это поздравщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз: авось, дескать, невнимательный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «международная революционная пропаганда делом».

Швыряться звонкими фразами — свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо: возможно и даже вероятно, что военная партия возьмет еще раз верх в Германии (в смысле перехода тотчас в наступление на нас) и что Германия вместе с Японией, по формальному или молчаливому соглашению, будут делить и душить нас. Наша тактика, если мы не хотим слушать крикунов: выжидать, оттягивать, избегать боя, отступать. Если мы отбросим прочь крикунов и «подтянемся», создав действительно железную, действительно пролетарскую, действительно коммунистическую дисциплину, то мы имеем серьезные шансы выиграть много месяцев. И тогда, отступая даже (на худой из худых конпов) до Урала, мы *облегчаем* нашему союзнику (международному пролетариату) возможность прийти к нам на помощь, возможность «покрыть» (выражаясь спортивным языком) расстояние, отделяющее начало революционных взрывов от революции.

Такая и только такая тактика на деле укрепляет связь одного, оказавшегося на время изолированным, отряда международного социализма с прочими отрядами, а у вас, любезные «левые коммунисты», получается, по правде сказать, только «укрепление органической связи» одной звонкой фразы с другой звонкой фразой. Плохая это «органическая связь»!

И я вам объясню, любезные, почему это несчастье с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете. От этого вы слова «оборона социалистического отечества» ставите в кавычки, которые, вероятно, должны означать ваше покушение на иронию, но которые на деле показывают именно кашу в голове. Вы привыкли считать «оборончество» вещью гнусной и гадкой, вы запомнили и заучили это, вы твердили это наизусть до того усердно, что некоторые из вас договаривались до целепости, будто защита отечества в империалистскую эпоху есть вещь недопустимая (на деле она недопустима лишь в империалистской, реакционной войне, ведомой буржуазией). Но вы не продумали, почему и когда гнушно «оборончество».

Признавать защиту отечества это значит признавать законность и справедливость войны. Законность и справедливость с какой точки зрения? Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем. Если войну ведет класс эксплуататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это — преступная война и «оборончество» в такой войне есть гнусность и предательство социализма. Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна».

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г. Я говорил это не раз с полной определенностью, и оспорить этого вы не решались. Именно в интересах «укрепления связи» с международным социализмом *обязательно* оборонять *социалистическое* отечество. Разрушает связь с международным социализмом тот, кто стал бы относиться легкомысленно к обороне страны, в которой победил уже пролетариат. Когда мы были представителями угнетенного класса, мы не относились легкомысленно к защите отечества в империалистской войне, мы принципиально отрицали такую защиту. Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм, мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны. Seriously относиться к обороне страны это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является *отступление в глубь страны* (тот, кто увидал бы в этом, на данный только случай, притянутую формулу, может прочитать у старика Клаузевица, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса о соотношении сил.

Когда мы были принципиально врагами оборончества, мы имели право высмеивать тех, кто хотел «сберечь» свое отечество в интересах будто бы социализма. Когда мы получили право быть пролетарскими оборонцами — вся постановка вопроса в корне меняется. Нашим долгом становится осторожнейший учет сил, тщательнейшее взвешивание того, успеет ли подойти наш союзник (международный пролетариат). Интерес капитала — разбить врага (революционный пролетариат) по частям, пока еще не соединились (на деле, т. е. начав революцию) рабочие всех стран. Интерес наш — сделать все возможное, использовать даже малейший шанс, чтобы оттянуть решительный бой до момента (или «до после» момента) такого объединения революционных отрядов одной великой международной армии.

Написано 5 мая 1918 г.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 285—287,
289—293

ИЗ «ТЕЗИСОВ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ»¹⁸

II

Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Наша военная подготовка еще не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил.

Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистских коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы, мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией. Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие непринемлемо, как полный крах Советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России.

При учете задач внешней политики Советской власти в данный момент требуется величайшая осторожность, осмотрительность и выдержка, чтобы необдуманным или поспешным шагом не помочь крайним элементам военных партий Японии или Германии.

Дело в том, что в обеих этих странах крайние элементы военной партии стоят за немедленное и общее наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения Советской власти. И с минуты на минуту эти крайние элементы могут взять верх.

Но, с другой стороны, несомненный факт, что в Германии большинство империалистской буржуазии стоит против такой политики, предпочитая в данный момент аннексионистский мир с Россией дальнейшей войне по тому соображению, что такая война отвлекла бы силы от Запада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии, затруднила бы получение сырья из мест, обьятых восстанием или пострадавших от разрушения железных дорог, от недосева и т. п. и т. д.

А японское стремление наступать против России сдерживает, во-первых, опасность движения и восстаний в Китае; во-вторых, некоторый антагонизм Америки, боящейся усиления Японии и надеющейся при мире добывать сырье из России более легким путем.

Разумеется, вполне возможно, что и в Японии и в Германии крайние элементы военной партии с минуты на минуту возьмут верх. Гарантий от этого быть не может, пока не вспыхнула революция в Германии. Американская буржуазия может статься с японской; японская с германской. Поэтому усиленная военная подготовка наш безусловный долг.

Но пока остались хотя бы некоторые шансы на сохранение мира или на заключение, ценой известных новых аннексий или новых потерь, мира с Финляндией, Украиной и Турцией, мы никоим образом не должны делать ни одного шага, который мог бы помочь крайним элементам военной партии империалистских держав.

Написано 12 или 13 мая
1918 г.

Полн. собр. соч., т. 36, с. 323—324

ИЗ ДОКЛАДА О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК
И МОСКОВСКОГО СОВЕТА

14 МАЯ 1918 г.

Товарищи, позвольте познакомить вас с теперешним положением дел во внешней политике. Товарищи, за последние дни во многих отношениях наше международное положение осложнилось, ввиду того, что обострилось общее положение. На почве этого обострения провокация, умышленное сеяние паники буржуазной прессой и ее подголоском — социалистической прессой, снова делает свое черное и грязное дело восстановления корпидовщины.

Я прежде всего обращаю ваше внимание на то, чем определяется в своей основе международное положение Советской республики, чтобы перейти ко внешним юридическим формам, определяющим это положение, и на этом основании обрисовать снова возникшие трудности, или, вернее, очертить тот переломный пункт, к которому мы подошли и который послужил основой обострения политического положения.

Товарищи, вы знаете, и из опыта двух русских революций подкрепили это знание с особенной силой, что самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства. Эти положения, которые являются основой всего миросозерцания марксистов и которые подтверждены для нас, русских революционеров, великим опытом обеих русских революций, — эти положения не следует ни на минуту упускать из виду, чтобы не потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, иногда даже искусственно создаваемом и запутываемом людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу.

Недавно мы переживали и в известной степени переживаем сейчас как раз такой момент, когда наши контрреволюционеры — кадеты и их первые подголоски, правые эсеры и меньшевики, — пытались использовать осложнившееся международное положение.

Это положение в основных чертах сводится к тому, что Социалистическая Советская Республика Российская остается, в силу причин экономического и политического характера, ставших вам известными, не раз обрисованных нами в печати, в силу иного темпа развития, иной почвы для развития, чем на

Западе,— в силу этого, наша социалистическая Советская республика остается пока оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества. И основным экономическим фактором на Западе является то, что эта империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество, породила такие сложные, такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу, возникает положение, когда решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске. Мы переживали именно такое положение в последние дни. Противоречия, порожденные бешеной схваткой между империалистическими державами, втянутыми в войну, явившуюся результатом экономических условий развития капитализма в течение целого ряда десятилетий, привели к тому, что сами империалисты бессильны уже остановить эту войну. Благодаря этим противоречиям вышло так, что общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественный и неизбежный для защиты капитала, не знающего отечества и доказавшего многим крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся,— этот союз не является движущей силой политики.

Конечно, он по-прежнему остается основной экономической тенденцией капиталистического строя, которая должна проявить себя с неизбежной силой в конце концов. Исключением из этой основной тенденции капитализма является то, что империалистическая война разделила на группы, на враждебные группы, на враждебные коалиции империалистические державы, поделившие между собой в настоящее время, можно сказать, без всякого изъятия всю землю. Эта вражда, эта борьба, эта мертвая схватка говорит, под известными условиями, что союз империалистов всех стран здесь невозможен. Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империалистической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров социалистической Советской республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую.

Основные противоречия между империалистическими державами привели к такой беспощадной борьбе, что, даже сознавая ее безвыходность, ни та, ни другая группа не в состоянии по произволу вырваться из железных тисков этой войны. Два главных противоречия война определила при этом, и они определили международное положение социалистической Советской

республики в данный момент. Первое, это — достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на Западном фронте. Мы слышали не раз, как представители то одного, то другого из этих воюющих лагерей давали обещания и заверения и своему народу и другим народам, что вот-вот, еще одно последнее усилие, и враг будет сломлен, отечество будет защищено и интересы культуры и освободительной войны навсегда будут обеспечены. И чем дальше затягивается эта неслыханная борьба, чем глубже втягиваются в нее борющиеся стороны, тем дальше отодвигается выход из этой бесконечной войны. Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным союз величайших империалистических держав против Советской республики, завоевавшей за какие-нибудь полгода своего существования горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира.

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горячего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России, которое давно подготовлялось, которое давно неоднократно нащупывало себе почву, которое в известной степени началось и поддерживается контрреволюционными силами. Поход, начатый против Советской республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну. Конечно, вполне возможно, и мы не должны забывать того, что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой.

Но сейчас охарактеризованное положение объясняет, почему наш социалистический остров может сохраняться среди

бушующей бури, и, вместе с тем, объясняет, почему это положение столь неустойчиво и порой кажется, к великому восторгу буржуазии и панике мелкой буржуазии, волны, вот-вот, захлестнут его.

Внешней оболочкой, внешним выражением этого положения являются Брестский договор, с одной стороны, и обычаи и законы, касающиеся нейтральных стран, с другой.

Вы знаете, чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, как клочок бумаги.

Эти слова принято цитировать и вспоминать, как образец цинизма внешней политики империализма, но цинизм заключается не в этих словах, а в той беспощадной, жестоко беспощадной и мучительно беспощадной империалистической войне, в которой все мирные договоры и все законы о нейтральности попирались, попираются и будут попираяться до тех пор, пока будет существовать капитализм.

Вот почему, когда мы подходим к вопросу, составляющему для нас самый главный вопрос, — к вопросу о Брестском мире, о возможности его нарушения и о последствиях, вытекающих для нас из такого положения, если мы хотим твердо стоять на своих социалистических ногах и не хотим дать себя скинуть проiscaм и провокации контрреволюционеров, какими бы они социалистическими ярлыками ни прикрывались, мы не должны забывать ни на одну минуту экономической основы всех мирных договоров, в том числе и Брест-Литовского, экономической основы всякой нейтральности, в том числе и нашей. Мы не должны забывать, с одной стороны, о положении дел в международном масштабе, о положении дел в международном империализме, по отношению к тому классу, который растет и который рано или поздно, пусть даже позднее, чем этого хотим и ожидаем, но который все же станет наследником капитализма и завоеует капитализм всего мира. А с другой стороны, мы не должны забывать отношения между собою империалистических стран, отношений между империалистическими экономическими группами.

Выяснив это положение, мы, товарищи, поймем, я думаю, без труда, какое значение имеют те дипломатические частности, подробности, даже иногда мелочи, которые больше всего сосредоточивают наше внимание за последние дни, которые за последние дни у нас на памяти. Понятно, что непрочность в международном положении является основой для паники. Она исходит от кадетов, правых эсеров и меньшевиков, поддерживающих интересы тех, кто хочет, кто стремится к тому, чтобы сеять па-

нику. Несколько не закрывая глаза на всю опасность и трагичность положения, анализируя экономические отношения в международном масштабе, мы должны сказать — да, вопрос о войне и мире висит на волоске, как на Западе, так и на Дальнем Востоке, потому что существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет. Да, сейчас Япония не может решиться поступать целиком, хотя она, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию взять бы могла. Когда это будет, я не знаю, и никто не может знать.

Форма ультиматума грозит войной с союзными народами и договором с Германией, но это может перемениться через несколько дней. Это может перемениться всегда, потому что американская буржуазия, теперь враждующая с Японией, может завтра столкнуться с ней, потому что японская буржуазия может завтра столкнуться с германской. У них есть основные интересы, интересы раздела земного шара, интересы помещиков, капитала, обеспечения, как они выражаются, своего национального достоинства и своих национальных интересов. Этот язык достаточно известен тем, кто имеет — я не знаю — привычку или привычку читать газеты, вроде эсеровских. И все знают, когда нам часто говорят о национальном достоинстве, мы прекрасно знаем после опыта 1914 года, какие факты империалистического грабежа под этим скрываются. Понятно, почему, в силу этого отношения, на Дальнем Востоке положение представляет из себя нечто непрочное. Мы должны сказать одно: надо ясно смотреть на эти противоречия капиталистических интересов, надо знать, что прочность Советской республики с каждой неделей и с каждым месяцем возрастает и вместе с тем растет сочувствие к ней среди трудящегося и эксплуатируемого населения всех стран.

И, вместе с тем, с минуты на минуту, со дня на день, надо быть готовым и ждать перемены международной политики в пользу политики крайних военных партий.

Положение германской коалиции для нас ясно. Большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России. Что заставляет их смотреть с этой точки зрения, — это политические и военные соображения с точки зрения германских национальных интересов, как они говорят, — империалистических интересов, это заставляет их предпочитать мир на Востоке, чтобы у них были развязаны руки на Западе, где уже

много раз германский империализм обещал победу немедленно и где каждая неделя показывает или каждый месяц показывает, что эта победа, чем больше одерживают частичных побед, отходит тем дальше в неизмеримую даль. С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических державах,— военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями. Это голоса крайней военной партии, она известна в истории Германии, начиная с тех пор, когда в истории начались головокружительные военные победы, она известна с 1866 года, например, когда крайняя военная партия Германии одержала победы над Австрией, превратила эту победу в полнейший разгром. Все эти столкновения, все эти конфликты неизбежны, и они вызывают то, что сейчас с этой стороны дело все висит на волоске, что, с одной стороны, буржуазное империалистическое большинство германского парламента, германские имущие классы, германские капиталисты предпочитают оставаться на почве Брестского договора, отнюдь, повторяю, не отказываясь от его «улучшения». И, с другой стороны, с минуты на минуту, со дня на день надо быть готовыми, надо ждать перемены политики в интересах крайней военной партии.

Отсюда понятна непрочность международного положения, отсюда понятно, как легко на этой почве создать то или иное положение партии, и отсюда понятно, какая осмотрительность, осторожность и какая выдержка и хладнокровие требуются от Советской власти, чтобы ясно определить свою задачу...

Заканчивая общие положения, я перехожу к тому, что создало в последние дни тревогу и панику и дало возможность контрреволюционерам вновь начать работу, направленную к подрыву Советской власти.

Я уже сказал, что внешней юридической формой и оболочкой всех международных отношений, которые Советская социалистическая республика имеет, явился, с одной стороны, Брест-Литовский договор, а с другой стороны, общий закон и обычай, определяющие положение нейтральной страны среди других воюющих стран, и это положение определило те трудности, которые оказались за последнее время. Из Брест-Литовского договора вытекало само собою заключение полного мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, а между тем с каждой из этих стран мы имеем продолжение войны, и это является не результатом внутреннего развития страны, но влиянием господствующих классов этих стран. На этой почве временный выход

был только во временной передышке, которая была получена при подписании Брестского мира, это была та передышка, по поводу которой так много говорилось пустых и ненужных слов, что она невозможна, но которая оказалась все-таки возможной и которая принесла в течение двух месяцев свои результаты, которая дала себя почувствовать большинству русских солдат, которая дала им возможность вернуться к себе и посмотреть, что у них сложилось, воспользоваться завоеваниями революции, воспользоваться землей, осмотреться и почерпнуть новые силы для предстоящих им новых жертв.

Понятно, что эта временная передышка стала казаться подходящей к концу, когда обострилось положение и в Финляндии, и в Украине, и в Турции, когда вместо полного мира мы получили только отсрочку того же острого экономического вопроса: война или мир? И надлежит ли нам теперь снова вступить в войну, вопреки всем мирным намерениям Советской власти и полной решимости пожертвовать так называемой великодержавностью, т. е. правом заключать тайные договоры, прятать их при помощи Черновых, Церетели и Керенских от народа, и подписывать тайные грабительские договоры и вести империалистическую, грабительскую войну? Все-таки вместо полного мира мы получили только краткую отсрочку того же острого вопроса о войне и мире.

Вот источник, который возник из этого пункта, и опять-таки вы видите ясно, к чему сводится его конечное решение, вопрос о том, к чему приведут итоги колебаний между двумя враждебными группами, империалистскими странами, — американский конфликт на Дальнем Востоке и германо-английский — на Европейском Западе. Понятно, как эти противоречия обострились в связи с завоеванием Украины, в связи с тем положением, которое часто немецкие империалисты, особенно главная военная партия, рисовали себе так розово, так легко, и которое принесло невероятные трудности именно этой крайней военной партии Германии, которое принесло теперь временное крыльце надежд российских кадетов, меньшевиков и правых эсеров, воспылавших любовью к тому, что несет Украине Скоропадский¹⁹, и надеющихся теперь на то, что, дескать, это легко произойдет и в России. Эти господа ошибутся: их надежды развеются прахом, потому что... (бурные аплодисменты), потому что, говоря я, та же главная военная партия в Германии, которая слишком привыкла ставить ставку на силу меча, даже она в этом случае оказалась в положении неподдержанной большинством империалистов, буржуазных империалистических кругов, увидевших неслыханные трудности в завоевании Украины, в борь-

бе за подчинение целого народа, в вынужденной необходимости прибегнуть к ужасному перевороту.

Какие неслыханные трудности поставила эта главная военная партия в Германии, когда этой военной крайней партией, обязавшейся перед народом своим и перед рабочими дать высшие победы на Западном фронте, когда ей пришлось увидеть перед собой новые невероятные экономические и политические трудности, отвлечение военных сил на задачи, которые тоже вначале казались легкими, а также договор с украинскими меньшевиками и правыми эсерами, подписавшими договор о мире.

Крайняя военная партия в Германии вообразила: мы двинем большие войска и получим хлеб, а потом оказалось, что надо произвести государственный переворот. Там это оказалось легко, потому что украинские меньшевики очень легко пошли на это. А затем оказалось, что государственный переворот создает новые гигантские трудности, потому что надо завоевывать каждый шаг, чтобы получить хлеб и сырье, без которых Германия существовать не может и которые получать военным насилием в оккупированной стране стоит слишком больших усилий и слишком многих жертв.

Вот положение, которое создалось на Украине и которое должно было окрылить надежды российской контрреволюции. Попятно, что в этой борьбе Россия, которая не могла воссоздать своей армии, терпела и терпит все новые ущербы. И мирные переговоры вели к новым тягостным условиям, к новым открытым и прикрытым контрибуциям. Остался неясным вопрос, по какому универсалу желают определять границы Украины. Рада, которая подписала универсал, смещена²⁰. Вместо нее восстановлен помещик-гетман. И на почве этой неопределенности возник целый ряд вопросов, которые показывают, что вопросы о войне и мире остаются в прежнем положении. Частичные перемирия, которые существуют между русскими и немецкими войсками, ничего не предвещают относительно общего положения. Вопрос висит в воздухе. То же самое по отношению и к Грузии, где мы имеем долгую контрреволюционную борьбу правительства кавказских меньшевиков, долгую борьбу контрреволюционеров, называвшихся социал-демократами. А когда победа Советской власти и трудящихся масс, обошедшая всю Россию, стала охватывать и нерусские окраины, когда стало с ясностью очевидно и несомненно, что победа Советской власти, как это признали контрреволюционные представители донского казачества, не может быть задержана, когда наступили колебания для меньшевистской власти на Кавказе — Гегечкори и Жордания,

поздно спохватившихся и начавших говорить о том, не поискать ли им общего языка с большевиками, когда выступил Церетели, который с помощью турецких войск пошел против большевиков,— они пожнут то, что пожала Рада. (А л л о д и с м е н т ы.)...

Вот, товарищи, то положение, которое создалось,— крайнее обострение отношений за последние дни, вот то положение, которое дало нам лишь новое и дозволено паглядное подтверждение правильности той тактики, которую наша партия, Российская коммунистическая партия большевиков, в громадном большинстве вела, на которой твердо настаивала в течение последних месяцев.

Мы имеем перед собой большой опыт революции, и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют, когда опыт соглашательства показал, что массы возмущены и что натиск будет выражением этого поворота. Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призывы ко всеобщему беспощадному отпору.

Кто не закрывает себе глаза, кто не слеп, тот знает то, что мы повторяем теперь лишь сказанное нами ранее и то, что мы говорили всегда, что мы не забываем слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата. Не наша воля, а исторические обстоятельства, наследие царского режима, дряблость русской буржуазии,— вот что сделало то, что этот отряд оказался впереди других отрядов международного пролетариата, и не потому, что мы этого хотели, а потому, что этого потребовали обстоятельства. Но мы должны остаться на своем посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат, который подойдет и неизбежно подойдет, по который подходит с неизмеримо большей медленностью, чем мы того ожидаем и хотим. Если мы увидим, что этот пролетариат идет слишком медленно в силу объективных обстоятельств, мы все же должны держаться нашей тактики выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами, медленного накопления сил, тактики удержания того оазиса Советской власти среди бупующего империалистического моря, удержания того оазиса, к которому уже сейчас устремлены взоры рабочих и трудящихся всех стран. Вот почему мы говорим себе, если крайняя военная партия может с минуты на минуту победить любую империалистическую коалицию и создать новую неожиданную империалистическую коалицию против нас, мы во всяком случае этого дела не облегчим. Если они двинутся на нас,— да, мы теперь оборонцы,—

мы сделаем все, что от нас зависит, все, что способна дипломатическая тактика сделать, сделаем все, чтобы этот момент оттянуть, сделаем все, чтобы та короткая и непрочная передышка, которую мы получили в марте, чтобы она стала более долгой, потому что твердо убеждены, что имеем за собой десятки миллионов рабочих и крестьян, знающих, что они черпают с каждой неделей, тем более с каждым месяцем этой передышки, новую силу, что они укрепляют Советскую власть, что они создают из нее нечто прочное и пезыблемое, что они вносят новый дух и после истощения и усталости от изнурительной реакционной войны создадут состояние твердости и готовности идти на последний и решительный бой, когда на социалистическую Советскую республику обрушится внешняя сила.

Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их пред всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества.

Это не дается декларацией, а дается только свержением буржуазии в своей стране, беспощадной и смертной войной, начатой там, и мы знаем, что мы победим. Это маленький островок среди окружающей империалистический мир войны, но на этом островке мы показали и доказали все, что может сделать рабочий класс. Все это знают и признали. Мы доказали, что мы имеем право на защиту отечества, мы — оборонцы, и относимся к этой защите со всюю серьезностью, которой нас научила четырехлетняя война, со всюю серьезностью и осторожностью, которую понимает всякий рабочий, всякий крестьянин, выдавший солдат и узнавший, что пережил солдат в эти четыре года войны, — той осторожностью, которой могут не понимать, над которой могут хихикать и к которой могут относиться легкомысленно только революционеры на словах, а не на деле. Именно потому, что мы сторонники защиты отечества, мы говорим себе: для обороны нужна твердая и крепкая армия, крепкий тыл, а для твердой и крепкой армии нужна в первую очередь твердая постановка продовольственного дела. Для этого нужно, чтобы диктатура пролетариата выражалась не только в центральной власти, это первый шаг, и только первый шаг, но диктатура должна быть во всей России, это второй шаг, и толь-

ко второй шаг,— этого шага мы еще не сделали достаточно. Нам нужна, нам необходима пролетарская дисциплина, настоящая пролетарская диктатура, когда твердая и железная власть сознательных рабочих чувствуется в каждом далеком уголке нашей страны, когда ни один кулак, ни один богат и песторонник хлебной монополии не останется безнаказанным, а его найдет и покарает карающая железная рука дисциплинированных диктаторов рабочего класса, пролетарских диктаторов. (А плоды и элементы.)

И мы говорим себе: к защите отечества мы относимся с осторожностью, все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв, мы обязаны сделать, мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это делаем. И господа буржуа и их подголоски, которые думают, что, как в Украине, где так легко произошел переворот, так и у нас можно народить новых Скоропадских,— пусть они не забывают, что если военной партии в Германии стоило такого труда добиться переворота на Украине, то в Советской России она встретит противодействие достаточное. Да, это доказано всем, эту линию поддержала Советская власть, принесла все жертвы, чтобы упрочить положение трудящихся масс в стране.

Положение, в связи с вопросом о мире, о Финляндии,— характеризуется словами: форт Ино и Мурман. Форт Ино — защита Петрограда, по территориальному положению своему входит в состав финляндского государства. Заключая мир с рабочим правительством Финляндии, мы, представители социалистической России, призвали полное право Финляндии на всю территорию, но, с обоюдного согласия обоих правительств, форт Ино был оставлен России «для защиты совместных интересов социалистических республик», как сказано в заключенном договоре²¹. Понятно, что наши войска подписали этот мир в Финляндии, подписали эти условия. Понятно, что буржуазная и контрреволюционная Финляндия не могла не поднять из-за этого бунта. Понятно, что реакционная и контрреволюционная буржуазия в Финляндии предъявляла претензии на это укрепление. Понятно, что из-за этого вопрос обострялся не раз и продолжает стоять остро. Дело висит на волоске.

Понятно, что еще большее обострение вызвал вопрос о Мурмане, на который претендовали англо-французы, потому что они вкладывали десятки миллионов на постройку порта, чтобы обеспечить свой военный тыл в их империалистической войне против Германии. Они уважают нейтральность так великолепно, что пользуются всем, что плохо лежит, причем достаточным

основанием для захватов служит то, что у них есть броненосец, а у нас нет того, чем его прогнать. Понятно, что вопрос не мог не обостриться из-за этого. Есть внешняя оболочка, есть юридическое выражение, созданное международным положением Советской республики, которое предполагает, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной. Англичапе высадили на Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому военной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму: если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории.

Но уже создана рабоче-крестьянская армия, она в уездах и губерниях объединила крестьянское население, которое вернулось к своей земле, вырванной у помещиков,— им есть что защищать; которая начала строить Советскую власть и которая станет авангардом, если на Россию обрушится нашествие; мы встретим врага, как один человек.

*Полн. собр. соч., т. 38, с. 327—334,
335—338, 340—344*

РАЙМОНДУ РОБИНСУ

14 мая 1918 г.

Полковнику Робинсу

Дорогой господин Робинс,

Я прилагаю при этом предварительный план наших экономических отношений с Америкой. Этот предварительный план был детально разработан в комиссии по внешней торговле в нашем Высшем совете народного хозяйства²².

Я надеюсь, что этот предварительный план может оказаться полезным для Вас при Вашей беседе с американским министерством иностранных дел и американскими специалистами по экспорту.

Примите мою глубокую благодарность,

искренне Ваш *Ленин*

Полн. собр. соч., т. 50, с. 74—75

ИЗ РЕЧИ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА,
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
МОСКВЫ 29 ИЮЛЯ 1918 г.

...Мы, при всей тяжести мира для нас, свободное внутреннее социалистическое строительство завоевали и сделали на этом пути такие шаги, которые теперь становятся известными Западной Европе и представляют элементы пропаганды, неизмеримо более могучие, чем прежде.

И вот дело обстоит таким образом, что, выйдя с одной стороны из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны. Империализм есть явление всемирное, это есть борьба за раздел всего мира, всей земли и за подчинение той или иной кучке хищников. Теперь другая, англо-французская, группа хищников бросается на нас и говорит: мы вас втянем снова в войну. Их война с войной гражданской сливается в одно единое целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военных, военных событий, как главный, коренной вопрос революции. В этом вся трудность, потому что народ устал от войны, измучен войной, как никогда. Это состояние крайней истерзанности, измученности войной русского народа хочется сравнить с человеком, которого избили до полусмерти, от которого нельзя ждать ни проявления энергии, ни проявления работоспособности. Так и в русском народе, естественно, эта почти четырехлетняя война, обрушившаяся на страну, которую расхитили, истерзали, изгадили царизм, самодержавие, буржуазия и Керенский, вызвала по многим причинам отвращение, явилась величайшим источником громадных трудностей, которые мы переживаем.

С другой стороны, такой поворот событий все свел к определенной войне. Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас, — теперь уже стоит против нас англо-французский империализм; он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы дает на помощь нашим врагам. Мы находимся в состоянии войны, и эту войну мы можем решить победоносно; но тут приходится бороться с одним из самых труднопреодолеваемых противников:

нужно бороться с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне; это состояние мы должны преодолеть, потому что иначе мы не решим вопроса, который не зависит от нашей воли,— вопроса военного. Наша страна попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехословаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты. Весь вопрос о существовании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному. В этом источник громадной трудности, при том состоянии народа, которое он вынес из империалистической войны. Наша задача для нас совершенно ясна. Всякий обман был бы величайшим вредом; скрывать от рабочих и крестьян эту тяжелую правду мы считаем преступлением. Напротив, пусть каждый, как можно яснее и рельефнее, эту правду знает.

Да, у нас были примеры, когда наши войска показывали преступную слабость, например, при взятии Симбирска чехословаками, когда наши отступили; мы знаем, что войска устали в войне, имеют отвращение к ней, но естественно и неизбежно также и то, что, пока империализм не потерпел поражения в мировом масштабе, он будет делать попытки втащить Россию в империалистическую войну, будет стремиться превратить ее в бойню. Хотим мы этого или нет, но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности. Мы сделали так много за короткое время, но надо довести все до конца. Вся наша деятельность должна быть подчинена целиком и всецело тому вопросу, от которого теперь зависит судьба революции и исход ее, судьба русской и международной революции. Конечно, из теперешней войны империализму всего мира без ряда революций не выйти; иначе как конечной победой социализма эта война не кончится. Но наша задача сейчас — эту силу социализма, этот социалистический факел, этот источник социализма, активно действующий на весь мир, поддержать, отстоять и сохранить; эта задача, при теперешнем положении событий, является задачей военной.

Мы не раз переживали такое положение, и многие говорили, что как ни тяжело достался нам мир, как ни много жертв он от нас потребовал, как ни силится враг отнять у нас еще и еще

территории, но все же Россия пока, несмотря ни на что, пользуется миром и может укрепить свои социалистические завоевания.

Полн. собр. соч., т. 37, с. 13—16

**VI ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ
РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КАЗАЧЬИХ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ**

6—9 НОЯБРЯ 1918 г.

**ИЗ РЕЧИ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ
8 НОЯБРЯ**

(Долгие аплодисменты.) Товарищи, с самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами, как самый главный вопрос, не только потому, что империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему, чтобы не сказать, в один грязный кровавый комок, но и потому, что полная победа социалистической революции немислима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции и в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции.

Я самым кратким образом позволю себе напомнить вам главные этапы нашей международной политики за истекший год. Как мне уже случалось указывать в речи по поводу годовщины революции, главным признаком нашего положения год тому назад было наше одиночество. Как ни прочно было наше убеждение в том, что во всей Европе создается и создалась революционная сила, что война не кончится без революции, по признаков начавшейся или начинающейся революции тогда не было. В этом положении нам ничего не оставалось, как направить усилия нашей внешней политики на просвещение рабочих масс Западной Европы, просвещение не в том смысле, чтобы мы претендовали на большую подготовку, чем они, а в том смысле, что, пока не свергнута буржуазия в стране, там господствует военная цензура и тот неслыханный кровавый туман, который

сопровождает всякую войну, особенно реакционную. Вы прекрасно знаете, что в самых демократических, республиканских странах война означает военную цензуру и неслыханные методы, употреблявшиеся буржуазией вместе с буржуазными штабами для того, чтобы обманывать народ. Нашей задачей было поделиться тем, что в этом отношении завоевано, с другими народами. Мы сделали в этом отношении все, что могли, когда мы сорвали и опубликовали те грязные тайные договоры, которые бывший царь заключил к выгоде своих капиталистов с капиталистами Англии и Франции. Вы знаете, что договоры были насквозь грабительскими. Вы знаете, что правление Керенского и меньшевиков сохранило эти договоры в тайне и подкрепило их. Нам случается в виде исключения встречать в скольконибудь честной прессе Англии и Франции указания, что лишь благодаря русской революции они, французы и англичане, узнали многое существенное, касающееся их дипломатической истории.

Конечно, мы сделали очень мало с точки зрения социальной революции в целом, но то, что мы сделали, было одним из крупнейших шагов в ее подготовке.

Если теперь попытаться окинуть общим взглядом те результаты, которые дало нам разоблачение германского империализма, то мы увидим, что теперь трудящимся всех стран стал наглядным и ясным факт, что их заставляли вести войну кровавую и грабительскую. И в конце этого года войны начинается такое же разоблачение поведения Англии и Америки, потому что массы открывают глаза и начинают разбираться в сущности их замыслов. Вот все, что мы сделали, но свою лепту мы внесли. Разоблачение таких договоров было ударом для империализма. Условия мира, который мы вынуждены были подписать, были в смысле пропаганды и агитации таким могучим орудием, и империализм мы сделали так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ. Если попытка, которая была предпринята нами, — разбудить массы, — не дала результатов сразу, то мы никогда и не предполагали, что революция начнется немедленно или же все потеряно. В течение последних пятнадцати лет мы провели две революции, и мы видели ясно, какой период они должны пройти, пока овладеют массами. Подтверждение этому мы находим в последних событиях в Австрии и Германии. Мы говорили, что мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками, — нет, мы рассчитывали на то, чтобы будить пролетариат враждебных стран. Нам отвечали насмешками, говоря, что мы собираемся будить пролетариат Германии, который удушит нас, пока мы собираемся выступить

против него с пропагандой. А факты показали, что мы были правы, когда рассчитывали, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму. Надо только дать им известный период для подготовки, ибо для русского народа, не смотря на воспоминания о революции 1905 года, потребовался также продолжительный период, прежде чем мы поднялись снова на революцию.

Перед Брестским миром мы сделали все, что могли, чтобы нанести империализму удар. Если история нарастания пролетарской революции этого не вычеркнула и если Брестский мир заставил нас отступить перед империализмом, то это произошло потому, что в январе 1918 года мы не были еще достаточно подготовлены. Судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира.

Товарищи, четыре года, которые мы прожили в международной войне, дали мир, но мир насильнический. Но и этот насильнический мир в конечном итоге показал, что мы правы и что наши надежды построены не на песке. С каждым месяцем мы укреплялись, а западноевропейский империализм ослабевал. Теперь мы видим в результате, что Германия, которая полгода тому назад совершенно не считалась с нашим посольством, которая думала, что там не может быть ни одного красного дома, по крайней мере, в последнее время, слабеет. Последняя телеграмма сообщает о воззвании германского империализма к массам, чтобы они сохраняли спокойствие и что мир близок. Мы знаем, что значит, когда императоры обращаются с призывом о сохранении спокойствия и обещают в близком будущем то, что исполнить они не могут. Если Германия получит скоро мир, то этот мир будет для них Брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор.

Так сложились итоги нашей международной политики, что через полгода после Брестского мира мы с точки зрения буржуазии представляли собою страну разбитую, но с точки зрения пролетарской мы пошли по пути быстрого роста и стоим во главе пролетарской армии, которая начала колебать Австрию и Германию. Этот успех подтвердил собой и вполне оправдал в глазах всякого представителя пролетарских масс все жертвы, которые были принесены. Если бы случилось, что нас вдруг смело бы,— предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, по этого не может быть: чудес не бывает,— но если бы это случилось, мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции.

Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было, для мировой пролетарской революции. (А плоды сменты.)

Товарищи, вот во время последних месяцев, последних недель международное положение стало резко меняться, пока германский империализм не оказался почти разрушенным. Все надежды на Украину, которыми германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями. Оказалось, что американский империализм подготовился, и Германии был нанесен удар. Наступило совершенно иное положение. Мы ни в чем не делали себе иллюзии. После Октябрьской революции мы были гораздо слабее империализма, и теперь мы слабее, чем международный империализм,— мы это и сейчас должны повторить, чтобы не впадать в самообман; после Октябрьской революции мы были слабее и не могли принимать боя. И сейчас мы слабее и должны сделать все необходимое, чтобы избежать боя с ним.

Но если нам удалось просуществовать год после Октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла, а, конечно, они обе направили бы на нас эти силы, если бы могли. Война, ее кровавый туман застилал глаза. Материальные жертвы, которые нужны были для войны, требовали напряжения сил до последней степени. Им было не до нас, не благодаря тому, что мы были каким-либо чудом сильнее империалистов,— нет, это пустяк! а только благодаря тому факту, что международный империализм раскололся на две группы хищников, которые душили друг друга. Только этому мы обязаны тем, что Советская республика открыто провозгласила борьбу с империалистами всех стран, отняв у них капиталы в виде заграничных займов, бивши их по лицу, открыто задевая по разбойничьему карману.

Период заявлений, которые мы делали в то время по поводу той переписки, которую заводили немецкие империалисты, и несмотря на то, что всемирный империализм не мог так броситься, как он должен был по его вражде и жажде капиталистической прибыли, неслыханно увеличенной войной,— этот период кончился. До того момента, когда англо-американские империалисты оказались победителями второй группы, они были целиком заняты борьбой между собой и тем самым должны были отвлекаться от решительного похода против Советской республики. Второй группы больше нет: осталась одна группа победителей.

Это совершенно изменило наше международное положение, и мы должны считаться с этой переменной. В каком отношении стоит эта переменная к развитию международного положения, на это отвечают факты. Страны, потерпевшие поражение, переживают теперь победу рабочей революции, ибо ясно для всех ее громадное развитие. Когда мы брали власть в Октябре, мы в Европе были ничем больше, как отдельной искрой. Правда, искры умножились, и эти искры шли от нас. Это — величайшее дело, которое нам удалось сделать, но все же это были отдельные искры. Теперь же большинство стран, входящих в сферу германо-австрийского империализма, охвачено пожаром (Болгария, Австрия, Венгрия). Мы знаем, что после Болгарии перекинулась революция на Сербию. Мы знаем, как эти рабоче-крестьянские революции прошли через Австрию и дошли до Германии. Целый ряд стран объят пожаром рабочей революции. В этом отношении наши усилия и те жертвы, которые мы приносили, оправдались. Они оказались не авантюрой, как клеветали враги, а необходимым переходом к международной революции, который должна была пережить страна, поставленная впереди, несмотря на свою неразвитость и отсталость.

Это один результат, самый важный с точки зрения окончательного исхода империалистической войны. Другой результат — тот, на который я указывал вначале, — что англо-американский империализм стал теперь так же изобличать себя, как в свое время австро-германский. Мы видим, что, если бы во время брестских переговоров Германия оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной, способной воздерживаться от авантюры, она могла бы удержать свое господство, могла бы завоевать себе, несомненно, выгодное положение на Западе. Она этого не сделала потому, что такую машину, как война миллионов и десятков миллионов, война, которой разожжены до последней степени шовинистические страсти, война, которая связана с капиталистическими интересами, измеряемыми сотнями миллиардов рублей, — такую машину, раз ее разогнали, никаким тормозом остановить нельзя. Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели. И вот теперь у нас на глазах в этом весьма некрасивом, но с точки зрения революционного пролетариата весьма полезном состоянии оказался английский и американский империализм. Можно было думать, что они имеют гораздо больше политического опыта, чем Германия. Здесь люди, привыкшие к управлению демократическому, а не управлению каких-нибудь

юпкеров, люди, уже за сотни лет пережившие самый тяжелый период своей истории. Можно было думать, что эти люди сохранили хладнокровие. Если бы мы рассуждали с точки зрения индивидуальной, способны ли они быть хладнокровными, с точки зрения демократии вообще, как филистеры буржуазии, профессора, которые ничего не поняли в борьбе империализма и рабочего класса, если бы мы рассуждали с точки зрения демократии вообще, мы должны были бы сказать, что Англия и Америка — страны, где демократия воспитана веками, что там буржуазия сумеет удержаться. Если бы она теперь удержалась какими-либо мероприятиями, то это было бы, во всяком случае, на довольно продолжительный срок. Но оказывается, что с ними повторяется то же самое, что случилось с военно-деспотической Германией. В этой империалистической войне — громадное различие между Россией и республиканскими странами. Империалистическая война такая кровавая, хищническая, зверская, что она даже эти важнейшие различия стерла; она в этом отношении сравнивала свободнейшую демократию Америки с полувоенной деспотической Германией.

Мы видим, как Англия и Америка — страны, имевшие больше других возможность остаться демократическими республиками, — так же дико, безумно зарвались, как Германия в свое время, и поэтому они так же быстро, а может быть, и еще быстрее, приближаются к тому концу, который так успешно проделал германский империализм. Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние. И к этому концу мчится теперь английский и американский империализм. Чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на те условия перемирия и мира, который теперь «освободители» народов от германского империализма, англичане и американцы, шлют побежденным народам. Возьмите Болгарию. Казалось бы, что такая страпа, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, этом важном железнодорожном пути, все железные дороги заняты англо-американскими войсками. Им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны. С точки зрения военной, это — пустяки. Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии — старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются. Ну, что значит этот пиг-

мей — Болгария — против англо-американских сил? С военной точки зрения — ничто, а с точки зрения революционной — очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в среду диких африканцев. Это им не Центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия, — тут солдаты разлагаются, когда они встречаются революцию. Что это не фраза, это доказывает Германия. В Германии, во всяком случае в смысле дисциплины, солдаты были образцом. Когда германцы шли на Украину, то здесь, кроме дисциплины, действовали другие факторы. Изголодавшийся немецкий солдат шел за хлебом, и требовать от него, чтобы он не слишком грабил хлеб, неправдоподобно. Тем более мы знаем, что в этой стране они больше всего заразились духом русской революции. Это отлично повлияло буржуазия Германии, и это заставило Вильгельма метаться из стороны в сторону. Ошибаются Гогенцоллерны, если воображают, что Германия прольет хоть каплю крови за их интересы. Вот каков был результат политики вооруженного до зубов немецкого империализма. И это повторяется теперь и с Англией. Уже начинается разложение среди англо-американской армии; оно началось с тех пор, когда она стала свирепствовать по отношению к Болгарии. А ведь это только начало. За Болгарией пошла Австрия. Позвольте вам прочесть несколько пунктов из тех условий, которые диктуют победители от англо-американского империализма*. Это люди, которые больше всего накричали трудящимся массам, что они ведут освободительную войну, что их главная цель — раздавить прусский милитаризм, который грозит распространить казарменный строй на все страны. Они накричали, что они ведут освободительную войну. Это был обман. Вы знаете, когда буржуазным адвокатам, этим парламентариям, которые всю жизнь учились, как надувать, не краснея, когда им приходилось надувать друг друга, — это легко; но когда приходится таким образом надувать рабочих, этот обман не проходит даром. Политиканы, парламентарии, эти деятели Англии и Америки, они в этом искусны. Их обман не тронет нисколько. Рабочие массы, которые они разжигали во имя свободы, опом-

* В газетном отчете о речи В. И. Ленина, напечатанном в «Правде», № 243 от 10 ноября 1918 г., приведены следующие условия: «Полная демобилизация Австро-Венгрии. Половина артиллерийского материала должна быть передана союзникам. Все эвакуированные области должны быть заняты союзниками. Англо-американские войска должны там поддерживать порядок. Союзники могут свободно передвигаться по всем железным дорогам и водным путям. Союзники имеют право реквизиций». *Ред.*

пятся сразу, и это еще скажется, когда они в массовом масштабе, не из прокламаций, которые содействуют, но не двигают настоящим образом революции, а из собственного опыта увидят, что их обманывают, когда они увидят условия мира с Австрией.

Вот мир, который навязывают теперь государству сравнительно слабому, уже сейчас распадающемуся, те, которые кричали, что большевики изменники, потому что подписывают Брестский мир! Когда немцы хотели послать сюда, в Москву, своих солдат, мы сказали, что лучше ляжем все в боях, но никогда на это не согласимся. (А плоды с меня ты.) Мы говорили себе, что тяжелы будут жертвы, которые должны будут принести оккупированные области, но все знают, как Советская Россия помогала и снабжала их необходимым. А теперь демократические войска Англии и Франции должны будут служить «для поддержания порядка», — и это говорится, когда в Болгарии и Сербии Советы рабочих депутатов, когда в Вене и Будапеште Советы рабочих депутатов. Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции...

Товарищи, я коснусь теперь той стороны дела, которая более всего касается нас. Я перейду к тем условиям мира, которые предстоит теперь подписать Германии. Товарищи из Комиссариага иностранных дел говорили мне, что в «Таймсе», главном органе неслыханно богатой буржуазии Англии, которая фактически вершит всю политику, уже были помещены условия, на которые Германия должна будет согласиться. От нее требуется отдать остров Гельголанд, Вильгельмсгафенский канал, отдать город Эссен, в котором производится почти все военное оборудование, уничтожить торговый флот, отдать сразу Эльзас-Лотарингию и выплатить 60 миллиардов контрибуции, в том числе значительную часть натурой, так как деньги всюду подешевели и английские купцы тоже начали считать на другую валюту. Мы видим, что для Германии они готовят мир, полный настоящего удушения, мир более пассивный, чем мир Брестский. С точки зрения материальной и своих сил, они это сделать смогут, если бы на свете не было столь неприятного для них большевизма. Они себе готовят гибель этим миром. Ведь это происходит не в Центральной Африке, но в XX веке в цивилизованных странах. Если украинское население безграмотно, если дисциплинированный немецкий солдат давил украинцев, то теперь германский солдат похоронил свою дисциплину; но тем более похоронят себя английский и американский империализм, когда они поведут такую авантюру, которая доведет их до политического краха, когда они обрекут свои войска на положение

душителее и жаждармов всей Европы. Они давно стараются устранить Россию, и поход против нее был задуман давно. Стоит только вспомнить запятие Мурман и то, как они миллионы выкинули чехословакам и заключили договор с Японией, а теперь Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душище нас, отняв у нас сырье.

Английские войска готовы начать поход на Россию, с юга или с Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают Советскую республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром. Для этого они заставили Голландию прервать дипломатические сношения²³. Если Германия вытурпла нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам.

Полн. собр. соч., т. 37, с. 153—164

Из книги

«ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ»

Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся. Написать целую книжку о демократии, как это сделал Каутский, говорящий на двух страничках о диктатуре и на десятках страниц о «чистой демократии», — и не заметить этого, это значит по-либеральному извратить дело совершенно.

Возьмите внешнюю политику. Ни в одной, самой демократической, буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке и Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики. Каутский этого не заметил, он об этом молчит, хотя в эпоху грабительских войн и тайных договоров о «разделе сфер влияния» (т. е. о разделе мира разбойниками капиталистами) это имеет кардинальное значение, ибо от этого зависит вопрос о мире, вопрос о жизни и смерти десятков миллионов людей.

*Написано в октябре — не позднее
10 ноября 1918 г.*

Полн. собр. соч., т. 37, с. 256

«УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

...Во всех странах Согласия мы видим громаднейшее и повсеместное брожение на почве симпатий рабочих к советской форме.

Например, в Париже толпа, — самая чуткая, может быть, из всех народных собраний других стран, потому что в Париже она прошла большую школу, проделала ряд революций, — там толпа, самая отзывчивая, которая не позволит оратору взять фальшивую ноту, теперь обрывает тех, кто смеет говорить против большевизма; а всего несколько месяцев тому назад нельзя было и заикнуться перед парижской толпой за большевизм, не встретив насмешливых отзывов этой же толпы.

В Париже, между тем, буржуазия всю свою систему лжи, клеветы, обмана пускает в ход против большевизма. Но мы уже знаем, что это значит, когда в 1917 году мы, большевики, переживали травлю всей буржуазной печати. У нас господа буржуа немножко просчитались и пересолнили, думая, что большевиков они затягивают в сети лжи и клеветы; да так пересолили, переборщили в своих нападках, что дали нам даровую рекламу и заставили самых отсталых рабочих думать: «Если большевиков так ругают капиталисты, то, значит, эти большевики умеют с капиталистами бороться!».

Вот почему та политика, которую нам пришлось вести в течение Брестского мира, самого зверского, насильнического, унижительного, оказалась политикой единственно правильной.

И я думаю, что не бесполезно вспомнить об этой политике еще раз теперь, когда похожим становится положение по отношению к странам Согласия, когда они все так же полны бешеного желания свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс.

Смотря трезво на вещи, мы вынуждены совершенно ясно сказать себе, если мы не хотим морочить головы себе и другим, — а это вредное занятие для революционера, — мы должны сказать, что Антанта сильнее нас, с точки зрения военной силы. Но если мы возьмем дело в его развитии, то скажем также с полной отчетливостью и убеждением, которое основано не только на наших революционных воззрениях, а и на опыте, что это могущество стран Согласия — не надолго; они стоят пакауне громадного перелома в настроении своих масс.

Они и французских и английских рабочих накормили обещаниями: «Мы весь мир дограбим, а тогда ты будешь сыт». Вот что кричит вся буржуазная пресса, вбивая все это в голову неразвитых масс.

Через несколько месяцев они, положим, заключат мир, если не подерутся тут же между собою, на что имеется целый ряд серьезнейших признаков. Но если им удастся, не вцепившись друг другу в волосы и в глотку, заключить мир, то этот мир будет началом краха немедленного, потому что заплатить по этим неслыханным долгам и помочь отчаянному разорению, когда во Франции производство пшеницы уменьшилось больше чем вдвое, а голод стучится всюду, и производительные силы разрушены,— помочь этому они не в состоянии.

Если трезво смотреть на вещи, то надо признать, что тот способ оценки вещей, который дал такую правильную меру в руки при оценке русской революции, дает с каждым днем и утверждение на мировую революцию. Мы знаем, что ручки, которые захватят эти льдины Антанты — льдины Соглашения, капитализма, империализма,— с каждым днем крепнут.

С одной стороны, страны Соглашения сильнее нас, с другой стороны — им не удержаться ни в коем случае по их внутреннему положению на сколько-нибудь долгое время.

Из этого же положения вытекают сложные задачи международной политики — задачи, которые нам, может быть и даже вероятно, придется решать в ближайшие дни и о которых я недостаточно осведомлен во всей конкретности, но о которых я бы хотел сказать более всего,— именно для того, чтобы опыт в области деятельности Совета Народных Комиссаров, в области внешней политики стоял перед вами, товарищи, в форме ясной и захватывающей.

Самый существенный наш опыт — Брестский мир. Вот что самое существенное в итоге внешней политики Совета Народных Комиссаров. Мы должны были выжидать, отступать, лавировать, подписывать самый унижительный мир, получая через то возможность строить новый фундамент новой социалистической армии. И фундамент мы заложили, а наш могучий и всемогущий некогда противник оказался уже бессильным.

К этому идет дело и во всем мире, и это главный и основной урок, который надо как можно тверже усвоить и постараться как можно яснее понять, чтобы не сделать ошибки в очень сложных, очень трудных, очень запутанных вопросах внешней политики, которые не сегодня-завтра станут перед Советом Народных Комиссаров, перед Центральным Исполнительным Комитетом, вообще перед всей Советской властью.

На этом я и покончу с вопросом о внешней политике, чтобы перейти к некоторым из других важнейших вопросов.

Товарищи, что касается военной деятельности, то в феврале и марте 1918 г. — год тому назад — мы не имели никакой армии. Мы имели, может быть, 10 миллионов вооруженных рабочих и крестьян, составлявших старую армию, совершенно разложившуюся, проникнутую абсолютнейшей готовностью и решимостью уйти, убежать и все бросить во что бы то ни стало.

Это явление тогда рассматривалось как исключительно русское. Думали, что русские, со свойственной русским нетерпеливостью или недостаточной организованностью, не вынесут, а немцы вынесут.

Так говорили нам. А мы видим теперь, что прошло несколько месяцев — и с организацией немецкой армии, которая была неизмеримо выше нашей в смысле культурности, техники, дисциплины, в смысле человеческих условий для больных, раненых, в смысле отпусков и т. д., что и там с ее организацией вышла такая же история. Бойни, многолетней бойни самые культурные и дисциплинированные массы не вынесли, наступил период абсолютного разложения, когда и передовая немецкая армия спасовала.

Очевидно, не только для России, но для всех стран есть предел. Для разных стран разный предел, но — предел, дальше которого вести войну, ради интересов капиталистов, нельзя. Вот то, что мы наблюдаем теперь.

Немецкий империализм разоблачил себя до конца в том, что он был хищником. Самое важное то, что и в Америке, и во Франции, в этих пресловутых демократиях (о демократиях болтают предатели социализма, меньшевики и эсеры, эти несчастные люди, называющие себя социалистами), в этих передовых демократиях мира, в этих республиках с каждым днем нагнет империализм, и обнаруживаются дикие звери, хищники, как нигде. Они грабят мир, дерутся между собою и вооружаются друг против друга. Скрывать это долго нельзя. Это можно было скрывать, когда был угар войны. Угар проходит, мир надвигается, и массы именно в этих демократиях видят, несмотря на всю ложь, что война привела к новому грабежу. Самая демократическая республика есть не что иное, как наряд для хищника, самого зверского, циничного, который готов разорить сотни миллионов людей, чтобы заплатить долги, т. е. заплатить господам империалистам, капиталистам за то, что они милостиво позволили рабочим резать друг другу горло. С каждым днем для масс это становится яснее.

Вот положение, при котором является возможность таких политических выступлений, как статья одного военного обозревателя в газете самой богатой и самой политически-опытной буржуазии — в английском «Таймсе», оценивающего события в таких выражениях: «Во всем мире армии разлагаются, но есть только одна страна, где армия строится, и эта страна — Россия».

Вот факт, который вынуждена признать буржуазия, в военном отношении гораздо более сильная, чем советский большевизм. И с этим фактом мы подходим к оценке того, что сделали мы за этот год советской работы.

Нам удалось достигнуть перелома, когда на месте десятимилионной армии, сплошь бежавшей, не вынесшей ужасов войны и появившей, что эта война преступна, начала строиться, сотня тысяч за сотней тысяч, армия социалистическая, знающая, за что борется, и идущая на жертвы и лишения большие, чем было при царизме, потому что она знает, что отстаивает свое дело, свою землю, свою власть на фабрике, защищает власть трудящихся, а трудящиеся в других странах, хотя трудно и тяжело, но просыпаются.

Таково положение, которое характеризует годичный опыт Советской власти.

Война невероятно трудна для Советской России, война невероятно трудна для народа, который четыре года переписал ужасы империалистской войны. Война для Советской России невероятно тяжела. Но в данное время и сильные враги признают, что их армия разлагается, а наша строится. Потому что, первый раз в истории, армия строится на близости, на неразрывной близости, можно сказать — на неразрывной слитности, Советов с армией. Советы объединяют всех трудящихся и эксплуатируемых — и армия строится на началах социалистической защиты и сознательности.

Один прусский монарх в XVIII веке сказал умную фразу: «Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны». Старый прусский монарх был неглупым человеком. Мы же теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: мы можем вести войну потому, что массы знают, за что воюют, и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяготы — повторяю, тяготы войны теперь больше, чем при царизме, — знают, что приносят отчаянные, непосильно тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело, борясь рядом с теми рабочими в других странах, которые «разлагаются» и начали понимать наше положение.

Есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме; это — политические мошенники, которые делают вид, будто бы они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево, пользуясь для этого своим адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком. И меньшевики и эсеры кричат: «Смотрите, вместо социализма вам дают красный милитаризм!».

Действительно, «ужасное» преступление! Импералисты всего мира бросились на Российскую республику, чтобы задушить ее, а мы стали создавать армию, которая первый раз в истории знает, за что она борется и за что принесит жертвы, и с успехом сопротивляется более многочисленному врагу, приближая с каждым месяцем сопротивления в доселе еще невиданном масштабе всемирную революцию,— и это осуждают, как красный милитаризм!

Повторяю — либо это глупцы, не поддающиеся никакой политической одежке, либо это политические мошенники.

Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа миллионеры и миллиардеры знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задвигают немедленно нас.

Социалистическая республика делает неслыханные усилия, приносит жертвы и одерживает победы; и если теперь, в результате года гражданской войны, взглянуть на карту: что было Советской Россией в марте 1918 года, что стало ею к июлю 1918 года, когда на западе стояли немецкие империалисты по линии Брестского мира, Украина была под игом немецких империалистов, на востоке до Казани и Симбирска господствовали купеческие французы и англичанами чехословаки, и если взять карту теперь, то мы увидим, что мы расширились неслыханно, мы одержали победы громадные.

Вот положение, при котором говорить сильные слова, обвиняя нас в красном милитаризме, могут только самые грязные и низкие политические мошенники.

Таких революций, которые, завоевав, можно положить в карман и почтить на лаврах, в истории не бывало. Кто думает, что такие революции мыслимы, тот не только не революционер, а самый худший враг рабочего класса. Не бывало ни одной такой

революции, даже второстепенной, даже буржуазной, когда речь шла только о том, чтобы от одного имущего меньшинства передать власть другому меньшинству. Мы знаем примеры! Французская революция, на которую ополчились в начале XIX века старые державы, чтобы раздавить ее, называется великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру; тут и лежит одна из ее больших заслуг.

Революция подвергается самым серьезным испытаниям на деле, в борьбе, в огне. Если ты угнетен, эксплуатируешь и думаешь о том, чтобы скинуть власть эксплуататоров, если ты решил довести дело свержения до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск эксплуататоров всего мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае тебя раздавят.

Вот как поставлен вопрос историей всех революций.

Настоящим испытанием нашей революции является то, что мы в отсталой стране, раньше, чем другие, сумели взять власть, завоевать советскую форму правления, власть трудящихся и эксплуатируемых. Сумеем ли мы ее и удержать, хотя бы до тех пор, пока расшевелиются массы других стран? И если мы не сумеем пойти на новые жертвы и удержаться, то скажут: революция оказалась исторически неправомерной. Демократы цивилизованных стран, вооруженные до зубов, боятся, однако, появления в какой-нибудь стомиллионной свободной республике, вроде Америки, каких-нибудь ста большевиков; это — такая зараза! И борьба с сотней выходцев из голодной, разоренной России, которые станут говорить о большевизме, оказывается демократам не под силу! Симпатии масс на нашей стороне! У буржуев одно спасение: пока меч не выпал у них из рук, пока пушки в их руках, направить эти пушки на Советскую Россию и задавить ее в несколько месяцев, потому что потом ее ничем не задавишь. Вот в каком положении мы находимся, вот чем определяется военная политика Совета Народных Комиссаров за этот год, и вот почему мы, указывая на факты, на результаты, имеем право сказать, что мы испытание выдерживаем только потому, что рабочие и крестьяне, неслыханно истомленные войной, создают новую армию в еще более мучительных условиях, проявляя новое геройство.

*Напечатано отдельной брошюрой
в 1919 г.*

Полн. собр. соч., т. 38, с. 46—53

ИЗ ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
18 МАРТА

Если начать с внешней политики, то, само собой разумеется, на первом месте стоят наши отношения к германскому империализму и Брестский мир. И, мне кажется, говорить по этому вопросу стоит, ибо он представляет значение не только историческое. Мне кажется, что то предложение, которое сделала Советская власть союзным державам, или вернее то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение пасчет конференции на Припечевых островах²⁴, — мне кажется, что это предложение и наш ответ кое в чем, и довольно существенно, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира. Вот почему я думаю, что коснуться этой истории при теперешнем быстром темпе событий необходимо.

Когда решался вопрос о Брестском мире, строительство советское, не говоря уже о партийном, находилось еще в первой стадии. Вы знаете, что тогда было еще очень мало опыта у партии в целом для того, чтобы определить, хотя бы приблизительно, быстроту нашего движения по тому пути, на который мы стали. неизбежно унаследованная от прошлого известная хаотичность делала тогда еще чрезвычайно трудным обозрение событий, точное ознакомление с тем, что происходит. А громадная оторванность от Западной Европы и от всех остальных стран не давала нам никаких объективных материалов для суждения о возможной скорости или о формах нарастания пролетарской революции на Западе. Из этого сложного положения вытекало то, что вопрос о Брестском мире вызвал немало разногласий в нашей партии.

Но события показали, что это вынужденное отступление перед германским империализмом, прикрывшимся чрезвычайно насильственным, вопиющим, грабительским миром, что это отступление с точки зрения отношения молодой социалистической республики ко всемирному империализму (к одной половине всемирного империализма) было единственно правильным. Тогда нам, только что свергшим помещиков и буржуазию в России, решительно не оставалось никакого другого выбора, кроме как отступить перед силами всемирного империализма. Те, кто осуж-

дал это отступление с точки зрения революционера, стояли в действительности на точке зрения в корне неправильной и немарксистской.

Полн. собр. соч., т. 38, с. 131—132

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РАДИОТЕЛЕГРАММА ОТ ИМЕНИ СЪЕЗДА ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ²⁵

Правительству Венгерской Советской республики,
Будапешт

VIII съезд Российской коммунистической партии шлет пламенный привет Венгерской Советской республике. Наш съезд убежден в том, что педалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряженным вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволит империалистам поднять руки на новую социалистическую республику.

Да здравствует Советская Венгрия! Да здравствует международная коммунистическая республика!

Написано 22 марта 1919 г.

Полн. собр. соч., т. 38, с. 188

ПОСЛАНИЕ КОРОЛЮ АФГАНИСТАНА АМАНУЛЛА-ХАНУ ²⁶

Получив первое послание от имени свободной самостоятельной афганской нации с приветом русскому народу и извещением о вступлении Вашего Величества на престол, спешим от имени Рабоче-Крестьянского правительства и всего русского народа принести ответный привет независимому афганскому народу, героически отстаивающему свою свободу от иностранных поработителей. Вашему Величеству приносим поздравление по поводу вступления на престол 21 февраля 1919 года.

Действительно, Рабоче-Крестьянское правительство дало равенство и свободу всем народам, входящим в состав Российской республики, и утвердило, как Вы говорите, интернациональное начало, провозгласив единение всех трудящихся против эксплуататоров.

Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства.

Приветствуя намерения Вашего Величества завязать близкие сношения с русским народом, мы просим Вас назначить официального представителя в Москву и, с своей стороны, предлагаем послать в Кабул представителя Рабоче-Крестьянского правительства, о немедленном пропуске которого просим Ваше Величество сделать распоряжение всем властям. Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние.

Посылая этот первый привет народам Афганистана, считаем себя крайне счастливыми и просим Ваше Величество принять наш дружеский поклон от друзей Вашего народа.

Председатель Совнаркома Российской Социалистической Федеративной Республики Советов

Ленин

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов

Калинин

Написано 27 мая 1919 г.

Полн. собр. соч., т. 50, с. 385—388

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА ²⁷

Отвечаю на поставленные мне пять вопросов, на условии исполнения письменно данного мне обещания, что мой ответ полностью будет напечатан в газетах, числом более ста, Соединенных Штатов Северной Америки.

1. Советское правительство имело не реформистскую правительственную программу, а революционную. Реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства. Революция есть ниспровержение господствующего класса. Поэтому реформистские программы состоят обычно из многих частичных пунктов. Наша, революционная, программа состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов, свержение их власти,

освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров. Этой программы мы никогда не изменяли. Отдельные частичные мероприятия, направленные к осуществлению этой программы, нередко подвергались изменениям; перечень их занял бы целый том. Укажу только, что есть еще один общий пункт нашей правительственной программы, который вызывал, пожалуй, наибольшее число изменений отдельных мер. Этот пункт: подавление сопротивления эксплуататоров. После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России, подкуп англо-французскими деньгами чехословаков, германскими и французскими — Манвергейма, Деникина и пр. и т. п. Один из последних заговоров, вызвавших «изменение», — именно усиление террора против буржуазии в Петрограде, — был заговор буржуазии, совместно с эсерами и меньшевиками, о сдаче Петрограда, захват офицерами-заговорщиками Красной Горки, подкуп английскими и французскими капиталистами служащих в швейцарском посольстве наряду со многими служащими русскими и пр.

2. Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других нерусских народностей внутри России. Мы дали возможность, например, башкирским массам учредить автономную республику внутри России, мы всячески помогаем самостоятельно, свободно развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западноевропейская» и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т. е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.

3. По отношению к Соединенным Штатам и Японии мы преследуем прежде всего ту политическую цель, чтобы отразить их

наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию. Общим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Денкину и Колчаку, грабя Мурман и Архангельск, опустошая и разоряя особенно Восточную Сибирь, где русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Северной Америки героическое сопротивление.

Наша дальнейшая политическая и хозяйственная цель по отношению ко всем народам, в том числе и Соединенным Штатам и Японии, одна — братский союз с рабочими и трудящимися всех стран без изъятия.

4. Условия, на которых мы согласны заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом, мы вполне точно, ясно, письменно излагали много раз, например, Буллитту, который вел переговоры с нами (и со мной лично в Москве) от имени правительства Соединенных Штатов²⁸, в письме к Нансену²⁹ и т. д. Не наша вина, если правительства Соединенных Штатов и других стран боятся напечатать полностью эти документы, скрывая от народа правду. Напишу лишь наше основное условие: мы готовы заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только, миром, т. е. чтобы он был формально подписан и утвержден правительствами Англии, Франции, Соединенных Штатов, Японии, Италии, ибо Денкин, Колчак, Маннергейм и пр. — простые пешки в руках этих правительств.

5. Всего более я хотел бы сообщить общественному мнению Америки следующее:

По сравнению с феодализмом, капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но тем не менее капитализм был и остается системой *наемного рабства*, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («*moderne*») рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть *наемное рабство*.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя. Он стал реакционной задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих

народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться империалистская добыча, власть над колониями, финансовые «сферы влияния» или «мандаты на управление» и т. п.

Во время войны 1914—1918 гг. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах, — и это тем более, что война вызвала повсюду неслыханное разорение, а за войну надо *везде*, в том числе и народам-«победителям», платить проценты по долгам. А что такое эти проценты? Это есть миллиардная дань господам миллионерам за то, что они были так любезны, что позволили десяткам миллионов рабочих и крестьян убивать и калечить друг друга для решения вопроса о дележе прибылей капиталистов.

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков. Один из неважных, но очень наглядных для филлистера: романы Анри Барбюса («Le feu» и «Clarté»), который пошел на войну, будучи самым мирным, скромным, законопослушным мелким буржуа, филлистером, обывателем.

Капиталисты, буржуазия, могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла *Советская республика*, которая дает власть трудящимся, и только трудящимся, которая вручает руководство их освобождением пролетариату, которая отменяет частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации непоимки многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов.

Победа международной Советской республики обеспечена.

Маленькая иллюстрация в заключение: американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равенством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побоятся принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии: допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободу обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими.

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократичный договор с нами.

Почему? Потому что все, кроме советских правительств, держатся угнетением и обманом масс. Но великая война 1914—1918 гг. разбила великий обман.

Ленин

20-го июля 1919 г.

Полн. собр. соч., т. 39, с. 113—117

АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи! Около года тому назад в «Письме к американским рабочим» (от 20 августа 1918 г.) я изложил вам положение дел в Советской России и ее задачи *. Это было еще до германской революции. С тех пор мировые события подтвердили правильность данной большевиками оценки империалистской войны 1914—1918 гг. вообще и империализма Антанты в особенности. А Советская власть с тех пор стала понятной и близкой уму и сердцу рабочих масс во всем мире. Везде рабочие массы, вопреки влиянию старых, пропитанных шовинизмом и оппортунизмом вождей, приходят к убеждению в гнилости буржуазных парламентов и в необходимости Советской власти, власти трудящихся, диктатуры пролетариата, для избавления человечества от ига капитала. И Советская власть победит во всем мире, как бы ни неистовствовала, ни бешенствовала буржуазия всех стран. Она заливает кровью Россию, ведя войну с нами, патривая на нас контрреволюционеров, сторонников восстановления ига капитала. Буржуазия причиняет неслыханные муки трудящимся массам России блокадой и поддержкой контрреволюции, но мы разбили Колчака и с полной верой в победу ведем войну с Деникиным.

Н. Ленин

23. IX. 1919.

* * *

Меня спрашивают нередко, правы ли те американцы, не рабочие только, но и главным образом буржуа, которые, относя отрицательно к войне с Россией, ждут от нас, в случае заключения мира, не только возобновления торговых сношений с нами, но и возможности получения известных концессий в России.

* См. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48—64. *Ред.*

Я повторяю, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением положения трудящихся масс в России, что эти массы, несомненно, согласились бы и на предоставление известных концессий. На разумных условиях предоставленные концессии желательны и для нас, как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран, в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства.

И. Ленин

23. IX. 1919.

Полн. собр. соч., т. 39, с. 196—197

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ
КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ
«THE CHICAGO DAILY NEWS»³⁰

5/X. 1919.

Прошу извинить меня за мой плохой английский язык. Я рад ответить на Ваши вопросы:

1. Какова нынешняя политика Советского правительства в вопросе о мире?
2. Каковы в общих чертах условия мира, выдвигаемые Советской Россией?

Наша политика мира — прежняя, т. е. мы приняли мирное предложение г. Буллита. Мы никогда не изменяли наших мирных условий (вопрос 2), которые сформулированы вместе с г. Буллитом.

Мы много раз официально предлагали мир Антанте до приезда г. Буллита.

3. Готово ли Советское правительство гарантировать абсолютное невмешательство во внутренние дела иностранных государств?

Мы готовы его гарантировать.

4. Готово ли Советское правительство доказать, что оно представляет большинство русского народа?

Да, Советское правительство является самым демократическим из всех правительств мира. Мы готовы это доказать.

5. Какова позиция Советского правительства в отношении экономической договоренности с Америкой?

Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой.

Если необходимо, мы можем представить Вам полный текст наших условий мира, сформулированных нашим правительством совместно с г. Буллитом.

Вл. Ульянов (Н. Ленин)

Полн. собр. соч., т. 39, с. 209—210

БЕСЕДА
С АФГАНСКИМ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ ПОСЛОМ
МУХАММЕД ВАЛИ-ХАНОМ
14 ОКТЯБРЯ 1919 г.³¹

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Тов. Ленин встретил посла в своем рабочем кабинете со словами: «Я очень рад видеть в красной столице рабоче-крестьянского правительства представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига». На это посол ответил: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку». Во время начавшейся затем беседы тов. Ленин говорил, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится именно к тому, о чем говорил афганский чрезвычайный посол, но что необходимо, чтобы мусульманский Восток это понял и помогал Советской России в великой освободительной войне. Посол на это ответил, что он может утверждать, что мусульманский Восток это понял и что близок тот час, когда весь мир увидит, что европейскому империализму нет места на Востоке.

Потом посол встал и со словами: «Имею честь вручить главе свободного русского пролетарского правительства письмо от моего повелителя и надеюсь, что то, о чем говорит афганское правительство, обратит на себя внимание Советской власти», — подал тов. Ленину письмо эмира. Тов. Ленин ответил, что с величайшим удовольствием принимает это письмо и обещает в скором времени дать ответ на все интересующие Афганистан вопросы³².

Полн. собр. соч., т. 39, с. 227

ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НАРОДОВ ВОСТОКА ³³
22 НОЯБРЯ 1919 г.

Товарищи! Я очень рад, что могу приветствовать съезд товарищей коммунистов, представителей мусульманских организаций Востока, и сказать несколько слов по вопросу о том, как сложилось теперь положение в России и во всем свете. Тема моего доклада — текущий момент, и мне кажется, что по этому вопросу самым существенным сейчас является отношение народов Востока к империализму и революционное движение среди этих народов. Само собой понятно, что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма. В силу ряда обстоятельств, — между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, — нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма. Поэтому весь ход предстоящих в ближайшее время событий предвещает еще более широкую и упорную борьбу с международным империализмом и неизбежно будет связан с борьбой Советской республики против сил объединенного империализма — Германии, Франции, Англии и Америки.

Что касается военной стороны, то вы знаете, как благоприятно сложилось теперь для нас дело на всех фронтах. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, скажу только, что гражданская война, которую нам навязал силой международный империализм, за два года причинила Российской Социалистической Федеративной Советской Республике неисчислимые тягости, наложила на крестьян и рабочих такое непосильное бремя, которое, казалось часто, они не вынесут. Но вместе с тем эта война своим грубым насильничанием, беспощадно грубым натиском превратившихся в зверей так называемых наших «союзников», которые грабили нас еще до начала социалистической революции, — эта война сделала чудо, превратив людей, уставших от войны и, казалось, не могущих перенести еще другую войну, в борцов, которые в течение двух лет не только выдержали войну, но победоносно кончают ее. Те победы, которые мы одерживаем теперь над Колчаком, Юденичем и Дени-

киным, эти победы означают наступление новой полосы в истории борьбы мирового империализма против стран и наций, поднявших борьбу за свое освобождение. В этом отношении наша двухлетняя гражданская война не только подтвердила полностью давним-давно историей сделанное наблюдение, что характер войны и ее успех больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет. Все это неизбежно отражается на ведении войны.

Вопрос о том, какой класс вел войну и войну продолжает, является весьма важным вопросом. Только благодаря тому, что наша гражданская война велется освободившими себя рабочими и крестьянами и является продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира, только потому в такой отсталой стране, как Россия, истомленной четырехлетней империалистической войной, нашлись сильные волей люди для того, чтобы в течение двух лет беспримерной, невероятной тяжести и трудности вести эту войну дальше.

История гражданской войны показала это на примере Колчака особенно наглядно. Такой неприятель, как Колчак, который имел помощь всех сильнейших держав мира, который имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотней тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками международных империалистов, как, например, японскими войсками, которые готовились к империалистической войне, почти не участвовали в ней и потому мало пострадали,— Колчак, который опирался на крестьян Сибири, самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому, естественно, бывших дальше чем кто-либо от коммунизма,— казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма. И до сих пор еще в Сибири действуют японские, чехословацкие и ряд других войск империалистических наций. Тем не менее опыт больше чем годовой власти Колчака над Сибирью с ее громадными естественными богатствами, опыт, который был вначале поддержан социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эсерами, создавшими фронт Комитета учредительного собрания, и при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, казался прочным и непобедимым, на самом деле показал следующее: чем дальше продвигался Колчак в глубину России, тем он больше истощался, и в конце концов мы видим полную победу Советской России над Колчаком.

Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса.

Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма.

Кроме того, этот опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление. Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. В конце концов, после двух лет опыта, как ни бесконечно тяжела война для рабочих и крестьян, страдающих от голода и холода, на основании двухлетнего опыта можно сказать, что мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сплочения сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны. Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны — укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции, сломить республику рабочих и крестьян, посмевших объявить войну международному импери-

ализму. Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закаляли.

Таковы главные итоги, таково главное содержание пережитого нами момента. Мы подходим к решительным победам над Деникинским, последним врагом, который остался на нашей территории. Мы чувствуем себя сильными и тысячу раз можем повторить, что мы не ошибаемся, когда говорим, что внутреннее строительство республики окрепло и из войны с Деникиным мы выйдем во много раз крепче и подготовленнее для осуществления задачи строительства социалистического здания, — строительства, которому мы могли во время гражданской войны уделять слишком мало времени и сил и которому только теперь, выходя на свободную дорогу, нам несомненно удастся целиком отдаться.

Мы видим в Западной Европе разложение империализма. Вы знаете, что год тому назад даже германским социалистам казалось, как и огромному большинству социалистов, которые не понимали положения вещей, что происходит борьба двух групп всемирного империализма, и они считали, что эта борьба заполнила собой историю, что нет сил, которые могли бы дать что-либо иное; им казалось, что даже социалистам ничего не остается, как примкнуть к одной из групп могущественных мировых хищников. Так казалось в конце октября 1918 года. Но мы видим, что с тех пор мировая история пережила за год невиданные явления, широкие и глубокие, которые открыли глаза многим из тех социалистов, которые были во время империалистической войны патриотами и оправдывали свое поведение тем, что перед ними стоял враг; оправдывали союз с английскими и французскими империалистами, которые будто бы несли освобождение от германского империализма. Посмотрите, сколько иллюзий было разрушено этой войной! Мы видим разложение германского империализма, которое привело не только к республиканской революции, но и к социалистической. Вы знаете, что в Германии в настоящее время еще острее стала борьба классов и все ближе надвигается гражданская война, борьба немецкого пролетариата против немецких империалистов, которые перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма.

Все знают, что социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам, что то же происходит и в Америке, и в Англии — среди этих якобы представителей культуры и цивилизации, победителей над гуннами — германскими империалистами, — а когда дело дошло до Версальского мира, то все увидели, что Версальский мир является в сто раз больше гра-

бительским, чем Брестский, который нам был навязан германскими грабителями, и что этот Версальский мир является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты этих злополучных победивших стран. Версальский мир открыл глаза именно победившим нациям и доказал, что мы имеем перед собой не представителей культуры и цивилизации, а имеем, в лице Англии и Франции, хотя и демократические государства, но управляемые хищниками-империалистами. Внутренняя борьба у этих хищников развивается так быстро, что мы можем ликовать, зная, что Версальский мир является только внешней победой торжествующих империалистов, а на деле означает крах всего империалистического мира и решительный отход трудящихся масс от тех социалстов, которые были во время войны в союзе с представителями гнилого империализма и защищали одну из групп борющихся хищников. Глаза открылись у трудящихся, потому что Версальский мир явился хищническим и показал, что Франция и Англия на самом деле боролись с Германией, чтобы закрепить свою власть над колониями и увеличить свою империалистическую мощь. Эта внутренняя борьба развивается чем дальше, тем шире. Сегодня мне пришлось видеть радиотелеграмму из Лондона от 21 ноября, в которой американские журналисты — люди, которых нельзя заподозрить в симпатии к революционерам, — говорят, что во Франции наблюдается певданная вспышка ненависти к американцам, потому что американцы отказываются утвердить Версальский мирный договор.

Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, у Америки, которая решила, что сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получать проценты с лихвой за свою помощь во время войны, а в обеспечение этого должен служить американский флот, который сейчас строится и обгоняет своими размерами английский. А что хищнический империализм американцев так грубо выступает, видно из того, что агенты Америки скупают живой товар, женщин и девушек, и везут в Америку, развивая проституцию. Свободная, культурная Америка снабжает публичные дома живым товаром! В Польше и Бельгии происходят конфликты с американскими агентами. Это — маленькая иллюстрация того, что происходит в громадных размерах в каждой маленькой стране, которая получила помощь от Антанты. Возьмем хотя бы Польшу. Вы видите, что туда американские агенты и спекулянты являются скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что она существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни

одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев. Америка обнаглела так, что начинает поработать «великую свободную победительницу» Францию, которая являлась прежде страной ростовщиков, а теперь стала сплошь задолженной Америке, так как у нее не стало экономических сил, и она не может обойтись ни своим хлебом, ни своим углем, не может в широких размерах развивать свои материальные силы, а Америка требует, чтобы вся дадь была неукоснительно уплачена. Таким образом, чем дальше, тем больше выясняется экономический крах Франции, Англии и других могущественных стран. Выборы во Франции дали перевес клерикалам. Французский народ, который был обманут тем, что должен был давать все силы во имя свободы и демократии против Германии, получил теперь в награду бесконечную задолженность, издевательство хищных американских империалистов, а затем клерикальное большинство из представителей самой дикой реакции.

Положение во всем мире стало неизмеримо запутаннее. Наша победа над Колчаком, Юденичем, над этими слугами международного капитала, велика, но еще гораздо больше, хотя и не так ясна, победа, которую мы одерживаем в международном масштабе. Эта победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и знакомятся с нашей российской Советской конституцией, переведенной на их языки. Вопреки влиянию вождей гнилого социализма, наша Конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс. Слово «Совет» попятно теперь всем, а Советская конституция переведена на все языки, и с ней знаком каждый рабочий. Он знает, что это Конституция трудящихся, что это политический строй трудящихся, зовущих к победе над международным капиталом, знает, что это есть завоевание, которое мы сделали над международными империалистами. Эта наша победа отозвалась на каждой империалистической стране, раз мы отняли, отвоевали ее собственные войска, отняли возможность двигать их против Советской России.

Они пробовали воевать чужими войсками, войсками Финляндии, Польши, Латвии, но и из этого ничего не вышло. Английский министр Черчилль несколько недель тому назад в своей речи в палате хвастал, — и об этом были посланы телеграммы всему миру, — что организован поход четырнадцати народов против Советской России и что к новому году это даст победу над Россией. И правда, тут участвовало много народов — Фин-

ляндия, Украина, Польша, Грузия, чехословаки, японцы, французы, англичане, немцы. Но мы знаем, что из этого вышло! Мы знаем, что эстонцы оставили войска Юденича, и сейчас идет бешеная полемика в газетах из-за того, что эстонцы не хотят ему помогать, а Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия, также не дала помощи Юденичу. Таким образом и вторая попытка натиска на нас провалилась. Первый этап — посылка собственных войск Антанты, которые были снабжены по всем правилам военной техники, так что казалось, что они победят Советскую республику. Они уже покинули Кавказ, Архангельск, Крым и остались еще на Мурмане, как чехословаки в Сибири, но остались как островки. Первая попытка победить нас своими войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма. Но и эта попытка окончилась неудачей: оказалось, что ни одно из этих маленьких государств к такой войне не способно. И еще более — в каждом маленьком государстве укрепилась ненависть к Антанте. Если Финляндия не пошла брать Петроград, когда Юденич уже взял Красное Село, то потому, что она колебалась и видела, что рядом с Советской Россией она может жить самостоятельно, а с Антантой в мире жить не может. Это переживали все маленькие народы. Это переживают Финляндия, Литва, Эстония, Польша, где царит сплошной шовинизм, но где есть ненависть к Антанте, развивающей там свою эксплуатацию. И теперь мы, без всякого преувеличения, точно учитывая ход событий, можем сказать, что не только первый, но и второй этап международной войны против Советской республики потерпел крах. Теперь остается нам только победить войска Деникина, которые уже наполовину разбиты.

Таково теперешнее русское и международное положение, которое я вкратце охарактеризовал в своем докладе. Позвольте в заключение остановиться на том, какое положение создается по отношению к национальностям Востока. Вы являетесь представителями коммунистических организаций и коммунистических партий разных народов Востока. Я должен сказать, что если русским большевикам удалось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе проле-

тариата в каждой стране над своей буржуазией. Это было бы возможно, если бы революции происходили легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены против своего внутреннего большевизма и думают только о том, как победить большевизм у себя дома. Поэтому в каждой стране зарождается гражданская война, к участию в которой на стороне буржуазии привлечены старые социалисты-соглашатели. Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте этого года, мы характеризуем приближение всемирной социальной революции, говорили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма. Это подтверждается ходом революции и будет все больше подтверждаться. То же будет и на Востоке.

Мы знаем, что здесь поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, пародные массы Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только как материал для удобрения. И когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силой представлять не могло, перестало, мы знаем, в начале XX столетия играть такую пассивную роль. Мы знаем, что после 1905 г. последовали революции в Турции, Персии, Китае, что в Индии развилось революционное движение. Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных народов в борьбу империалистов Европы. Империалистическая война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружали колониальные народы и помогали им познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами. Этой наукой они воспользуются против господ империалистов. За периодом пробуждения Востока в современной

революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества.

Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов,— вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма.

Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие. Здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы, — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета. Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма.

Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммуни-

стических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы. И эту вторую задачу, я надеюсь, вы выполните с успехом. Благодаря коммунистическим организациям на Востоке, представителями которых вы здесь являетесь, у вас имеется связь с передовым революционным пролетариатом. Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда.

Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепят английский, французский или немецкий пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет в том, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

Вот те задачи, решения которых вы не найдете ни в одной коммунистической книжке, по решению которых вы найдете в общей борьбе, которую начала Россия. Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом. В этом вам поможет, с одной стороны, тесный союз с авангардом всех трудящихся других стран, а с другой — умение подойти к народам Востока, которых вы здесь представляете. Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание. Вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока.

Вот задача необычайного размаха, которая стоит перед вами и которая, благодаря эпохе революции и росту революционного движения — в этом нельзя сомневаться — общими усилиями коммунистических организаций Востока будет успешно разрешена и доведена до полной победы над международным империализмом.

Полн. собр. соч., т. 39, с. 318—331

VII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

5—9 ДЕКАБРЯ 1919 г.

ИЗ ДОКЛАДА ВЦИК И СОВНАРКОМА 5 ДЕКАБРЯ

Прежде всего, когда говоришь о политических результатах нашей деятельности и о политических уроках из нее, на первое место ставится само собою международное положение Советской республики. Мы всегда говорили и перед Октябрем и во время Октябрьской революции, что рассматриваем себя и можем рассматривать только как один из отрядов международной армии пролетариата, причем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России, и что поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по крайней мере, в нескольких передовых странах. И вот в этом отношении нам пришлось пережить больше всего трудностей.

Наша, если можно так выразиться, ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть в общем и целом. Но с точки зрения быстроты развития мы пережили время особенно тяжелое, мы испытали на себе, что развитие революции в более передовых странах оказалось гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным. Это не может нас удивлять, потому что — естественное дело — для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран. Но, во всяком случае, это более медленное, более сложное, более зигзагообразное развитие социалистической революции в Западной Европе возложило на нас невероятнейшие трудности. И прежде всего задаешь себе вопрос, как могло совершиться такое чудо, что два года продержалась в отсталой, разоренной и

уоставшей от войны стране Советская власть, несмотря на упорную борьбу сначала германского империализма, который считался тогда всеильным, а затем империализма Антанты, который год тому назад разделался с Германией, не знал себе соперников и владычествовал над всеми странами земли, без малейшего изъятия? С точки зрения простого учета сил, с точки зрения военного взвешивания сил, это действительно чудо, потому что Антанта была и остается неизмеримо более могущественной, чем мы. И тем не менее отчетный год знаменателен больше всего как раз тем, что мы одержали гигантскую победу,— настолько большую победу, что, пожалуй, не преувеличивая, можно сказать, что *главные трудности уже позади*. Как еще не велики предстоящие нам опасности и трудности, все же главное, по-видимому, осталось позади. Нужно уяснить себе причины этого и, главное, правильно определить свою политику в дальнейшем, ибо будущее почти наверное нам принесет не раз еще попытки Антанты повторить свое вмешательство, и, может быть, появится снова прежний разбойничий союз международных и русских капиталистов для восстановления власти помещиков и капиталистов, для свержения Советской власти в России, одним словом, преследующий ту же цель — заглушить тот очаг всемирного социалистического пожара, которым сделалась Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Рассматривая с этой точки зрения историю вмешательства Антанты и полученный нами политический урок, я скажу, что эта история разделяется на три главных этапа, из которых каждый дает нам один за другим глубокую и прочную победу.

Первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск. Конечно, после того, как Антанта победила Германию, она имела миллионные армии, еще не заявлявшие прямо о мире и не сразу пришедшие в себя от того пугала германского империализма, которым их пугали во всех западных странах. Конечно, в такое время с точки зрения военной, с точки зрения внешней политики для Антанты ничего не стоило взять одну десятую долю своих армий и направить в Россию. Заметьте, что в ее руках было полное господство над морем, полное господство над флотом. Доставка войск и снабжение всегда были всецело в ее руках. Если бы в то время Антанта, ненавидя нас так, как только может ненавидеть социалистическую революцию буржуазия,— если бы она смогла сколько-нибудь успешно хотя бы десятую долю своих армий бросить против нас,— нет ни малейшего сомнения, что судь-

ба Советской России была бы решена и ее постигла бы участь Венгрии.

Почему это не удалось Антанте? Она высадила войска в Мурманске. Поход на Сибирь был предпринят при помощи войск Антанты, и японские войска держат до сих пор отдаленный кусок Восточной Сибири, а во всей Западной Сибири были, хотя по числу и небольшие, но были отряды войск всех государств Антанты. Затем французские войска были высажены на юге России. Это — первый этап международного вмешательства в наши дела, первая попытка, так сказать, задушить Советскую власть войсками, которые Антанта взяла у себя, т. е. рабочими и крестьянами более передовых стран, причем они были снабжены великолепно, и вообще в смысле технических и материальных условий кампании не было ничего, чего бы Антанта не была в состоянии удовлетворить. Перед нею не было никаких препятствий. Чем же объяснить, что эта попытка потерпела неудачу? Она кончилась тем, что Антанте пришлось убрать из России войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России. Это всегда, товарищи, составляло для нас главный и основной аргумент. С самого начала революции мы говорили, что мы представляем из себя партию интернационального пролетариата, и, как бы ни велики были трудности революции, придет время, — и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным империализмом. Нас за это обвиняли в утолизме. Но опыт нам показал, что если не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать, то можно сказать, что за эти два года всемирной истории мы оказались тысячу раз правы. Попытка англичан и французов своими войсками задушить Советскую Россию, попытка, которая обещала им наверняка самый легкий успех в кратчайшее время, — эта попытка кончилась крахом: английские войска ушли из Архангельска, французские войска, высадившиеся на юге, все были увезены на родину. И мы знаем теперь, — несмотря на блокаду, на окружающее нас кольцо, до нас все-таки доходят известия из Западной Европы, мы получаем хотя бы разрозненные номера английских и французских газет, из которых узнаем, что письма английских солдат из Архангельской области все-таки в Англию попадали и там печатались. Мы знаем, что имя французенки, тов. Жанпы Ляжурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские

рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма,— все объединились для выступления против международного империализма. То, что писал однажды т. Радек,— который, к счастью, как сегодня сообщают, освобожден Германией и которого мы, быть может, скоро увидим,— что горящая революционным пожаром почва России окажется недоступной для войск Антанты, то, что казалось простым увлечением публициста, оказалось фактом, в точности осуществившимся на деле. Действительно, на нашей почве, несмотря на всю нашу отсталость, несмотря на всю тяжесть нашей борьбы, войска Англии и Франции оказались не в состоянии бороться против нас. Результат получился в нашу пользу. Первый раз, когда попробовали двинуть против нас массовые военные силы,— а без них победить нельзя,— это привело, благодаря правильному классовому инстинкту, только к тому, что французские и английские солдаты привезли из России ту самую язву большевизма, против которой выступали немецкие империалисты, когда высылали из Берлина наших послов. Они думали этим забаррикадироваться от язвы большевизма, теперь целиком охватившей всю Германию усилением рабочего движения. Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств.

И тут обнаружилось, как поверхностно, как неясно суждение об этих якобы демократических странах по тем признакам, по которым о них судить принято. В парламентах у них прочное буржуазное большинство. Это они называют «демократией». Что капитал господствует и давит все, прибегает до сих пор к военной цензуре, это они называют «демократией». Среди миллионов номеров газет и журналов у них едва найдется ничтожная доля, где бы было сказано что-нибудь, хотя бы даже косноязычно, в пользу большевиков. Они поэтому говорят: «Мы защищены от большевиков, у нас господствует порядок», который они называют «демократией». Как же могло случиться, что небольшая часть английских солдат и французских матросов могла заставить убрать войска Антанты из России? Что-то тут не так. Значит, народные массы за нас, даже в Англии, Франции и Америке; значит, все эти верхушки есть обман, как это всегда утверждали социалисты, не желавшие изменять социализму; значит, буржуазный парламентаризм, буржуазная демократия, буржуазная свобода печати есть только свобода для капитали-

стов, свобода подкупать общественное мнение, давить на него всей силой денег. Вот что говорили всегда социалисты, пока империалистская война не развела их по национальным лагерям и не превратила каждую национальную группу социалистов в лакеев своей буржуазии. Это говорили социалисты до войны, это всегда говорили интернационалисты и большевики во время войны, — все это оказалось полностью правдой. Все эти верхушки, вся эта показная сторона, это — обман, который становится массам все более и более очевидным. Они все кричат о демократизме, но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России. Поэтому в целом ряде изданий французских, английских, американских, которые появились у нас, мы читаем предложение: «Предать суду главы государств за то, что они нарушили конституцию, за то, что ведут войну с Россией без объявления войны». Когда, где, какой параграф конституции, какой парламент ее разрешил? Где они собрали представителей, хотя бы засадив предварительно в тюрьму всех большевиков и большевистствующих, как выражается французская печать? Даже при этих условиях они не смогли сказать в своих парламентах, что они воюют с Россией. Вот что было причиной того, что великолепно вооруженные, никогда не знавшие поражений войска Англии и Франции не смогли разбить нас и ушли с Архангельского севера и с юга.

Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже вовсе не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали, указывая на которую мы говорили, что, как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы сторицей окупятся развитием международной революции, которая неизбежна. Это проявилось в том, что в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и материальные факторы, в военном деле, мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры.

После этой первой победы наступила вторая эпоха вмешательства Антанты в наши дела. Во главе каждой нации стоит группа политиков, у которых имеется великолепный опыт, и поэтому они, проиграв эту ставку, поставили ставку на другое, пользуясь своим господством над всем миром. Нет ни одной страны, не осталось теперь ни одного куска земного шара, где бы фактически не господствовал полностью английский, французский и американский фипансовый капитал. На этом была основана новая попытка, которую они сделали, — заставить те маленькие государства, которые окружают Россию и из которых многие освободились и получили возможность объявить себя

независимыми только во время войны — Польша, Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина и др., — попытаться заставить эти маленькие государства воевать против России на английские, французские и американские деньги.

Вы, может быть, помните, товарищи, как наши газеты обошло известие про речь известного английского министра Черчилля, который сказал, что на Россию будут наступать 14 государств и что к сентябрю падет Петроград, а к декабрю — Москва. Я слышал, что Черчилль потом опровергал это известие, но оно было взято из шведской газеты «Фолькетс Дагблад Политикен» от 25 августа. Но если бы даже этот источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы. Мы прекрасно знаем, что на Финляндию, Эстляндию и другие мелкие страны оказывались все меры воздействия для того, чтобы они воевали против Советской России. Мне пришлось прочитать одну передовицу английской газеты «Таймс» — самой влиятельной буржуазной газеты в Англии — передовицу, написанную в то время, когда войска Юденича, заведомо снабженные, экипированные и подвезенные на судах Антанты, стояли в нескольких верстах от Петрограда и Детское Село было взято. Статья представляла из себя настоящий поход, где все силы давления были использованы — давления военного, дипломатического, исторического. Английский капитал обрушивался на Финляндию и ставил ей ультиматум: «Весь мир смотрит на Финляндию, — говорили английские капиталисты, — вся судьба Финляндии зависит от того, поймет ли она свое назначение, поможет ли она подавить грязную, мутную, кровавую волну большевизма и освободить Россию». И за это «великое и нравственное» дело, за это «благородное, культурное» дело обещали Финляндии столько-то миллионов фунтов, такой-то кусок земли и такие-то блага. И какой получился результат? Было время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин стоял к северу от Орла, когда малейшая помощь им быстро решила бы судьбу Петрограда в пользу наших врагов, в кратчайший срок и с ничтожными жертвами.

Все давление Антанты обрушилось на Финляндию, а Финляндия у ней в долгу, как в шелку. И не только в долгу: она не может без помощи этих стран прожить месяца. Как же произошло такое «чудо», что мы выиграли тяжбу с таким противником? А мы ее выиграли. Финляндия в войну не вошла, и Юденич оказался разбитым, и Деникин оказался разбитым в такой момент, когда их совместная борьба самым верным, самым быстрым образом привела бы к решению всей борьбы в пользу

международного капитализма. Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в этом самом серьезном, отчаянном испытании. Как же мы ее выиграли? Как могло быть такое «чудо»? Оно было потому, что Антанта ставила ставку, какую ставят все капиталистические государства, действующие исключительно и всецело обманом, давлением, и потому она каждым своим действием возбуждала против себя такое противодействие, что получалась выгода для нас. Мы стояли слабо вооруженными, измученными и говорили финляндским рабочим, которых задавила финляндская буржуазия: «Вы не должны воевать против нас». Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих продовольственных благ, которые она могла дать этим странам, и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было, она должна была действовать силами маленьких народов, а маленькие народы, не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавленной рабочий класс, в конце концов не пошли против нас.

Когда империалисты Антанты говорили о демократии и независимости, эти народы имели дерзость, с точки зрения Антанты, а с нашей точки зрения — глупость, брать эти обещания всерьез и понимать независимость так, что это действительно независимость, а не средство для обогащения английских и французских капиталистов. Они думали, что демократия — это значит жить свободными, а не значит, что все американские миллиардеры могут грабить их страну и всякий дворянчик-офицер может держать себя, как хам, и превращаться в наглого спекулянта, который из-за нескольких сот процентов прибыли идет на самые грязные дела. Вот чем мы победили! Антанта, давая на эти маленькие страны, на каждую из этих 14 стран, встречала противодействие. Финская буржуазия, которая подавила белым террором десятки тысяч финских рабочих и знает, что это ей не забудется, что нет уже того немецкого штыка, который давал ей возможность это сделать, — эта финская буржуазия ненавидит большевиков всеми силами, какими может ненавидеть хищник рабочих, которые его скинули. Тем не менее эта финская буржуазия говорила себе: «Если нам пойти по указаниям Антанты — значит, безусловно потерять всякие надежды на независимость». А эту независимость им дали большевики в ноябре 1917 года, когда в Финляндии было буржуазное правительство. Таким образом, мнение широких кругов финляндской буржуазии оказалось колеблющимся. Мы выигра-

ли тяжбу с Антантой, потому что она рассчитывала на мелкие нации и вместе с тем от себя их оттолкнула.

На этом опыте в громадном, всемирно-историческом масштабе подтверждается то, что мы всегда говорили. Есть две силы на земле, которые могут определить судьбы человечества. Одна сила — международный капитализм, и раз он победит, он проявит эту силу бесконечными зверствами — это видно из истории развития каждой маленькой нации. Другая сила — международный пролетариат, который борется за социалистическую революцию посредством диктатуры пролетариата, которую он называет демократией рабочих. Нам не верили ни колеблющиеся элементы у нас в России, ни буржуазия мелких стран, объявляя нас утопистами или разбойниками, а то еще хуже, ибо нет того нелепого и чудовищного обвинения, которое против нас не возводили бы. Но когда стал ребром вопрос: идти ли с Антантой, помогать ли ей душить большевиков, или помочь большевикам своим нейтралитетом, — оказалось, что мы выиграли тяжбу и получили нейтралитет. Хотя у нас не было никаких договоров, а у Англии, Франции и Америки были всякие векселя, всякие договоры, — все-таки маленькие страны поступили так, как хотели мы, не потому, что буржуазии польской, финляндской, литовской, латышской доставляло удовольствие вести свою политику ради прекрасных глаз большевиков, — это, конечно, чепуха, — а потому, что мы были правы в своем определении всемирно-исторических сил: что либо зверский капитал победит и, будь какая угодно демократическая республика, он будет душить все малые народы мира; либо победит диктатура пролетариата, — и только в этом надежда всех трудящихся и всех малых, забытых, слабых народов. Оказалось, что мы были правы не только в теории, а и в практике мировой политики. Когда у нас завязалась эта тяжба из-за войск Финляндии, Эстляндии, мы эту тяжбу выиграли, хотя они могли задавить нас ничтожными силами. Несмотря на то, что Антанта всю громадную силу и своего финансового давления, и военной мощи, и доставки продовольствия, — все бросила на чашку весов, чтобы заставить Финляндию выступить, — все же мы эту тяжбу выиграли.

Это, товарищи, второй этап международного вмешательства, это наша вторая всемирно-историческая победа. Во-первых, мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян. Эти войска не смогли против нас бороться. Во-вторых, мы отвоевали у них эти малые страны, которые все против нас, в которых везде господствует не Советская, а буржуазная власть. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтра-

литет и пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить.

Тут произошло в международном масштабе то же, что произошло с сибирским крестьянином, который верил в Учредительное собрание, помогал эсерам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас. Когда он испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получили точные донесения от товарищей и которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири, — на этот раз сознательный. То, что было с сибирским мужичком, при всей его неразвитости и политической темноте, то же самое произошло теперь в масштабе более широком, в масштабе всемирно-историческом, со всеми маленькими нациями. Они ненавидели большевиков, некоторые из них кровавой рукой, бешеным белым террором подавляли большевиков, а когда увидели «освободителей», английских офицеров, то поняли, что значит английская и американская «демократия». Когда представители английской и американской буржуазии появились в Финляндии, в Эстляндии, они начали душить с наглостью большей, чем русские империалисты, — большей потому, что русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели, а эти люди душить умеют и душат до конца.

Вот почему эта победа во втором этапе гораздо более прочна, чем сейчас кажется. Я вовсе не преувеличиваю и считаю преувеличения чрезвычайно опасными. Янисколько не сомневаюсь, что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Эти попытки будут, потому что маленькие государства целиком зависят от Антанты, потому что все эти речи о свободе, независимости и демократии — одно лицемерие, и Антанта может заставить их еще раз поднять руку против нас. Но если эта попытка сорвалась в такой удобный момент, когда так легко было вести борьбу против нас, то, мне кажется, можно сказать определенно: в этом отношении, несомненно, главная трудность осталась позади. Мы имеем право это сказать без малейшего преувеличения и с полным сознанием того, что гигантский перевес сил на стороне Антанты. Мы победили прочно. Попытки будут, но их мы победим легче, потому что малые государства при всем их буржуазном строе убедились на опыте, не теоретически, — для теории эти господа не годятся, — что Антанта есть зверь более наглый и хищный, чем кажутся им большевики, которыми пугают детей и культурных мещан во всей Европе.

Но наши победы не ограничились этим. Во-первых, мы отвоевали у Антанты ее рабочих и крестьян, во-вторых, приобрели нейтралитет тех малепьких народов, которые являются ее рабами, а в-третьих, мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые были целиком против нас. Чтобы доказать это, я позволю себе сослаться на газету «Юманите» от 26-го октября, которая у меня в руках. Эта газета, которая принадлежала всегда ко II Интернационалу, была бешено шовинистической во время войны, стояла на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эсеры, и посейчас играет роль примирителя, — она заявляет, что убедилась в изменении настроения рабочих. Она увидела это не в Одессе, а на улицах и собраниях Парижа, когда рабочие не давали говорить тому, кто смел сказать слово против большевистской России. И как политики, научившиеся кое-чему в течение нескольких революций, как люди, знающие, что представляют собой народные массы, они не смеют пикнуть за вмешательство и все высказываются против. Но этого мало. Мало того, что это заявляют социалисты (они называют себя социалистами, хотя мы давно знаем, какие они социалисты), в том же номере «Юманите» от 26-го октября, который я цитировал, помещено заявление целого ряда представителей французской интеллигенции, французского общественного мнения. В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подпись Фердинанда Бюиссона, я насчитал 71 фамилию представителей буржуазной интеллигенции, известных всей Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, не может быть допустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они этого спести не могут. А известный французский историк Олар, пасквозь стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: «Я, как француз, — враг большевиков, как француз, я — сторонник демократии, меня смело заподозрить в противном, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России, когда я читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии, — тогда я ощущаю краску стыда на лице»³⁴. Это, может быть, просто словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это — третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри нее самой. Вот о чем свидетельствует это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может в миллионы раз

больше шуметь, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром, давать показатель того, куда клонит мелкая буржуазия, давать показатель того, куда клонит общественное мнение, пассивное буржуазное. Если мы внутри Франции, где все буржуазные газеты, иначе как в выражениях самых лживых, не пишут о нас, достигли такого результата, то мы говорим себе: похоже на то, что во Франции начинается второе дело Дрейфуса, только много крупнее. Тогда буржуазная интеллигенция боролась против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать это своим делом, тогда не было объективных условий, не было такого глубокого революционного настроения, как теперь. А сейчас? Если французская буржуазная интеллигенция, после недавней победы самой бешеной реакции на выборах, после того режима, который там существует теперь по отношению к большевикам, если она говорит, что ей стыдно становится от союза реакционнойнейшей Франции с реакционнойнейшей Германией с целью душиить голодом рабочих и крестьян России, — то мы говорим себе: это, товарищи, третья и крупнейшая победа. И я желал бы посмотреть, как при таком положении внутри государства господина Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон осуществят свой план новых покушений на Россию, о которых они мечтают. Попробуйте, господа! (Аплодисменты.)

Товарищи, я повторяю, что было бы величайшей ошибкой делать из этого выводы слишком неосторожные. Нет сомнения, что они свои попытки возобновят. Но мы совершенно уверены в том, что эти попытки, какими бы крупными силами они ни были предприняты, потерпят крах. Мы можем сказать, что та гражданская война, которую мы вели с такими бесконечными жертвами, была победной. Она оказалась победной не только в русском масштабе, но и во всемирно-историческом...

Товарищи, из того, что я сказал о наших международных победах, вытекает, — и, мне кажется, на этом не придется долго останавливаться, — что мы должны сделать с максимальной деловитостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз. И каждый раз, когда мы делали его, в глазах всякого образованного человека, даже нашего врага, мы выигрывали, и у этого образованного человека появлялась краска стыда на лице. Так было, когда приехал сюда Буллит, когда он был принят т. Чичериним, беседовал с ним и со мной и когда мы в несколько часов заключили предварительный договор о мире. И он нас уверял (эти господа любят хвастаться), что Америка — это все, а кто же считается с Францией при

силах Америки? А когда мы подписали договор, так и французский и английский министры сделали такого рода жест. (Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех.) Буллит оказался с пустейшей бумажкой, и ему сказали: «Кто же мог ожидать, чтобы ты был так наивен, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции!». (Аплодисменты.) А в результате в этом самом номере я читаю полный текст договора с Буллитом по-французски³⁵, — и это напечатано во всех английских и американских газетах. В результате они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками, — пусть выбирают! (Аплодисменты.) А все сочувствие даже мещанства, даже сколько-нибудь образованной буржуазии, вспомнившей, что и она когда-то боролась со своими царями и королями, — на нашей стороне, потому что мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали и сказали: «Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжелой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян». Поэтому я думаю, что нам нечего много разговаривать, и в конце я прочту проект резолюции, которая выразила бы от имени съезда Советов наше неуклонное желание проводить политику мира. (Аплодисменты.)

*Полн. собр. соч., т. 39, с. 387—400,
402—403*

ИЗ ПИСЬМА К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ ПО ПОВОДУ ПОБЕД НАД ДЕНИКИНЫМ

Опыт рабоче-крестьянской революции в России, Октябрьско-Ноябрьской революции 1917 года, опыт ее двухлетней победоносной борьбы против пашествия международных и русских капиталистов показал яснее ясного, что капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия. Опыт показал, что это недоверие изживается и проходит только очень медленно и, чем больше осторожности и терпения проявляют великороссы, долго бывшие угнетательской нацией, тем вернее проходит это недоверие. Именно признанием независимости государств польско-

го, латышского, литовского, эстляндского, финского мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забытых капиталистами, трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, всего вернее ведем их к полному доверию, к будущей единой международной Советской республике.

Написано 28 декабря 1919 г.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 44

ИЗ ДОКЛАДА О РАБОТЕ ВЦИК И СОВНАРКОМА НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЦИК VII СОЗЫВА 2 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

Что касается международного положения Советской республики, то основным фактом, определяющим это положение, явились успехи Красной Армии. Вы знаете о том, что последние остатки армии Колчака почти уничтожены на Дальнем Востоке, причем между Японией и Америкой, формально находящимися между собою в союзе державами, все яснее обнаруживается соперничество, вражда, которая не дает им возможности развернуть все силы их патиска против Советской республики. После уничтожения войск Юденича, после взятия на юге в начале января Новочеркасска и Ростова-на-Дону был нанесен такой решительный удар главной части их войск, что военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом, и хотя война не была закончена, тем не менее для всякого государства стало ясным, что их прежние надежды на возможность раздавить военные силы Советской республики потерпели крах.

Сознание этой радикальной перемены международного положения Советской республики проявилось в передаче нам по радио (не сообщенного официально) решения Верховного совета союзников. Это решение было принято ими 16-го января и состояло в том, что блокада с Советской республики снимается. Верховный совет принял решение, основная часть которого гласит: (читает)³⁶.

Мне нет надобности критиковать дипломатию, которая в этой формулировке заключается, она слишком бьет в глаза, чтобы стоило останавливаться на том, что отношения союзников к России не изменились. Если союзники так понимают свою политику, что снятие блокады не есть изменение прежней политики, то тем самым они показывают беспочвенность их полити-

ки. Но для нас важна не политическая, но экономическая сторона этого решения. Факт снятия блокады является крупным фактом международного значения и показывает, что наступила новая полоса социалистической революции. Ибо блокада была в самом деле главным, действительно прочным оружием в руках империалистов всего мира для задушения Советской России.

На последнем съезде Советов мне уже приходилось указывать и развивать мысль, что борьба против Советской России привела не только к тому, что рабочие и крестьяне Франции, Англии и других передовых стран заставили отказаться от борьбы, но что эта борьба привела к тому, что внутри самих стран мелкобуржуазные массы населения начали развивать оппозицию против блокады*. И конечно, такая оппозиция средних слоев населения внутри таких стран, как Англия и Франция, не могла не оказать влияния на политику международных империалистов. Зная их дипломатичность, мы не можем ожидать, чтобы они поступили прямо, безо всяких оговорок, без желания вернуть старое, просунуть какой-нибудь хитростью свою прежнюю политику, ту, которую они теперь открыто вести не могут. Но можно сказать, что в основном мы одержали громадные победы, и оружие, которое было только в руках союзников — флот, даже это оружие мы выбили из их рук; мы выбили, несмотря на то, что нас пугали колеблющиеся элементы, говорившие, что флот непобедим. Тем не менее, развитие политических отношений показало, что и этот непобедимый флот оказался не в состоянии идти против нас. Мы, не имея возможности оказать военное сопротивление на море, заставили империалистические державы от этого оружия отказаться.

Конечно, эта перемена политики в международном масштабе сказывается не сразу, но факт тот, что мы оказались в сфере всемирных междугосударственных отношений, что дает возможность получить поддержку от более передовых стран. Конечно, экономическое и финансовое положение этих стран очень печально, они все идут под гору, и на многое рассчитывать мы не можем, но имея возможность развивать промышленность у себя, мы можем рассчитывать на получение машин для производства, машин для восстановления нашей промышленности. И самое главное то, что нас совершенно отрезывало, отрезывало путем блокады от передовых стран — сломано.

После того, как Союзный совет вынужден был отказаться от этого оружия, наши победы в области международной политики продолжались, и самой крупной из этих побед было то, что

* См. Полн. собр. соч., т. 39, с. 389—391. *Ред.*

мы добились заключения мира с Эстонией. Сегодня мы получили сообщение от Иоффе и Гуковского, в котором говорится: «Сегодня 2 февраля в 2 ч. по московскому времени подписан мир между Россией и Эстонией. К подписанию прибыл из Ревеля министр иностранных дел Эстонии Бирк».

Товарищи, текст этого мирного документа, который обсуждался очень много и представляет собой документ крупнейшей важности, послан с курьером, который должен прибыть завтра утром, но мы теперь получили точный текст по телеграфу, и завтра он будет уже роздан. Он будет рассмотрен и ратифицирован. Этот документ имеет для нас крупнейшее значение. Мирный договор России с Эстонией имеет громадное всемирно-историческое значение, и поэтому, добившись мирного договора с правительством, которое тоже становится демократическим и которое теперь будет иметь прочные отношения с нами, но которое до сих пор поддерживалось всем империалистическим миром,— мы должны смотреть на это, как на акт громадной исторической важности.

Мы знаем, что люди, которые стоят между империализмом и демократией, обыкновенно всегда переходят на ту или другую сторону. Мы, как вы видите, таким образом, несомненно одерживаем победу, потому что мир подписан,— и теперь это государство должно выступить против нашего врага. Принципиальное значение этого факта таково, что в империалистическую эпоху весь мир распадается на громадное количество больших и мелких государств, причем мелкие государства являются совершенно беспомощными, они являются ничтожной кучкой против богатейших держав, которые целиком подчиняют себе ряд мелких слабых государств. Империализм создал эпоху, во время которой происходит раздел всего мира, всего населения земли на меньшинство стран эксплуататоров — стран давящих и большинство стран с маленьким слабым населением, находящимся у них в колониальной зависимости.

Когда мы завоевали мир с Эстляндией, мы доказали, что мы умеем идти вперед, как государство пролетарское и коммунистическое. Чем? Всем воюющим державам Антанты, бывшим против мира, доказано, что симпатии, которые мы умеем внушать нашим противникам и буржуазным правительствам, что симпатии маленькой страны сильнее, чем весь тот военный гнет и вся та финансовая помощь и все те экономические пути, которые связывают эту маленькую страну со всемирно-могущественными державами. Антанта увидела, что мы можем побеждать не только тогда, когда применяем насилие,— мы в состоянии опровергнуть ту ложь и ту клевету, которую распространя-

ют против нас буржуазные правительства всего мира, говоря, что большевики держатся только насилем. Чем мы взяли верх над соединенными силами мирового империализма в отношении к Эстляндии, которая всегда видела насиле со стороны царской помещицъей России? Тем, что мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насиле для перехода к мирной политике, завоевав симпатию буржуазного правительства маленького государства, вопреки всей поддержке международного капитала. Это факт, имеющий историческое значение. Эстляндия — маленькая страна, маленькая республика, но она настолько задавлена тысячами способов и экономических и военных всемирным империалистическим капиталом, что все ее население находится под этим давлением. И вот этот мир доказывает, что мы умеем, несмотря на всю усталость, слабость и разрозненность, одерживать победы над белогвардейской армией, которой они оказывали поддержку. Могушественная Антанта умеет на насиле ответить более победоносным насилем, а этот мир доказывает, что не насилем мы умеем приобретать на свою сторону сочувствие и поддержку буржуазии...

Самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире. Все державы находятся в таком состоянии, когда они готовят новую империалистическую войну. Каждый день рабочие всего мира все это видят. Не сегодня-завтра Америка и Япония бросятся друг на друга; Англия захватила столько колоний после победы над Германией, что никогда другие империалистические державы с этим не помирятся. Готовится новая бешеная война, и массы это сознают. А вот здесь выступает демократический мир Эстонии с Россией с ее громадными силами, которую обвиняют в том, что покочив с Юденичем, Колчаком и Деникиным, она бросит все силы на маленькое государство. Причем мир заключен на таких условиях, когда мы сделали ряд территориальных уступок, таких уступок, которые не вполне соответствовали строгому соблюдению принципа самоопределения наций, когда мы делом доказали, что вопрос о границах для нас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений, вопрос умения выждать развитие условий жизни внутри каждого народа, не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать. Если мы это сумели по отношению к Эстляндии, тут не было ничего случайного, тут было проявление того, что отдельно существующая и, казалось бы, бессильная, слабая пролетарская республика начала отвоевывать на свою сторону те страны, которые находятся в зависимости от империалистических стран, а таких стран — громадное большинство. Вот по-

чему наш мир с Эстонией имеет всемирно-историческое значение...

Я говорю, что эта победа имеет гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира. Эта победа вовсе не показывает, что сейчас же будет заключен всеобщий мир, но зато эта победа показывает, что мы представляем мирные интересы по отношению к большинству населения земли против военно-империалистических хищников. И такая оценка привела к тому, что буржуазная Эстляндия, являющаяся противником коммунизма, заключила мир с нами. Если мы, будучи пролетарской организацией, Советской республикой, заключаем мир, действуем в мирном духе по отношению к буржуазным правительствам, которые находятся в угнетенном положении в отношении великих магнатов империализма, то отсюда нужно заключить, как должна сложиться наша международная политика.

Мы ставим себе сейчас главной задачей: победить эксплуататоров и привлечь на свою сторону колеблющихся,— это всемирная задача. Колеблющимися оказываются и целый ряд буржуазных государств, которые, как буржуазные государства, несправедливы к нам, а с другой стороны, как угнетаемые — предпочитают мир с нами. Из этого вытекает объяснение того мира, который заключен с Эстонией. Конечно, этот мир является только первым шагом и скажется только в будущем, но что он скажется — это факт. С Латвией у нас до сих пор были только краснокрестские переговоры, так же как и с польским правительством³⁷. Повторяю, мир с Эстонией должен будет непременно сказаться, потому что основания те же — Латвию и Польшу так же стараются втравить в войну с Россией, как и Эстонию. И это может быть удачей, и мы должны быть бдительны ввиду того, что война с Польшей возможна, но мы уверены,— основные завоевания это доказали,— что мы можем заключать мир и делать уступки, которые дают возможность развития всякой демократии. И теперь это приобретает особенное значение, потому что с Польшей вопрос стоит очень остро. Мы имеем целый ряд сообщений, что помимо буржуазной, консервативной, помещичьей Польши, помимо воздействия всех польских капиталистических партий, все государства Антанты из кожи лезут, чтобы втравить Польшу в войну с нами.

Вы знаете, что Совнарком выпустил воззвание к трудовому народу Польши³⁸. Это воззвание мы будем просить вас утвердить, чтобы восстать против той травли, которую ведут поме-

ичьи круги Польши. Мы предложим дополнительный текст польским трудящимся массам. Это воззвание будет ударом для империалистических держав, которые стараются натравить Польшу против нас, а для нас интересы трудящегося большинства стоят на первом месте.

Я сейчас позволю себе огласить телеграмму, которую мы перехватили вчера и которая представляет нам, как американский капитал работает, чтобы выставить нас в определенном свете и втравить в войну с Польшей. Эта телеграмма говорит (читает). Ничего подобного я не говорил и не слышал, но врать они могут, потому что недаром они отдают свой капитал с определенной целью распространять лживые слухи. Это им обеспечивает их буржуазное правительство. (Продолжает читать телеграмму.) Вот эта телеграмма идет из Европы в Америку, она обслуживается на средства капиталистов и совершает дело, посредством которого должны будут самым беззащитным образом втравить в войну с Польшей. Американский капитал всеми силами старается произвести это давление на Польшу и совершает это беззащитно, представляя дело в таком виде, что большевики хотят покончить с Колчаком и Деникиным, чтобы бросить все свои «железные войска» на Польшу.

Важно, чтобы мы сейчас же, здесь, утвердили постановление Совнаркома, а затем мы должны сделать то, что мы и делали раньше по отношению к другим государствам, а также то, что мы предпринимали в отношении войск Колчака и Деникина. Мы должны сделать то, чтобы сейчас же обратиться к демократии Польши и объяснить настоящее положение вещей. Мы прекрасно знаем это наше средство, которое действует самым положительным образом в смысле их разложения. А в конечном счете этот способ приводит на тот путь, который нам нужен, на который он привел трудящееся население всех стран. Эта политика, как бы это ни было трудно, должна установить определенное начало, и мы, начав, доведем ее до полного конца.

Должен отметить, что по отношению к остальным государствам мы вели такую же политику. Мы предлагали Грузии и Азербайджану заключить соглашение против Деникина. Они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана.

Эта политика по отношению к западным народам была еще более осторожна, чем когда дело касалось народов России. Она соприкасалась с такими государствами, как Латвия, Эстония, Польша, а с другой стороны, с целым рядом восточных государств, уровень развития которых — уровень развития громад-

ного большинства колониальных стран, составляющих большинство населения земли. Они задавлены Англией, которая до сих пор держит колониальных рабов в своих руках. Если наша политика по отношению к западноевропейским государствам отличается такой осторожностью, она требует промежутка времени, чтобы дать им возможность изжить свою керенщину, то на Востоке, где мы имеем гораздо более отсталые страны, находившиеся под гнетом религиозного фанатизма, пропитанные большим недоверием к русскому народу, десятилетия и столетия находившиеся под гнетом царской капиталистической политики и империализма, которую вела великодержавная Россия по отношению к ним, — здесь наша политика должна быть более осторожной и терпеливой.

Мы дали автономию Башкирской республике³⁹. Мы должны создать автономную Татарскую республику⁴⁰ и ту же политику продолжаем по отношению ко всем восточным народам и говорим себе: стоя против огромного фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем, как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма. Но, проводя эту политику, мы должны быть еще более осторожными. Если европейским странам приходится переживать период керенщины, то страны, находящиеся на более низкой ступени развития, еще более заключают в себе элементы недоверия. На них приходится действовать более длительным способом. Мы поддерживаем независимость и самостоятельность этих государств. Мы апеллируем к их трудящимся массам. Мы говорим: необходимо единство военных сил, отступление от этого единства недопустимо.

Мы уверены, что, систематически продолжая нашу политику тесного союза, мы достигнем по отношению к народам Востока большего успеха, чем до сих пор. А эти успехи велики. Среди всех восточных народов Советская республика пользуется громадной популярностью по той же причине, по которой нам удалось заключить мир с маленьким западным государством, именно потому, что в нас видят непреклонного борца против империализма, потому, что мы — единственная республика, которая ведет войну против империализма и которая умеет использовать всякое положение, действуя не насилем, а умеет также побеждать отказом от применения насилия.

Само собой понятно, что та же самая политика в гораздо более оформленном виде проводится и по отношению к Украинской республике. Здесь вопрос упрощен заключенным еще рань-

ше договором, состоявшимся между ВЦИК и ЦИК Украинской Советской Республики ⁴¹. На базе этого договора, который означает тесную федерацию двух республик в борьбе против империалистических стран, мы строим все более и более тесный союз. И масса украинских крестьян и рабочих горьким опытом депикинского владычества убеждается в том, что только теснейший союз с Российской республикой будет действительно непобедимым для международного империализма и что государственное отделение не может быть выгодным в обстановке борьбы против империализма, так как он использует всякое разделение для того, чтобы подавить Советскую власть; такое разделение является преступлением. Наша политика пускает глубокие корни на Украине, и мы уверены, что предстоящий Всеукраинский съезд Советов рабочих и крестьян подтвердит эту политику торжественным образом. Вот те небольшие замечания, которыми я должен ограничиться по вопросу о международном положении, а те практические предложения, которые я должен адресовать от имени Совнаркома и ВЦИК, я перечислил их, и все эти проекты буду просить утвердить в этой сессии.

*Полн. собр. соч., т. 40, с. 87—91,
92, 93—100*

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ БЕРЛИНСКОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА
«UNIVERSAL SERVICE»
КАРЛА ВИГАНДА ⁴²

1. «Собираемся ли мы нападать на Польшу и Румынию?»

Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях. К сожалению, французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас (вероятно, и Румынию). Об этом говорит даже ряд американских радио из Лиона.

2. «Наши планы в Азии?»

Те же что в Европе: мирное сожительство с народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимися к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов. Империалистская война 1914—1918, война капиталистов англо-французской (и русской) группы против ка-

питалистов германо-австрийской группы из-за дележа мира разбудила Азию и усилила там, как и везде, стремление к свободе, к мирному труду, к недопущению войн впредь.

3. «Основы мира с Америкой?»

Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем.

4. «Препятствия для такого мира?»

Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов.

5. «Наши взгляды на депортацию русских революционеров из Америки?»

Мы их прижали. Мы у себя революционеров не боимся. Мы вообще не боимся никого и, если Америка боится еще каких-либо сотен или тысяч своих граждан, мы готовы начать переговоры о принятии нами всех и всяких страшных для Америки граждан (кроме уголовных, конечно).

6. «Возможность экономического союза между Россией и Германией?»

Возможность невелика, к сожалению. Ибо Шейдеманы плохие союзники. Мы за союз со всеми странами, никого не исключая.

7. «Наш взгляд на требование союзников выдать виновников войны?»

Если об этом говорить серьезно, то виновники войны капиталисты всех стран. Выдайте нам всех помещиков (имеющих более 100 га земли) и капиталистов (имеющих капитал более 100 000 франков), — мы их воспитаем к полезному труду, мы их отучим от позорной, гнусной, кровавой роли эксплуататоров и виновников войн из-за дележа колоний. Войны будут тогда очень скоро абсолютно невозможны.

8. «Влияние мира с нами на экономическое положение Европы?»

Обмен машин на хлеб, лен, на другое сырье — может ли он быть неблагоприятным для Европы? Явно не может не быть благоприятным.

9. «Наш взгляд на будущее развитие Советов как мировой силы?»

Будущее принадлежит советскому строю во всем мире. Это доказали факты: стоит подсчитать, скажем по четвертям года, рост числа брошюр, книг, листовок, газет в любой стране, стоящих за Советы и сочувствующих Советам. Иначе быть не может: раз рабочие в городах, рабочие, батраки и поденщики, в деревнях, затем мелкие крестьяне, т. е. не прибегающие к эксплуатации наемных рабочих, раз это огромное большинство трудящихся поняло, что Советы дают им в руки всю власть, освобождая их от ига помещиков и капиталистов, то как можно помешать победе советского строя во всем мире? Я такого средства, по крайней мере, не знаю.

10. «Должна ли Россия еще бояться контрреволюционного вмешательства извне?»

Должна, к сожалению. Ибо капиталисты люди глупые и жадные. Они делали ряд таких глупых и жадных попыток вмешательства, что надо бояться повторений, пока рабочие и крестьяне каждой страны не *перевоспитают* своих капиталистов.

11. «Готова ли Россия вступить в деловые сношения с Америкой?»

Конечно, готова, как и со всеми странами. Мир с Эстонией, которой мы сделали громадные уступки, доказал нашу готовность идти ради этого, при известных условиях, даже на концесси.

В. Ульянов (Н. Ленин)

18/II. 1920.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 145—147

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «DAILY EXPRESS»⁴³

1) «Наше отношение к снятию блокады?»

Мы относимся к этому как к большому шагу вперед. Открывается возможность для нас от войны, которую нам навязали капиталистические правительства Антанты, переходить к мирному строительству. А это для нас самое главное. Напрягая все силы для восстановления хозяйственной жизни страны, разоренной сначала войной между капиталистами из-за Дарда-

нелл, из-за колоний, затем войной капиталистов Антанты и России против рабочих России, мы, между прочим, разрабатываем теперь при помощи ряда ученых и техников план электрификации всей России. План этот рассчитан на много лет. Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов.

Снятие блокады должно помочь осуществлению плана электрификации.

2) «Влияние решения союзников отказаться от наступления на наступательные действия Советской власти?»

На нас наступала Антанта и ее союзники и слуги: Колчак, Деникин, капиталисты окружающих нас государств. Мы ни на кого не наступали. Мы заключили мир с Эстонией, пойдя даже на материальные жертвы.

Мы ждем с нетерпением, чтобы «решение» союзников подтвердилось *делами* их. К сожалению, история Версальского мира и последствий его показывают, что у союзников большей частью слова расходятся с делами, решения остаются на бумаге.

3) «Считаем ли мы нынешнее *status quo* удовлетворительным для советской политики?»

Да, ибо всякое *status quo* в политике есть переход от старого к новому. Теперешнее *status quo* есть, во многих отношениях, переход от войны к миру. Такой переход для нас желателен. Поэтому и постольку мы считаем *status quo* удовлетворительным.

4) «Наши цели в связи с прекращением военных действий со стороны союзников?»

Наши цели, как уже сказано, мирное экономическое строительство. Подробный план его, на основе электрификации, выработывается теперь комиссией ученых и техников (вернее: несколькими комиссиями) согласно резолюции февральской (1920) сессии ВсеЦИКа.

Написано 18 февраля 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 148—149

ИЗ БЕСЕДЫ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ
АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE WORLD»
ЛИНКОЛЬНОМ ЭЙРОМ ⁴⁴

СОЮЗНИКИ ВЕДУТ «ШАХМАТНУЮ ИГРУ»

Относительно сообщения о решении союзников снять блокаду Ленин сказал:

Трудно поверить в искренность такого неопределенного предложения, которое, видимо, сочетается с приготовлениями к нападению на нас через территорию Польши. На первый взгляд план Верховного совета выглядит довольно правдоподобно — возобновление торговых отношений через посредство русских кооперативов. Но кооперативы уже больше не существуют — они были объединены с нашими советскими распределительными органами. Поэтому, что могут означать разговоры союзников о том, что они хотят иметь дело с кооперативами? Конечно, это неясно.

Потому я и говорю, что более внимательное изучение убеждает нас в том, что это парижское решение представляет собой просто ход в шахматной игре союзников, мотивы которой до сих пор неясны.

Ленин помолчал немного, а затем с широкой улыбкой добавил:

Более неясны, например, чем намерение маршала Фоша посетить Варшаву.

Я спросил, считает ли он серьезной возможность польского наступления? (Следует напомнить, что в России шли разговоры о нападении поляков на большевиков, а не наоборот.)

Вне всякого сомнения, — ответил Ленин. — Клемансо и Фош весьма и весьма серьезные господа, а между тем один из них выработал этот агрессивный план, а другой собирается его осуществлять. Это, конечно, серьезная угроза, но нам приходилось иметь дело с более серьезными угрозами. Это, однако, вызывает у нас не столько страх, сколько разочарование по поводу того, что союзники все еще продолжают добиваться невозможного. Ибо польское наступление столь же неспособно разрешить русскую проблему в желательном для них духе, как в свое время наступление Колчака и Деникина. Вспомните, что у Польши много своих собственных хлопот. А между тем ясно, что она не может получить помощь ни от кого из своих соседей, в том числе и от Румынии.

Однако кажется, что мир сейчас ближе, чем раньше, — высказал я предположение.

Да, это правильно. Если мир является естественным следствием торговли с нами, то союзники не смогут дольше уклоняться от него. Я слышал, что Мильерап, преемник Клемансо, выражает желание рассмотреть вопрос о торговых связях с русским народом. Возможно, что это свидетельствует о резком изменении настроений среди французских капиталистов. Однако в Англии все еще сильны позиции Черчилля, а Ллойд Джордж, который, вероятно, хочет иметь деловые отношения с нами, не отваживается открыто порвать с политическими и финансовыми кругами, поддерживающими политику Черчилля.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРЕСЛЕДУЮТ СОЦИАЛИСТОВ

А как Америка?

Трудно разобраться, что там происходит. Ваши банкиры, кажется, боятся нас больше чем когда-либо. Во всяком случае, ваше правительство применяет чрезвычайно жестокие репрессии не только против социалистов, но и против всего рабочего класса в целом, по сравнению с любым другим правительством, даже по сравнению с реакционным французским правительством. Оно явно преследует иностранцев. А между тем, что бы стала делать Америка без своих рабочих-иммигрантов? Они абсолютно необходимы для вашего экономического развития.

Однако некоторые американские предприниматели как будто начинают понимать, что более разумно вести выгодные дела в России, чем вести войну с Россией, а это хороший признак. Нам будут нужны американские промышленные изделия — локомотивы, автомобили и т. д. — более чем товары какой-либо другой страны.

А каковы ваши мирные условия?

Не стоит тратить время на разговоры об этом. Всему миру известно, что мы готовы заключить мир на условиях, справедливость которых не могут оспаривать даже наиболее империалистически настроенные капиталисты. Мы неоднократно заявляли о нашем стремлении к миру, о том, что нам необходим мир, а также о нашей готовности предоставить иностранному капиталу самые щедрые концессии и гарантии. Но мы не намерены позволить, чтобы нас задушили насмерть во имя мира.

Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами. Мы не против того, чтобы пользоваться капиталистическими локомотива-

ми и сельскохозяйственными машинами, так почему же они должны возражать против того, чтобы пользоваться нашей социалистической пшеницей, льном и платиной? Ведь социалистическое зерно имеет такой же вкус, как и любое другое зерно, не так ли? Разумеется, им придется иметь деловые отношения с ужасными большевиками, т. е. с Советским правительством. Однако иметь деловые связи с Советами для американских предпринимателей, производящих, например, сталь, будет не более трудным делом, чем когда им приходилось иметь дело во время войны с правительствами Антанты по вопросу о военном снаряжении.

ЕВРОПА ЗАВИСИТ ОТ РОССИИ

Вот почему этот разговор о возобновлении торговли с Россией через посредство кооперативов кажется нам неискренним или, по крайней мере, неясным,— это скорее ход в шахматной игре, чем откровенное, прямое предложение, которое было бы немедленно подхвачено и осуществлено. Кроме того, если Верховный совет действительно намерен снять блокаду, почему же он не сообщает нам о своих намерениях? Мы не получали никаких официальных сообщений из Парижа. То немногое, что нам известно, основано на газетных сообщениях, перехваченных нашим радио.

Государственные деятели Европы и Соединенных Штатов, по-видимому, не понимают, что нынешняя экономическая разруха в России является лишь частью мировой экономической разрухи. До тех пор, пока экономическая проблема будет рассматриваться не с международной точки зрения, а с точки зрения отдельных наций или группы наций, разрешить ее будет невозможно. Без России Европа не сможет встать на ноги. А когда Европа обессилена, положение Америки становится критическим. Что за польза Америке от ее богатства, если она не может приобрести на него то, что ей необходимо? Ведь Америка не может есть или носить золото, которое она накопила, не так ли? Она не сможет выгодно торговать с Европой, т. е. торговать на той основе, которая представляет для нее реальную ценность, до тех пор, пока Европа не сможет давать ей товары, которые Америка хочет получить в обмен на то, что ей необходимо сбыть. Европа же не сможет дать ей эти товары, пока она не встанет на ноги в экономическом отношении.

Мы в России имеем пшеницу, лен, платину, поташ и много полезных ископаемых, в которых испытывает острую потребность весь мир. В конце концов мир должен будет прийти к нам за этим, невзирая на то, большевизм у нас или не большевизм. Имеются признаки того, что постепенно приходят к пониманию этой истины. Однако тем временем не только Россия, но и вся Европа трещит по всем швам, а Верховный совет все еще позволяет себе вести политику уверток. Россия, так же как и Европа, может быть спасена от полного разорения, но для этого необходимо действовать немедленно и быстро. А Верховный совет действует очень медленно, страшно медленно. На деле он, кажется, уже распущен, ничего не решив, и передал свои функции совету послов, а его место должна занять только несуществующая Лига наций, которая является мертворожденной. А разве Лига наций может пачать функционировать без Соединенных Штатов, которые должны составлять ее главную опору?

Я спросил, в какой мере Советское правительство удовлетворено военным положением.

Весьма удовлетворено. Единственные признаки дальнейшей военной агрессии против нас имеют место только со стороны Польши, о чем я уже говорил. Если Польша пойдет на такую авантюру, то это приведет к новым страданиям для обеих сторон и к ненужной гибели новых человеческих жизней. Но даже Фош не сможет обеспечить полякам победу. Они не смогли бы победить нашу Красную Армию, даже если бы сам Черчилль воевал вместе с ними.

Здесь Ленин сумрачно усмехнулся, откинув назад голову. Затем он продолжал более серьезным тоном:

Мы, конечно, можем быть сокрушены любой из великих союзных держав, если они смогут послать против нас свои собственные армии. Но они не осмелятся это сделать. Необычайный парадокс заключается в том, что, как ни слаба Россия по сравнению с неограниченными ресурсами союзников, она не только смогла разгромить любые вооруженные силы, включая британские, американские и французские войска, которые союзникам удалось послать против нее, но и одержать также дипломатические и моральные победы в странах санитарного кордона. Финляндия отказалась воевать против нас. Мы заключили мир с Эстонией, а вскоре будет подписан мир с Сербией* и Литвой⁴⁵.

* В газете допущена ошибка. Сербия в состоянии войны с Советской Россией не находилась. По-видимому, речь шла о Латвии. *Ред.*

Несмотря на крупные приманки и злобещие угрозы со стороны Антанты против этих маленьких государств, они предпочли установить мирные отношения с нами.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИМЕЕТ ХОРОШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Это, несомненно, свидетельствует об огромной моральной силе, которой мы обладаем. Балтийские государства, наши ближайшие соседи, понимают, что только мы одни не имеем никаких намерений, угрожающих их независимости и благополучию.

А внутреннее положение России?

Оно является критическим, но имеет хорошие перспективы. К весне недостаток продовольствия будет преодолен, по крайней мере настолько, чтобы избавить городское население от голода. Тогда будет достаточно также и топлива. Благодаря изумительным подвигам Красной Армии, уже началось восстановление народного хозяйства. В настоящее время часть этой армии превращена в трудовые армии; это необыкновенное явление стало возможным только в стране, которая борется за высокий идеал. Разумеется, это было бы невозможно в капиталистических странах. В прошлом мы пожертвовали всем, чтобы одержать победу над нашими вооруженными противниками, а теперь мы направим все наши усилия на восстановление экономики. Для этого потребуются годы, но в конце концов мы победим.

Когда, по вашему мнению, будет завершено строительство коммунизма в России? Я думал, что вопрос будет трудным, но Ленин ответил немедленно.

Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему путем создания электростанций на Урале и в других местах. Наши инженеры говорят нам, что на это потребуется десять лет. Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества.

Напечатано 21 февраля 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 150—156

ИЗ ДОКЛАДА НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
ТРУДОВЫХ КАЗАКОВ
1 МАРТА 1920 г.

Международное положение Советской республики никогда не было таким благоприятным и победоносным, как теперь. Если вдуматься в условия того, как сложилось за два года неслыханных трудностей и неимоверного количества жертв наше международное положение, если вдуматься в причины этого явления, то перед каждым рассуждающим человеком откроются основные силы и пружины и основное соотношение сил во всей начавшейся всемирной революции.

Когда мы, больше чем два года назад, еще в начале русской революции, говорили об этой надвигающейся международной всемирной революции, — это было предвидение и до известной степени предсказание, и громадное большинство не живущих в крупных городах, не прошедших партийной школы трудящихся масс к этим речам о международной надвигающейся революции относилось либо недоверчиво, либо равнодушно и во всяком случае с недостаточным пониманием. Да и нельзя было и противостественно было бы ждать, чтобы громадные массы трудящегося населения, особенно крестьянского, земледельческого, разбросанные на необъятно далеких расстояниях, могли бы заранее составить сколько-нибудь правильное представление о том, почему международная революция надвигается, и о том, что она действительно международная. То, что мы за эти два неслыханно тяжелых года пережили, тот опыт, который проделывается трудящимися массами далеких окраин, этот опыт заслуживает того, чтобы над ним подумать, а не только отмахнуться, сказав, что время было тяжелое, а теперь наступило более легкое. Нет, надо вдуматься, почему же вышло так, как вышло, и что это значит, и какие мы из этого должны извлечь уроки, и взгляды каких партий подтвердили то, что нам наша собственная и всемирная история показала за эти два года. Об этом вопросе мне, прежде всего, и хотелось бы поговорить.

С точки зрения международного положения этот вопрос особенно ясен, потому что, когда взять дело в громадном масштабе, не с точки зрения одной партии или одной страны, а с точки зрения всех стран вместе, когда взять дело в громадном масштабе, то частности и мелочи отпадают, и основные движущие силы, которые определяют всемирную историю, становятся очевидными.

Когда мы начинали Октябрьскую революцию, свергая власть помещиков и капиталистов, объявляя призыв кончить войну, и с

этим призывом обратились к нашим врагам, когда мы после этого поднали под ного германских империалистов, когда затем в октябре — ноябре 1918 года Германия была раздавлена, и Англия, Франция, Америка и другие страны Антанты стали господами над всей землей, — каково было наше положение? Громаднейшее большинство говорило так: разве не ясно теперь, что дело большевиков безнадежно? А многие прибавляли: мало того что безнадежно, но большевики оказались обманщиками, они обещали мир, а вместо этого, после пемецкого ига, когда Германия была побеждена, они оказались врагами всей Антанты, т. е. Англии, Франции, Америки и Японии — могущественнейших государств всего мира, и Россия, разоренная, ослабленная, измученная после империалистической войны еще и гражданской войной, должна выдержать борьбу против самых передовых стран мира. Легко было поверить этому, и неувидительное дело, что на почве недоверия равнодушие и очень часто самая реальная враждебность против Советской власти распространялись все шире и шире. Это неувидительно. Удивительнее то, что мы из борьбы против Юденича, Колчака и Деникина, которых поддерживали все богатейшие державы мира всем, чем могли, такие державы, против которых ни одной военной силы, даже приблизительно равной им, на земле нет, — что мы из этой борьбы вышли победоносно. А что это так, это видят все люди, даже слепые, видят и те, которые хуже слепых, которые не хотят ни за что видеть, и все же они видят, что мы вышли победоносно из этой борьбы.

Как же произошло такое чудо? На этом вопросе я больше всего хотел пригласить вас сосредоточить свое внимание, потому что в этом вопросе вскрываются основные движущие силы всей международной революции с самой большой ясностью. Разбирая деловым образом этот вопрос, мы можем дать на него ответ, потому что перед нами уже пережитое: мы можем сказать о том, что было, задним числом.

Мы одержали победу потому, что мы были и могли быть единими, потому, что мы могли присоединять союзников из лагеря наших врагов. А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их лагеря.

Я перейду к факту, который эти положения доказывает.

Вы знаете, что после победы над Германией у Англии, Франции и Америки не было противников на земле. Они ограбили колонии Германии, не было ни одного куска земли, ни единого государства, где бы не господствовали военные силы Антанты. Казалось бы, при таком положении, когда они были врагами

Советской России, они ясно понимали, что большевизм преследует цели международной революции. А мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции, и мы вполне ясно понимали, что капиталисты были бешеными врагами Советской власти. Надо отметить, что они вышли из европейской борьбы с миллионной армией, с могущественным флотом, против которых мы не могли поставить и подобия флота и сколько-нибудь сильной армии. И достаточно было бы, чтобы несколько сот тысяч солдат из этой миллионной армии были употреблены на войну с нами как же, как они были употреблены на войну с Германией, чтобы Антанта задавила нас военным путем. В этом нет ни малейшего сомнения для тех, кто теоретически рассуждал об этом вопросе, и особенно для тех, кто проделывал эту войну, кто знает это из собственного опыта и наблюдения.

И Англия и Франция попробовали таким путем взять Россию. Они заключили договор с Японией, которая в империалистической войне почти не принимала участия и которая дала сотню тысяч солдат, чтобы задушить Советскую республику с Дальнего Востока, Англия высадила тогда солдат на Мурмане и в Архангельске, не говоря о движении на Кавказе, а Франция высадила своих солдат и матросов на юге. Это была первая историческая полоса той борьбы, которую мы выдержали.

Антанта тогда имела миллионную армию, имела солдат, которые были, конечно, не чета тем белогвардейским войскам, подбиравшимся в то время в России, которые не имели ни организаторов, ни вооружения. И она повела на нас этих солдат. Но вышло то, что предсказывали большевики. Они говорили, что дело идет не только о русской, но и о международной революции, что у нас есть союзники — рабочие любой цивилизованной страны. Эти предсказания в прямой форме не осуществились тогда, когда мы предложили мир всем странам⁴⁶. Наш призыв не был встречен всеобщим откликом. Но стачка в январе 1918 г. в Германии⁴⁷ показала нам, что мы там имеем не только Либкнехта, который умел с высоты трибуны еще во время царизма называть правительство и буржуазию Германии разбойниками, но что мы имели за себя довольно значительные силы рабочих. Стачка эта кончилась кровопролитием и подавлением рабочих, а в странах Антанта рабочих буржуазия, конечно, обманывала; она про наше обращение или нагала или совсем его не опубликовала, и потому наше обращение в ноябре 1917 г. ко всем народам не получило прямого исполнения, и те, кто думал, что революция будет вызвана одним этим обращением, конечно,

должны были глубоко разочароваться. Но мы не рассчитывали на одно воззвание, мы рассчитывали на более глубокие движущие силы, мы говорили, что революция в разных странах пойдет иным путем, и, конечно, дело не в том только, чтобы сдвинуть ставленника Распутина или оголтелого помещика, но что дело идет о борьбе с более развитой, просвещенной буржуазией.

И вот, когда Англия высадила войска на севере, Франция на юге, то тут наступила решительная проба и окончательная развязка. Тут выяснился вопрос, кто был прав? Правы ли большевики, которые говорили, что, чтобы выйти из этой борьбы, надо рассчитывать на рабочих, или правы меньшевики, когда они говорили, что попытка сделать революцию в одной стране будет безумием и авантюрой, потому что ее раздавят другие страны. Эти речи вы слышали не только от партийных людей, но и от всех, только что начинающих рассуждать о политике. И вот наступила решительная проба. Мы долгое время не знали, каков будет результат. Долгое время мы этого результата учесть не могли, но теперь, задним числом, мы этот результат знаем; уже и в английских газетах, несмотря на бешеную ложь, которая сыпалась на большевиков во всех буржуазных газетах, уже и там стали появляться письма английских солдат из-под Архангельска, в которых говорится, что они встречали на русской земле листки на английском языке, в которых объяснялось, что их обманули, что их ведут воевать против рабочих и крестьян, которые основали свое государство. Эти солдаты писали, что они воевать не согласны. Мы знаем относительно Франции, что там было восстание матросов, за которое теперь еще десятки, сотни, а может быть, и тысячи французов сидят на каторге. Эти матросы заявили, что они не пойдут против Советской республики. Теперь мы видим, почему в настоящее время ни войска Франции, ни войска Англии не идут на нас, почему английские солдаты уведены из-под Архангельска и английское правительство не смеет вести их на нашу почву.

Один из наших политических писателей, т. Радек, писал, что русская почва окажется такой почвой, на которой каждый солдат другой страны, вступивши на нее, воевать не сможет. Это казалось слишком громким обещанием, это казалось посулом. Но оказалось, что так и вышло. Почва, где совершилась советская революция, оказалась очень опасной для всех стран. Оказалось, что правы были русские большевики, которые успели во время царизма создать единение среди рабочих, а рабочие успели создать маленькие ячейки, которые всех верящих им людей, и французских рабочих, и английских солдат, встречали агитацией на их родном языке. Правда, у нас были только ничтож-

ные листки, в то время, как в печати английской и французской агитацию вели тысячи газет, и каждая фраза опубликовывалась в десятках тысяч столбцов, у нас выпускалось всего 2—3 листка формата четвертушки в месяц, в лучшем случае приходилось по одному листку на десять тысяч французских солдат⁴⁸. Я не уверен, что и столько попадало. Почему же все-таки и французские и английские солдаты доверяли этим листкам? Потому, что мы говорили правду, и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты. Им говорили, что они должны защищать свое отечество, а когда они приходили в Россию, то оказывалось, что они должны защищать власть помещиков и капиталистов, должны душить революцию. Если в течение двух лет мы успели завоевать этих людей, то это потому, что, несмотря на то, что они уже забыли, как они казнили своих королей, — с тех пор, как они вступили на русскую почву, русская революция и победы русских рабочих и крестьян напомнили солдатам Франции и Англии об их революциях, и благодаря событиям в России в них всплыли воспоминания о том, что было когда-то и у них.

Здесь и подтвердилось, что большевики были правы, что наши надежды оказались более солидными, чем надежды капиталистов, несмотря на то, что у нас не было ни средств, ни оружия, а у Антанты были и оружие, и непобедимая армия. Вот эти непобедимые армии мы отвоевали себе. Мы добились того, что ни английских, ни французских солдат к нам повести не смеют, потому что по опыту знают, что подобная попытка оборачивается против них. Вот это — одно из тех чудес, которые совершились в Советской России.

Теперь, после четырех лет войны, когда 10 млн. человек убито и 20 млн. искалечено, теперь, когда империалисты спрашивают себя: из-за чего была война? — подобные вопросы приводят к очень интересным разоблачениям. Недавно во Франции были опубликованы переговоры, которые велись в 1916 году. Еще в 1916 году австрийский монарх начал с Францией переговоры о мире, и Франция это скрыла. Альбер Тома, который называл себя социалистом и сидел в то время в министерстве, приезжал в то время в Россию для того, чтобы обещать Николаю II Константинополь, Дарданеллы и Галицию. Вот теперь все эти разоблачения выплыли на свет божий. Они напечатаны во французской газете. И сейчас французские рабочие спрашивают Альбера Тома: «Ты говорил, что ты пошел в министерство, чтобы защищать французское отечество и интересы французских рабочих, а в 1916 году, когда австрийский монарх предлагал мир, ты, Альбер Тома, скрыл это, и из-за этого погибли миллионы людей для того, чтобы французские капиталисты нажились».

Эти разоблачения еще не кончились. Мы их пачали тем, что напечатали тайные договоры, и весь мир увидел, из-за чего погибли миллионы жизней, миллионы жертв. Из-за того, чтобы Николай II получил Дарданеллы и Галицию. Это знали все империалисты. Знали также меньшевики и эсеры, а если не знали, то они были круглыми идиотами, если до тех пор не изучили настолько политики и дипломатии, что не знали того, что теперь напечатано во французских газетах. Эти разоблачения идут теперь глубже, и им не будет конца. Благодаря этому рабочие и крестьяне каждой страны все больше и больше чувствуют правду и уже разбираются, из-за чего была империалистическая война. И потому все больше и больше начинают нам верить, что мы говорили правду, а что империалисты, ведя их на защиту отечества, говорили им ложь.

Вот почему свершилось наше чудо, что мы, бессильные и слабые в военном отношении, отвоевали солдат Англии и Франции. Теперь это уже не предвидение, а факт. Правда, эту победу мы заслужили неслыханными тяготами, мы принесли невероятные жертвы. Последние два года мы испытываем неслыханное мучение голода. Эти мучения обрушились на нас, особенно, когда хлебные восток и юг были отрезаны от нас. И тем не менее мы одержали победу, которая является завоеванием не только нашей страны, но всех стран, всего человечества. Такого положения в истории еще никогда не было, чтобы военные могущественнейшие государства не смогли идти против бессильной в военном отношении Советской республики. Почему же это чудо свершилось? Потому, что мы, большевики, ведя русский народ на революцию, прекрасно знали, что эта революция будет мучительной, знали, что мы попесем миллионы жертв, но мы знали, что трудящиеся массы всех стран будут за нас и что наша правда, разоблачив всю ложь, будет все больше и больше побеждать.

После того, как державы провалились с походом против России, они испробовали другое оружие: там буржуазия имеет сотни лет опыта и она смогла переменить собственное ненадежное оружие. Прежде давили, душили Россию ее солдаты. Теперь она пробует душить Россию при помощи окранных государств.

Царизм, помещики, капиталисты душили целый ряд окранных народов — Латвию, Финляндию и т. д. Они вызвали здесь ненависть вековым угнетением. Слово «великоросс» стало самым ненавистным словом для всех этих народов, залитых кровью. И вот, провалившись на борьбе против большевиков собственными солдатами, Антанта ставит ставку на маленькие государства: попробуем ими задушить Советскую Россию!

Черчилль, который ведет такую же политику, как Николай Романов, хочет воевать и воюет, не обращая никакого внимания на парламент. Он хвастал, что поведет на Россию 14 государств — это было в 1919 г. — и что в сентябре будет взят Петроград, а в декабре — Москва. Немножко чересчур расхвастался. Он ставил ставку на то, что в этих маленьких государствах везде — ненависть к России, но забыл, что в этих малюпких государствах ясно представляют себе, что такое Юденич, Колчак, Деникин. Было время, когда они стояли в нескольких неделях от полной победы. Во время похода Юденича, когда он был недалеко от Петрограда, в газете «Таймс», самой богатой английской газете, была помещена статья, — я сам читал эту передовицу, — которая умоляла, приказывала Финляндии, требовала: помогите Юденичу, на вас смотрит весь мир, вы спасете свободу, цивилизацию, культуру во всем мире — идите против большевиков. Это говорила Англия Финляндии, Англия, у которой вся Финляндия в кармане, которая в долгу, как в шелку, которая не смеет пикнуть, потому что она не имеет без Англии на неделю хлеба.

Вот какие постоянны были, чтобы все эти маленькне государства боролись против большевиков. И это провалилось два раза, провалилось потому, что мирная политика большевиков оказалась серьезной, оказалась оцениваемой ее врагами, как более добросовестная, чем мирная политика всех остальных стран, потому, что целый ряд стран говорили себе: как мы по ненавидим Великобританию, которая нас душила, но мы знаем, что душили нас Юденич, Колчак, Деникин, а не большевики. Бывший глава белогвардейского финского правительства не забыл, как в ноябре 1917 г. он лично у меня из рук брал документ, в котором мы, ничуть не колеблясь, писали, что безусловно признаем независимость Финляндии⁴⁹.

Тогда это казалось простым жестом. Думали, что восстание рабочих Финляндии заставит забыть это. Нет, такие вещи не забываются, когда их подтверждает вся политика определенной партии. И финляндское буржуазное правительство, и оно даже говорило: «Давайте рассуждать: мы кой-чему научились все-таки за 150 лет гнета русских царей. Если мы выступим против большевиков, значит, мы поможем посадить Юденича, Колчака и Деникина. А что они такое? Разве мы не знаем? Разве это не те же царские генералы, которые задушили Финляндию, Латвию, Польшу и целый ряд других народностей? И мы этим нашим врагам будем помогать против большевиков? Нет, мы по-дождем».

Они не смели прямо отказать: они — в зависимости от Антанты. Они не пошли на прямую помощь нам, они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях, и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита и во второй кампании. Мы оказались победителями.

Если бы все эти маленькне государства пошли против нас, — а им были даны сотни миллионов долларов, были даны лучшие пушки, вооружение, у них были английские инструктора, проделавшие опыт войны, — если бы они пошли против нас, нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение. Это прекрасно каждый понимает. Но они не пошли, потому что признали, что большевики более добросовестны. Когда большевики говорят, что признают независимость любого народа, что царская Россия была построена на угнетении других народов и что большевики за эту политику никогда не стояли, не стоят и не будут стоять, что войну из-за того, чтобы угнетать, большевики никогда не предпримут, — когда они говорят это, им верят. Об этом мы знаем не от большевиков латышских или польских, а от буржуазии польской, латышской, украинской и т. д.

В этом сказалось международное значение большевистской политики. Это была проверка не на русской почве, а на международной. Это была проверка огнем и мечом, а не словами. Это была проверка в последней решительной борьбе. Империалисты понимали, что у них солдат своих нет, что задушить большевизм можно, только собрав международные силы, и вот все международные силы были побиты.

Что такое империализм? Это — когда кучка богатейших держав душит весь мир, когда они знают, что у них есть полторы тысячи миллионов человек всего мира, и душат их, и эти полторы тысячи миллионов чувствуют, что такое английская культура, французская культура и американская цивилизация. Это значит: грабить, кто во что горазд. Ныне три четверти Финляндии уже закуплены американскими миллиардерами. Офицеры, которые приезжали из Англии и Франции в наши окраинные государства инструкторовать их войска, вели себя, как русские дворянчики-наглецы в побежденной стране. Они все направо и налево спекулировали. И чем больше голодают финляндские, польские и латышские рабочие, тем больше нажимает на них кучка английских, американских и французских миллиардеров и их приказчиков. И это происходит во всем свете.

Только Российская Социалистическая Республика подвняла знамя войны за действительное освобождение, и во всем свете

сочувствие поворачивается в ее пользу. Мы завоевали себе через маленькие страны сочувствие всех народов земли, а это сотни и сотни миллионов. Они сейчас угнетены и забыты, это самая неразвитая часть населения, но их просветила война. В империалистическую войну втягивались колоссальные массы народов. Англия тащила полки из Индии, чтобы сражаться против немцев. Франция призвала под ружье миллионы негров, чтобы сражаться против немцев. Из них составлялись ударные группы, их бросали в самые опасные места, где пулеметы косили их, как траву. И они кое-чему научились. Как при царе русские солдаты сказали: если уж погибать, так пойдем против помещиков, — так сказали и они: если погибать, так не для того, чтобы помогать французским разбойникам грабить немецкого разбойника-капиталиста, а для того, чтобы освободиться от капиталистов немецких и французских. Во всех странах мира, в той же самой Индии, где задавлено триста миллионов человек английских батраков, пробуждается сознание и с каждым днем растет революционное движение. Все они смотрят на одну звезду, на звезду Советской республики, потому что знают, что она пошла на величайшие жертвы ради борьбы с империалистами и устояла против отчаянных испытаний.

Вот что значит вторая побитая карта Атланти. Это значит — победа в международном масштабе. Это значит, что нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли. Это значит, что число наших союзников во всех странах растет, правда, гораздо медленнее, чем мы хотели бы, но все же растет.

Та победа, которую мы одержали против наступления, подготовленного Черчиллем против нас, показывает, что наша политика верна. И после этого мы одержали третью победу — победу над буржуазной интеллигенцией, над эсерами и меньшевиками, которые во всех странах были бешено настроены против нас. Но и они все повернули против войны с Советской Россией. Во всех странах буржуазная интеллигенция, эсеры и меньшевики — эта порода, к несчастью, имеется во всех странах (а плоды) — осудили вмешательство в дела России. Они во всех странах заявили, что это позор.

Когда Англия предложила немцам блокировать Советскую Россию, а Германия ответила отказом, это взорвало терпение английских и других эсеров и меньшевиков. Они сказали: «Мы — противники большевиков и считаем их насильниками и грабителями, но поддерживать предложение немцам, чтобы они вместе с нами душили голодной блокадой Россию, мы не можем». Таким образом, внутри империалистического лагеря, в собст-

успешных их странах, в Париже, Лондоне и т. д., где травят большевиков и обращаются с ними так же, как при царе обращались с революционерами,— во всех городах буржуазная интеллигенция выступила с воззванием: «Руки прочь от Советской России». В Англии это — лозунг, под которым буржуазная интеллигенция собирает митинги и пишет воззвания.

Вот почему пришлось снять блокаду. Они не могли удержать Эстонию, и мы с нею подписали мир и можем открыть торговые сношения. Мы пробили окно в цивилизованный мир. На нашей стороне сочувствие большинства трудящихся, а буржуазия озабочена, как бы скорее начать торговлю с Россией.

Теперь империалисты нас боятся, и им есть чего бояться, потому что Советская Россия вышла из этой войны крепче, чем когда-нибудь. Английские писатели писали, что армия во всем мире разлагается, что если есть во всем мире страна, где армия крепнет, то это Советская Россия. Они пытались оклеветать т. Троцкого и говорили, что это потому, что русскую армию держат в железной дисциплине, которая проводится беспощадными мерами, а также искусной широкой агитацией.

Мы никогда от этого не отрекались. Война есть война, она требует железной дисциплины. Разве вы, господа капиталисты, не применяли таких средств? А разве вы, господа капиталисты, не развили агитации? Разве у вас не во сто раз больше бумаги и типографий? Если сравнить наше количество литературы с вашим, разве не получится горошинка на нашей и горы на вашей стороне? Однако ваша агитация провалилась, а наша одержала победу.

Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по-мирному и перейти от них к социальной реформе. Они по-добру хотели перейти в России к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четы-

рехлетней империалистической войны. Что же вы думаете, — в Англии, Франции, Германии нет умных людей, которые понимают, что они шли на эту войну из-за дележа колоний? Что убито 10 миллионов и искалечено 20 млн. из-за дележа добычи? Вот что представляет из себя этот капитализм. Как же его можно уговорить, как можно согласиться с этим капитализмом, который 20 миллионов людей перекалечил и 10 миллионов убил? И мы меньшевикам и эсерам говорим: «Вы имели возможность сделать опыт, почему же у вас не вышло? Потому что ваша программа была простой утопией, утопией не только в России, но даже и в Германии, в той Германии, где сейчас у власти стоят немецкие меньшевики и эсеры, которых никто не слушается, в той Германии, в которой немецкий Корнилов, вооруженный с ног до головы, готовит реакцию⁵⁰, в той германской республике, где на улицах городов перебито 15 000 рабочих. И это называется демократической республикой!». И немецкие меньшевики и эсеры могут еще говорить, что большевики худые, что они привели страну к гражданской войне, а что у них-де социальный мир, что у них только 15 000 рабочих убито на улицах!

Они говорят, что у нас гражданская война и кровопролитие происходит потому, что мы отсталая страна. Но скажите, почему то же самое происходит и в таких неотсталых странах, как Финляндия? Почему в Венгрии происходит такой белый террор, которым возмущается весь мир? Почему в германской республике, в которой после свержения кайзера у власти стоят меньшевики и эсеры, почему там убиты Люксембург и Либкнехт? И почему там силен не меньшевик, а Корнилов, и еще сильны там большевики, которые хотя и забиты, но сильны своими убеждениями в правоте своего дела и своим влиянием на массы?

Вот та международная революция, о которой говорили, что ею большевики обманывают народ, а на самом деле вышло, что все надежды на соглашение оказались пустым вздором.

Между самими буржуазными странами разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек. Господа империалисты говорят: «Мы за республику, мы за демократизм, но почему же японцы воровали из-под нашего носа больше, чем следует?». Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности. Франция тоже говорит: «Кому достались колонии? — Англии». Франция победила, но она в долгу, как в шелку, у нее безвыходное положение, между тем как Англия обогатилась. Там слова

уже пачинаются новые комбинации и союзы, там снова хотят броситься друг на друга из-за дележки колоний, и империалистическая война снова нарастает и удержать ее нельзя — нельзя не потому, что капиталист в отдельности алой человек, — каждый из них в отдельности человек, как человек, — но потому что они не в состоянии иначе вырваться из финансовых пут, потому что весь мир в долгу, в кабале, потому что частная собственность привела и будет приводить всегда к войне.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 166—180

IX СЪЕЗД РКП(б)

29 МАРТА — 5 АПРЕЛЯ 1920 г.

ИЗ ДОКЛАДА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 29 МАРТА

Весной прошлого года наше военное положение было в высшей степени трудным, нам предстояло пережить, как вы помните, немало поражений, новых, огромных, не ожидавшихся раньше наступлений представителей контрреволюции и представителей Антанты, которых не предполагали раньше. Поэтому совершенно естественно, что большая часть этого периода протекала в работах по выполнению задачи военной, задачи гражданской войны, которая всем малодушным, не говоря о партии меньшевиков, эсеров и других представителей мелкобуржуазной демократии, массе промежуточных элементов представлялась неразрешимой, которая заставила их совершенно искренне говорить, что эта задача неразрешима, что Россия отстала и ослаблена и не может победить капиталистического строя всего мира, раз революция на Западе затянулась. И нам приходилось поэтому, оставаясь на своей позиции, с полной твердостью и сохранением абсолютной уверенности говорить, что мы победим, приходилось проводить лозунг — «все для победы» и «все для войны».

Во имя этого лозунга приходилось идти совершенно сознательно и открыто на неудовлетворение целого ряда самых насущных потребностей, оставляя без помощи сплошь и рядом очень многих, в уверенности, что мы должны сосредоточить все силы на войне и победить в той войне, которую нам Антанта навязала. И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому,

что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек или десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить. И, разумеется, мы не только подчеркиваем эту сторону дела, но мы должны иметь в виду, что эта сторона дела составляет урок, что без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи. Принесенные нами неслыханные жертвы для спасения страны от контрреволюции, для победы русской революции над Деникиным, Юденичем и Колчаком есть залог всемирной социальной революции. Для того, чтобы это осуществилось, надо было, чтобы была дисциплина партии, строжайшая централизация, абсолютная уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы десятков и сотен тысяч людей помогут проведению в жизнь всех этих задач, что это действительно может быть сделано и обеспечено. А для этого пужно было, чтобы наша партия и тот класс, который осуществляет диктатуру, рабочий класс, чтобы они были элементами, объединяющими миллионы и миллионы трудящихся и в России и во всем мире.

Если подумать о том, что же лежало в конце концов в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование. На какой почве? Миллионы трудящихся могли прийти в стране, меньше всего воспитанной, к организации, к тому, что эта дисциплина и эта централизация осуществились только на той почве, что рабочие, прошедшие школу капитализма, объединены капитализмом, что пролетариат во всех передовых странах, и чем больше страна передовая, тем в больших размерах, объединяется; с другой стороны, благодаря тому, что собственность, капиталистическая собственность, мелкая собственность в товарном производстве разъединяет. Собственность разъединяет, а мы объединяем и объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете. Теперь это видно, можно сказать, даже слепым, по крайней мере, тем из них, которые не хотели этого видеть. Чем дальше, тем больше наши враги разъединялись. Их разъединяла капиталистическая собственность, частная собственность при товарном производстве, будь это мелкие хозяйчики, которые спекулируют продажей излиш-

ков хлеба и наживаются на счет голодных рабочих, будь это капиталисты различных стран, хотя бы они обладали военной мощью, создавали «Лигу наций», «великую единую лигу» всех передовых наций мира. Такое единство — сплошная фикция, силошной обман, силошная ложь. И мы видели, что — величайший пример — эта пресловутая «Лига наций», которая пыталась раздавать права на управление государствами, делить мир, этот пресловутый союз оказался цуфом, который сейчас же разлетелся, потому что основывали его на капиталистической собственности. Мы видели это в величайшем историческом масштабе, это подтверждает ту основную истину, на признании которой мы строили свою правоту, свою абсолютную уверенность в победе Октябрьской революции, в том, что мы берем дело такое, к которому, несмотря на всю трудность, на все препятствия, будут присоединяться миллионы и миллионы трудящихся во всех странах. Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживем мы в своей стране, нам даст миллионы и миллионы союзников во всех странах.

Если, в конечном счете, подумать о том, почему вышло так, что мы могли победить, что мы должны были победить, то только потому, что все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и предателями капитала, — как бы они ни были объединены формально, — оказались разъединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей, так что они не видели, что Советская Россия увеличивает число своих сторонников среди английских солдат, высадившихся в Архангельске, среди французских матросов, высадившихся в Севастополе, среди рабочих всех стран, где социал-соглашатели приняли сторону капитала во всех без изъятия передовых странах. И эта основная причина, самая глубокая причина, в последнем счете дала нам верхнюю победу, она явилась тем источником, который продолжает быть самым главным, непреодолимым, неиссякаемым источником нашей силы и который позволяет нам говорить, что, когда мы осуществим в своей стране в полной мере диктатуру пролетариата, наибольшее объединение его сил, через авангард, через передовую его партию, мы можем ждать мировой революции. И это есть на самом деле выражение воли, выражение пролетарской решимости к борьбе, выражение проле-

тарской решимости к союзу миллионов и десятков миллионов рабочих во всех странах.

Это господа буржуа и якобы социалисты II Интернационала объявили агитационными фразами. Нет, это есть историческая действительность, которая подтверждена кровавым и тяжелым опытом гражданской войны в России, ибо эта гражданская война была войной против всемирного капитала, и этот капитал распадался сам собою в драке, пожирал себя, тогда как мы выходили более закаленными, более сильными в стране умирающего от голода, от сыпного тифа пролетариата. В этой стране мы присоединяли к себе новых и новых трудящихся. То, что прежде соглашателям казалось агитационной фразой, над чем буржуазия привыкла смеяться, этот год нашей революции, и больше всего отчетный год, превратил окончательно в бесспорный исторический факт, который дает возможность сказать с позитивнейшей уверенностью: если мы это сделали, то этим подтверждается, что у нас есть всемирная основа, бесконечно более широкая, чем в каких бы то ни было прежних революциях. У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в действительности в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все. Каждый месяц, когда мы отвоевывали себе позиции или когда мы просто удерживались против неслыханно могущественного врага, доказывал всему миру, что мы правы, и давал нам новые миллионы людей.

Этот процесс казался трудным, сопровождался гигантскими поражениями. За неслыханным белым террором в Финляндии⁵¹ последовало как раз в отчетном году поражение венгерской революции, которую задушили представители Антанты, по тайному договору с Румынией, обманув свои парламенты.

Это было самое подлое предательство, заговор международной Антанты, чтобы белым террором задушить венгерскую революцию, не говоря уже о том, как они всячески шли на соглашение с германскими соглашателями, чтобы задушить германскую революцию; как эти люди, объявившие Либкнехта честным немцем, как они на этого честного немца бросились, как бешеная собака, вместе с немецкими империалистами. Они превзошли все, что можно было, и всякое такое подавление с их стороны только укрепляло, усиливало нас, подрывало у них почву.

И я думаю, что этот основной опыт, который мы проделали, должен быть больше всего учтен нами. Здесь больше всего надо подумать о том, чтобы сделать основой нашей агитации и

пропаганды — анализ, объяснение того, почему мы победили, почему эти жертвы гражданской войны окупились сторицей и как надо поступить на основании этого опыта, чтобы одержать победу в другой войне, войне на фронте бескровном, в войне, которая только переменяла форму, а ведут ее против нас все те же старые представители, слуги и вожди старого капиталистического мира, лишь еще более ретиво, бешено и рьяно. На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила пати́ска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления. Ибо вы все прекрасно помните, — это было не так давно с точки зрения времени, но давно с точки зрения текущих событий, — вы помните, что большевизм рассматривали в начале Октябрьской революции, как курьез; и если в России пришлось очень скоро от этого взгляда отказаться, то от этого взгляда, который являлся выражением неразвитости, слабости пролетарской революции, отказались и в Европе. Большевизм стал мировым явлением, рабочая революция подняла голову. Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 года, разрабатывая собственный опыт, эта советская система оказалась всемирно-историческим явлением.

Теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения. Надо отметить, только за этот год они стали друг против друга в решительной и окончательной борьбе, и мы сейчас, как раз во время работы съезда, переживаем, может быть, один из самых крупнейших, резких, незаконченных, переходных моментов от войны к миру.

Вы все знаете, как пришлось вождям империалистических держав Антанты, которые кричали на весь мир: «никогда не прекратим войны с узурпаторами, разбойниками, захватчиками власти, противниками демократии, большевиками», — вы знаете, как они сначала сняли блокаду, как у них сорвалась попытка объединить мелкие державы, потому что мы сумели привлечь на свою сторону не только рабочих всех стран, но нам удалось привлечь и буржуазию мелких стран, потому что империалисты являются угнетателями не только рабочих своих стран, но и буржуазии мелких государств. Вы знаете, как мы привлекли на свою сторону колеблющуюся буржуазию внутри передовых стран, и вот теперь наступил момент, когда Антанта нарушает свои прежние обещания, заветы, нарушает

свои договоры, которые она, между прочим, заключала десятки раз с разными русскими белогвардейцами, и теперь с этими договорами она сидит у разбитого корыта, потому что на эти договоры она выбросила сотни миллионов и не довела дела до конца.

Теперь, сняв блокаду, она начала фактически мирные переговоры с Советской республикой, и теперь она эти переговоры не доводит до конца, поэтому мелкие державы потеряли в нее веру, веру в ее силы. Мы видим, что положение Антанты, ее внешнее положение совершенно не подлежит определению с точки зрения обычных понятий юриспруденции. Государства Антанты с большевиками находятся ни в мире, ни в войне, у них есть и признание нас, и непризнание. И этот полный распад наших противников, которые были уверены, что они что-то из себя представляют, показывает, что они ничего из себя не представляют, кроме кучки капиталистических зверей, перессорившихся между собою и совершенно бессильных сделать что-либо нам.

Теперь положение таково, что нам официально сделаны мирные предложения Латвией, Финляндия прислала телеграмму, в которой официально говорится о демаркационной линии, но по существу это — переход к мирной политике⁵². Наконец, Польша, та Польша, представители которой особенно сильно бряцали оружием и продолжают бряцать, та Польша, которая больше всего получила и получает поездов с артиллерией и обещаний помогать всем, лишь бы Польша продолжала борьбу с Россией, даже эта Польша, неустойчивое положение правительства которой вынуждает идти на какую угодно авантюру с войной, эта Польша прислала приглашение открыть мирные переговоры⁵³. Надо быть в высшей степени осторожным. Наша политика требует больше всего внимательного отношения. Тут труднее всего найти правильную линию, потому что тех рельс, на которых поезд стоит, тоже никто не знает еще, — сам враг не знает, что он будет делать дальше. Господа представители французской политики, которые больше всего паусятывают Польшу, и вожди помещичье-буржуазной Польши не знают, что будет дальше, не знают, что они хотят. Они сегодня говорят: «Господа, несколько поездов с пушками, несколько сот миллионов, и мы готовы воевать с большевиками». Они скрывают вести о забастовках, которые в Польше разрастаются, нажимают на цензуру, чтобы скрыть правду. А революционное движение там возрастает. Революционный рост в Германии, в его новом фазисе, в его новой ступени, когда рабочие, после германской корниловщины, создают красные армии, говорит прямо (пос-

ледние телеграммы оттуда), что рабочие загораются все больше и больше. В сознание самих представителей буржуазно-помещичьей Польши начинает проникать мысль: «Не поздно ли, не будет ли раньше Советская республика в Польше, чем учинение государственного акта, мирного или военного?». Они не знают, что делать. Они не знают, что несет им завтрашний день.

Мы знаем, что каждый месяц дает нам гигантское усиление наших сил и будет давать больше. Поэтому мы стоим теперь в международном отношении прочнее, чем когда бы то ни было. Но мы к международному кризису должны относиться с чрезвычайной внимательностью и готовностью встретить какие бы то ни было неожиданности. У нас есть формальное предложение мира от Польши. Эти господа находятся в отчаянном положении, настолько отчаянном, что их друзья, немецкие монархисты, люди более воспитанные, с большим политическим опытом и знанием, метнулись на авантюру, на корниловщину. Польская буржуазия бросает мирное предложение, зная, что авантюра может быть польской корниловщиной. Зная, что наш противник находится в отчаянно трудном положении, — противник, который не знает, что он хочет делать, что будет делать завтра, — мы с полной твердостью должны сказать себе, что, несмотря на то, что мирное предложение было, война возможна. Дальнейшее поведение их предвидеть невозможно. Мы этих людей видели, мы этих Керенских, меньшевиков и эсеров знаем. За эти два года мы видели, как их толкало сегодня к Колчаку, завтра почти к большевикам, затем к Деникину, и все это покрывалось фразами о свободе и демократии. Мы этих господ знаем, поэтому мы обеими руками цепляемся за мирное предложение, идя на максимальные уступки, уверенные, что мир с маленькими державами двинет дело вперед в бесконечное количество раз лучше, чем война, потому что войной империалисты обманывали трудящиеся массы, под этим скрывали правду о Советской России, поэтому всякий мир откроет во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию. Оно и так велико за эти годы. III, Коммунистический Интернационал одержал неслыханные победы. Но мы знаем вместе с тем, что войну нам могут навязать каждый день. Наши противники сами еще не знают, на что они способны в этом отношении.

Что военные приготовления ведутся, в этом нет никакого сомнения. К этому государственному вооружению прибегают сейчас многие соседи с Россией и, может быть, многие из несоседних государств. Вот почему приходится больше всего маневрировать в нашей международной политике и тверже всего держаться того курса, который мы взяли, и быть готовыми ко

всему. Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты. На этом поприще борьбы мы лучше всего себя проявили, во всяком случае не хуже, чем на поприще деятельности Красной Армии, на кровавом фронте. Но не от воли маленьких государств, даже если бы они захотели мира, не от их воли зависит заключение с нами мира. Они целиком в долгу, как в шелку, странам Антанты, а там идет отчаянная грызня и соревнование между собою. Нам нужно поэтому помнить, что мир, с точки зрения всемирно-исторического масштаба, обоснованного гражданской войной и войной против Антанты, конечно, возможен.

Но наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности, безусловно не разоружая нашей армии. Наша армия является реальной гарантией того, что ни малейших попыток, ни малейших посягательств империалистические державы делать не будут, ибо хотя бы они могли рассчитывать на некоторые эфемерные успехи вначале, но ни одна из них не останется без разгрома со стороны Советской России. Это мы должны знать, это должно быть основой нашей агитации и пропаганды, и к этому мы должны суметь подготовиться и решить ту задачу, которая при растущей усталости составляет то и другое соединить.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 239—248

ИЗ РЕЧИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ СТЕКЛО-ФАРФОРОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 29 АПРЕЛЯ 1920 г.

Вчерашний день принес нам две новости: первая из них весьма печальная — это весть об обращении главы польского правительства Пилсудского. Текста этого обращения я еще не видал, о нем мне передавали по телефону, но несомненно одно, что оно равносильно объявлению Польшей войны Украине. Очевидно, влияние империалистов Франции взяло верх в правительственных сферах Польши. Свою последнюю политику лавирования вокруг переговоров с нами о мире польское правительство решило бросить и открыть военные действия на более широком фронте. Польша взяла уже Житомир и идет на Киев. Это требует от нас самой решительной и незамедлительной защиты интересов пролетариата. Мы не сомневаемся, что мы сумеем защитить эти интересы, мы не сомневаемся, что эта новая попытка со стороны империалистов Антанты задуть

Советскую Россию потерпит такой же крах, как денкинская и колчаковская авантюра. Очевидно, что военную поддержку Польша получает целиком от Франции, Англии и всей Антанты. В этом отношении весьма характерно, что в последней стадии переговоров с нами о Крыме английское правительство значительно изменило свое первоначальное благожелательное отношение. В ответ на предложение Англии проявить гуманность к прижатым к морю бойцам Деникина мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским белогвардейцам, если с своей стороны Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию. Нам не нужна кровь этих крымских белогвардейцев, у нас нет чувства мстительности. Но ответа на нашу ноту мы не получили со стороны английского правительства, которое, видимо, в связи с выступлением Польши, с этим ответом не торопится. Но мы уверены, что у английских рабочих, даже наиболее оппортунистически настроенных, не найдется сторонников интервенции.

Мы имеем сведения, что даже в Польше польская социалистическая партия, которая преследовала в Польше коммунистов, в своем печатном органе заявляет, что нельзя срывать мирные переговоры с Советской Россией предъявлением ультимативного требования со стороны Польши вести эти переговоры в Борисове. Эта газета считает такой образ действий со стороны польского правительства преступлением. Поляки предложили нам вести мирные переговоры в Борисове, не прекращая военных действий, тогда как ведение переговоров именно в этом пункте лишило бы нас возможности продолжать во время переговоров военные действия, предоставляя в то же время Польше полную свободу в этом отношении. Конечно, вести мирные переговоры в таких условиях мы не могли и предложили перенести место этих переговоров, по взаимному соглашению с Польшей, в Париж, Ревель, Варшаву, Москву или в какой-нибудь другой город. Ответом на это предложение явилось широкое наступление польских войск по всему фронту. У нас нет сомнения, что польское правительство начало эту наступательную войну против воли своих рабочих. Вот почему мы к этой новой аванюре относимся вполне спокойно; мы знаем, что выйдем из нее победителями, но вы знаете, товарищи, что всякая война сопряжена с громадными трудностями, для преодоления которых мы не раз обращались к рабочим массам за поддержкой. Война с Польшей нам навязана, ни малейших замыслов против независимости Польши мы не имеем, как не имеем их против независимости Литвы и Белоруссии, но, несмотря на

всю нашу уступчивость, нам все-таки навязывают войну, а раз так, мы все должны подняться как один, чтобы защитить и себя и Украину от натиска польских империалистов. (Громкие аплодисменты.) Для этого нам нужно снова произвести некоторый перелом. Как бы ни было нам желательно возможно скорее приступить и как можно шире развернуть мирное строительство, но раз нам война навязана, мы должны все подчинить интересам этой войны для достижения наиболее успешных для нас и быстрых результатов. Мы должны разъяснить всем рабочим и крестьянам, почему подстрекаемая Литантой Польша начала с нами войну. Мы должны разъяснить, что это сделано для того, чтобы увеличить барьер, углубить ту пропасть, которая отделяет пролетариат Германии от нас.

Полн. собр. соч., т. 40, с. 330—332

Из книги

«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ»

Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, выработывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь, вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция, свергнувшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещицкой, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилью брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Написано в апреле — мае 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 21

ИЗ РЕЧИ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ
5 МАЯ 1920 г.

(Аплодисменты.) Товарищи, мне хотелось бы обратить ваше внимание на одну сторону, отличающую постоянную войну с международной точки зрения или, вернее, с точки зрения международного положения России от войн предыдущих. Конечно, никто из вас не сомневается и нельзя сомневаться в том, что эта война представляет собой одно из звеньев длинной цепи событий, означающих бешеное сопротивление международной буржуазии по отношению к победоносному пролетариату, бешеную попытку международной буржуазии задуть Советскую Россию, свергнуть первую Советскую власть во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами. Конечно, нет ни малейшего сомнения, что связь между этими явлениями, между прежними попытками международной буржуазии и настоящей войной, безусловно имеется. Но в то же время мы видим, какая громадная разница между этой войной и предыдущими с точки зрения нашего международного положения, какой гигантский толчок дала наша борьба международному рабочему движению, как мировой пролетариат относится к победам Советской России, как развивается и укрепляется мировая пролетарская борьба и какая гигантская работа проделана за два с небольшим года, как существует Советская республика.

Вы помните, как самые ответственные, самые могущественнейшие министры самых могущественнейших, всемирно не знающих себе соперников, капиталистических держав объявляли не очень давно о том, что ими изготовлен союз 14 держав против России; вы знаете, как этот союз под давлением всемогущих капиталистов Франции и Англии спланивал Юденич, Колчак и Деникин и как он построил действительно грандиозный в военном отношении и всеохватывающий план. И если мы этот план разрушили, то это случилось потому, что все единство империалистов было только кажущимся и силы международной буржуазии не выдерживают и одного испытания, когда речь идет о том, чтобы действительно жертвовать собой. Оказалось, что после четырех лет империалистической бойни трудящиеся массы не признают справедливость войны с нами, и мы имеем в их лице великого союзника. План Антанты был действительно разрушительный, но он разрушился благо-

даря тому, что капиталистические державы, несмотря на свой могущественнейший союз, не смогли осуществить его: оказались бессильны провести его в жизнь. Ни одна из держав, из коих каждая могла иметь перевес над нами, не могла проявить единства, потому что организованный пролетариат его не поддерживает; ни одна армия — ни французская, ни английская — не могла выдержать того, чтобы ее солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики.

Если мы мысленно проследим, в каких отчаянных положениях бывала наша республика, когда она, действительно, стояла против всего мира, против держав, неизмеримо более могущественных, и вспомним, как мы вышли вполне победоносно из всех этих тяжелых испытаний, то эти воспоминания дадут нам отчетливое представление о том, что мы имеем сейчас перед собой. Мы имеем здесь план не новый, но вместе с тем ничего похожего не имеющий с тем действительно всеобъемлющим единым планом, который мы имели полгода тому назад. Мы имеем обломки старого плана, и это больше всего дает нам гарантию с точки зрения международного соотношения сил относительно безнадежности теперешней попытки...

Мы знаем, что наступление Польши, это — обломки старого плана, некогда объединявшего всю международную буржуазию, и если тогда не удался этот грандиозный план, обеспечивавший с точки зрения чисто военной безусловный успех, то теперь даже и с этой точки зрения план безнадежен. Кроме того, мы знаем, что империалистические державы, заключившие союз с польской буржуазией, и польское правительство запутались, как никогда. Польская буржуазия с каждым шагом своей политики за последние месяцы, недели и дни разоблачает себя перед собственными трудовыми массами, ссорится с своими собственными союзниками и не может сделать в своей политике последовательно ни одного шага. То объявляя о своем непримиримом отношении к Советской России и невозможности вступить с ней в какие-либо разговоры, то снимая с нее блокаду и торжественно заявляя об этом от имени якобы существующего союза, якобы существующей Лиги наций, то снова начиная политику колебаний, — империалисты тем самым дают нам возможность доказать свою мирную политику, доказать, что наша международная политика не имеет ничего общего ни с царской, ни с политической русских капиталистов или русской буржуазии, хотя бы и демократической. Мы доказали перед всем миром, что наша внешняя политика не имеет ничего общего с той, которую нам постоянно приписывают все буржуазные газеты. Таким образом, в политике

Польша не осталось ни одного обмана, который они сами не разоблачили бы. Из опыта трех русских революций мы знаем, как эти революции готовились и как на почве каждой из них развивалась дальше внутренняя и международная политика. Этот опыт показывает, что вернейшим нашим помощником в деле подготовки революции являются те господствующие классы, которые, претендуя на всевозможные коалиции, учредилки и пр., претендуя на выражение якобы народной воли, на деле собственной политикой в каждый серьезный, трудный и ответственный момент национальной жизни показывают корысть дерущихся между собой буржуазных групп, не способных помириться, конкурирующих между собой групп капиталистов, которые во сто раз больше, чем коммунистическая пропаганда, разоблачают самих себя. Ни в одной стране, ни в одном государстве рабочий класс, хотя бы он был наиболее революционным, никогда не мог бы быть революционизируемым никакой пропагандой и агитацией, если бы эту агитацию не подтверждали своим практическим поведением господствующие классы его собственной страны.

То, что сейчас происходит во всех капиталистических странах, и чем дальше, тем сильнее, особенно в такой стране, как Польша, дает нам уверенность в том, что если мы вышли победителями из несомненно более тяжелой войны, если мы правильно ушли рознь и невозможность примирения между буржуазией разных групп и партий в моменты, когда это объединение им особенно нужно, — то теперь улучшение нашего международного положения громадно. Это дает нам уверенность не только с точки зрения внутреннего соотношения сил, но и с точки зрения международной. Если мы возьмем всю систему всех современных империалистических государств, все их стремления, — а мы знаем, что их стремления неискоренимы в том, чтобы использовать каждый момент для нападения на Россию, — и оценим совершенно объективно, с точки зрения неопровержимых фактов истории последних лет и особенно последнего полугодия, то это нам покажет, что международный враг слабеет, что всякие попытки объединения между империалистами все более и более безнадежны и что с этой стороны наша победа обеспечена.

Но, товарищи, когда мы стоим сейчас, занятые хозяйственной задачей, сосредоточив все внимание на мирном хозяйственном строительстве, перед надвигающейся новой войной, для нас существенно необходимо быстро перестроить свои ряды. Вся наша армия, которая в последнее время являлась трудовой армией⁵⁴, теперь должна обратить свое внимание на другую сто-

ропу; мы должны оставить все свои дела и сосредоточиться на этой новой войне. Мы прекрасно знаем, что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что мы уже пережили, но он может потребовать новых тяжелых жертв со стороны рабочих и крестьян, может затруднить нам во много раз наше хозяйственное строительство, привести к разорению, разрушению десятки, сотни и тысячи крестьянских хозяйств, а также своим временным успехом воскресить потухшие надежды разбитых нами империалистов, которые, конечно, не преминут примкнуть к нему. Поэтому мы должны сказать, что то наше правило, которого мы держались во все предыдущие войны, должно неизменно возродиться и теперь. Если вопреки нашим самым примирительным намерениям, несмотря на то, что мы сделали громадные уступки, что мы отказались от всех национальных притязаний, польские помещики и польская буржуазия навязали нам войну; если мы уверены, а мы должны быть уверены, — в том, что буржуазия всех стран, даже та, которая сейчас полякам не помогает, когда война разгорится, им поможет, потому что решается вопрос не только русский или польский, а вопрос о существовании всей буржуазии, — то мы должны вспомнить и во что бы ни стало осуществить и провести в жизнь до конца правило, которому мы следовали в нашей политике и которое всегда обеспечивало за нами успех. Это правило заключается в том, что раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне (а плод дисменты), ни малейшее колебание на этот счет недопустимо. Как ни тяжело громадному большинству товарищей оторваться от работы, совсем недавно переведенной на другие рельсы, более благодарные и необходимые для задач мирного строительства, нужно помнить, что малейшее упущение, невнимание нередко означает десятки тысяч лишней смертей наших лучших товарищей, наших молодых поколений рабочих и крестьян, наших коммунистов, которые, как и всегда, в первых рядах борющихся. Поэтому еще раз, — все для войны. Пусть ни одно собрание, ни одно совещание не пройдет без того, чтобы при всяком обсуждении на первом месте не стоял вопрос: все ли мы сделали, чтобы помочь войне, достаточно ли напряжены наши силы, достаточно ли помощи отправлено на фронт? Нужно, чтобы здесь оставались только те, кто не способен помогать на фронте. Ему все жертвы, ему вся помощь, отбросив все колебания. И, сосредоточив все силы и принося все жертвы, мы, несомненно, победим и на этот раз. (А плод дисменты.)

ЗАПИСКА А. Л. ШЕЙНМАНУ
НА ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКЕ
МЕКСИКАНСКОГО КОНСУЛЬСТВА ⁵⁵

Тов. Шейнман!

Прошу Вас обратить внимание на это дело и дать мне Ваше заключение, устно при свидании, или в 2-х словах записки.

13/V [1920]

Ваш Ленин

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Мексиканская Республика обладает громадными природными богатствами, обширную и богатою промышленностью и громадным количеством готовых товаров и изделий, в которых ныне нуждается Советская Россия.

Мексика вывозила в Северные Соединенные Штаты и, главным образом в Германию, ежегодно более чем на 600 000 000 пез (пез по курсу — 2,66 франк. золот.): 1) Рунную шерсть — испанскую, шерстяную и бумажную пряжу, хлопок, бумажные и шерстяные изделия. 2) Какао, кофе, сахарный тростник. 3) Краски химические, минеральные и растительные (родина кашенилы). 4) Бумагу от оберточной до пергаментной. 5) Лекарства и лекарственные травы (родина хипного дерева) во всех видах и родах. 6) Масла — нефтяные (бензин, керосин) и растительные — и химические. 7) Кожу и обувь готовая (знаменит. обувь буйволовой кожи), машинные и приводные ремни. 8) Табак во всех его видах (знаменит. цемекские сигары). 9) Металлы, ртуть, сталь, серебро и друг. 10) Металлические изделия: локомотивы, вагоны, сельскохозяйственные орудия и машины. 11) Деревообделочные продукты: красное, черное, махагонное и дубовое дерево. 12) Автомобили и автомобильные части (знаменитый «Mercedes»). 13) Нефть и нефтяные продукты (знаменит. нефтяные источники «Темпико»). 14) Технические строительно-санитарные предметы и мелкие другие предметы и продукты.

Все это закупали Америка, и особенно Германия, по очень низким и дешевым ценам и перепродавали главным образом в России и в других государствах по высоким ценам.

Ввиду уничтожения торгового флота и разрушения торгового аппарата с Мексикой Германия лишена возможности продолжать обширную торговлю, и Мексика, не желая передавать свои изделия, товары и естественные богатства Америке, как стране, постоянно ее угнетающей, ныне вынуждена искать других рынков для сбыта своих товаров. Россия является единственно выгодным для нее рынком, куда она может сбывать все свое производство. Если к этому прибавить, что Мексика, как государство морское, раз нагрузивши пароход с товаром в любой из гаваней ее в Тихом или Атлантическом океанах, которыми она омывается, может бесперегрузочно с крайне незначительными расходами и при изобилии нефти доставить свои товары в любую из гаваней или портов России, можно себе представить все выгоды такого экономического объединения обеих стран. Причем Мексика обладает довольно значительным морским

торговым тоннажем, и тоннаж Голландии и других нейтральных государств также может быть к ее услугам.

Сверх сего Мексика имеет большое количество уже завезенных ею товаров в Германии, на складах ее морских миссий в Германии, Голландии и других пунктах, могущих быть немедленно, как от страны нейтральной, переданы в распоряжение России по хлопотам со стороны мексиканцев.

Притом надо иметь еще в виду, что дружественные отношения Мексиканской Республики к России по сие время не прекращались.

В настоящее время консул Мексики в Москве организует Русско-Мексиканскую торговую палату (Руссомекс), как аппарат действия для экономического объединения обеих республик, которая должна способствовать широкому развитию торговых сношений обеих стран и которая ныне уже в лице Консульства готова принять все меры для доставки в Россию всех необходимых ей товаров путем обмена или иными способами, возможными и выгодными России.

По получении Вашего принципиального согласия на предложение наше Консульство пошлет немедленно своих опытных сотрудников для этой цели в Мексику, Голландию и Германию, подтверждая, что весь персонал, способ и условия работ по перевозке товаров вполне готовы.

Означенные сотрудники выработают там, на местах, со стороны Мексики и указанных в докладе нейтральных государств все детали с технической, торговой и финансовой сторон, а затем примут немедленно все меры к доставлению в Россию имеющихся уже в нейтральных государствах мексиканских товаров, повторяя, что способы оплаты товаров, обмена их на русское сырье, вопросы о валюте будут выработаны в интересах обеих стран.

В настоящее время нам важно лишь иметь принципиальное согласие Советской Республики на наше предложение, после чего все другие вопросы и детали срочно будут установлены одинаково выгодными для обеих сторон условиями и способами.

Генеральное консульство Мексиканской Республики в Москве:

Коммерческие агенты при Консульстве: (подпись)

Правитель дел: (подпись)

Лен. сб. XXXVII, с. 204—205

ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ ⁵⁶

Рад слышать, что провозглашенные рабоче-крестьянской республикой принципы самоопределения и освобождения угнетенных народов от эксплуатации иностранных и собственных капиталистов нашли такой живой отклик среди сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу. Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина. Залогом окончательного успеха являются организованность и дисциплина трудящихся, их выдержка и солидарность с трудящимися всего мира.

Приветствуем тесный союз мусульманских и немусульманских элементов. Искренне желаем распространения этого союза на всех трудящихся Востока. Только тогда, когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами. Да здравствует свободная Азия!

Напечатано 20 мая 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 123

ПИСЬМО К АНГЛИЙСКИМ РАБОЧИМ ⁵⁷

Товарищи! Прежде всего позвольте поблагодарить вас за присылку к нам вашей делегации для ознакомления с Советской Россией. Когда ваша делегация предложила мне послать через нее письмо английским рабочим и, может быть, также предложение английскому правительству, я ответил, что с благодарностью принимаю первое предложение, но к правительству я должен обращаться не через рабочую делегацию, а непосредственно от имени нашего правительства через тов. Чичерина. Мы обращались таким образом много, очень много раз к английскому правительству с самым формальным и торжественным предложением начать мирные переговоры. Эти наши предложения непрерывно продолжают делать все наши представители, и тов. Литвинов, и тов. Красил, и все остальные. Английское правительство упорно не принимает наших предложений. Неудивительно поэтому, что с делегатами английских рабочих я желал говорить исключительно как с делегатами рабочих и не в качестве представителя правительства Советской России, а в качестве просто коммуниста.

Меня не удивило, что ряд членов вашей делегации стоит не на точке зрения рабочего класса, а на точке зрения буржуазии, класса эксплуататоров, ибо во всех капиталистических странах империалистская война вполне обнаружила застарелый нарыв: именно, переход большинства парламентских и тредюнионистских вождей рабочих на сторону буржуазии. Под лживым предлогом «защиты отечества» защищали на деле грабительские интересы одной из двух групп всемирных разбойников, англо-американско-французской или германской; вступали в союз с буржуазией против революционной борьбы пролетариата; прикрывали эту измену сентиментально-мещанскими, реформистскими и пацифистскими фразами о мирной эволюции, о конституционных методах, о демократии и проч. Так было во всех

странах; неудивительно, что то же самое явление в Англии отразил и состав вашей делегации.

Члены вашей делегации, Шоу и Гест, спрашивали меня, видимо, удивленные и обиженные моим заявлением, что Англия, вопреки нашим мирным предложениям, вопреки заявлениям ее правительства, продолжает интервенцию, ведет войну с нами, помогает Врангелю в Крыму и белогвардейской Польше, — спрашивали меня, есть ли у меня доказательства этого, могу ли я указать, сколько поездов с военным снаряжением доставила Англия в Польшу и т. д. Я ответил, что для получения секретных договоров английского правительства надо революционно свергнуть его и захватить в свои руки все документы его иностранной политики, как это сделали мы в 1917 г. Всякий образованный человек, всякий интересующийся политикой искренне, знал и до нашей революции, что у царя были тайные договоры с разбойничьими правительствами Англии, Франции, Америки, Италии, Японии о дележе добычи, о Константинополе, Галиции, Армении, Сирии, Месопотамии и т. п. Только лгуны и лицемеры (не считая, конечно, совсем невсжественных, темных, неграмотных людей) могли отрицать это или делать вид, что не знают этого. Но без революции мы никогда бы не могли добыть секретные документы разбойничьих правительств капиталистического класса. Те вожди или представители английского пролетариата, — все равно, парламентарские, тред-юнионистские, журналистские или иные, — которые делают вид, что не знают о существовании тайных договоров Англии, Франции, Америки, Италии, Японии, Польши о грабеже других стран, о дележе добычи и которые не ведут революционной борьбы за разоблачение таких договоров, показывают только этим лишний раз, что они верные слуги капиталистов. Нам это давно известно; мы это и у себя и во всех странах мира разоблачаем. Посещение России делегацией английских рабочих ускорит разоблачение таких вождей и в Англии.

Я беседовал с вашей делегацией в среду, 26 мая. А через день пришел телеграммы, что Бонар-Лоу признал в английском парламенте военную помощь Польше в октябре «для защиты от России» (конечно, только для защиты, только в октябре! В Англии еще есть «влиятельные рабочие вожди», помогающие капиталистам одурачивать рабочих!), а газета «Нью-Стейтсман», умереннейшая из умереннейших меццанских газет или журналов, писала о доставке Польше танков, более могучих, чем употреблявшиеся в войне против немцев. Можно ли после этого не смеяться над теми «вождями» английских рабочих, которые с видом оскорбленной невинности спрашивают, какие есть «до-

казательства» того, что Англия воюет с Россией и помогает Польше и белогвардейцам в Крыму?

Члены делегации спрашивали меня, что я считаю более важным: образование ли в Англии последовательной, революционной, коммунистической партии или немедленную помощь рабочих масс в Англии делу мира с Россией. Я отвечал, что это дело убеждений. Искренние сторонники освобождения рабочих от ига капитала никак не могут быть против основания коммунистической партии, которая одна в состоянии воспитывать рабочие массы не по-буржуазному, не по-мещански, одна в состоянии действительно разоблачать, осмеивать, позорить «вождей», способных сомневаться в том, помогает ли Англия Польше и т. д. Нечего бояться, что в Англии будет слишком много коммунистов, ибо там нет даже маленькой коммунистической партии. Но если кто продолжает еще быть в идейном рабстве у буржуазии, продолжает разделять мещанские предрассудки насчет «демократии» (*буржуазной демократии*), пацифизма и пр., то, разумеется, такие люди не могут быть против пролетариату еще сильнее, если бы вздумали называть себя коммунистами и присоединяться к III Интернационалу. Такие люди не способны ни на что, кроме как на сладенькие «резюльюции» против интервенции, составленные из одних мещанских фраз. В известном смысле эти резолюции тоже полезны, — именно в том смысле, что старые «вожди» (сторонники буржуазной демократии, мирных методов и пр. и пр.) сделают себя смешными в глазах масс, разоблачат себя тем скорее, чем больше они проведут пустых, ни к чему не обязывающих, никакими революционными действиями не сопровождающихся резолюций. Каждому свое: пусть коммунисты работают прямо через свою партию над делом прояснения революционного сознания рабочих. Пусть те, кто поддерживал «защиту отечества» в войне империалистов из-за дела мира, «защиту» тайного договора английских капиталистов с дарем о грабеже Турции, пусть те, кто «не видит» помощи Польше и белогвардейцам в России со стороны Англии, пусть они скорее доводят до смешного числа количество своих «мирных резолюций»; тем скорее их постигнет судьба Керенского, меньшевиков и эсеров в России.

Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и меньшевистских рабочих и т. д. Я отвечал, что настоящие виновники террора — империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии и Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают

Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского, Врангеля. Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров, на сторону которых становятся эсеры, меньшевики, ничтожное число меньшевистских рабочих. Свобода печати и собраний в буржуазной демократии есть свобода заговора богачей против трудящихся, свобода подкупа газет и скупки их капиталистами. Я уже столько раз объяснял это в печати, что повторяться мне было не очень весело.

А через два дня после моей беседы с вашей делегацией газеты принесли известие, что в дополнение к аресту Монатта и Лорно во Франции арестована Сильвия Панкхерст в Англии. Вот — лучший ответ английского правительства на тот вопрос, который боялся даже поставить плененные буржуазными пред-рассудками некоммунистические «вожди» английских рабочих, именно на вопрос: против какого класса направляется террор? против угнетенных и эксплуатируемых или против угнетателей и эксплуататоров? идет ли речь о «свободе» для капиталистов грабить, обманывать, одурачивать трудящихся или о «свободе» трудящихся от ига капиталистов, спекулянтов, собственников? Тов. Сильвия Панкхерст — представитель интересов сотен и сотен миллионов людей, которые угнетены английскими и прочими капиталистами, за это она и подвергается белому террору, лишению свободы и прочее. Те же «вожди» рабочих, которые ведут политику некоммунистическую, на девяносто девять сотых являются представителями буржуазии, ее обмана, ее пред-рассудков.

В заключение еще раз благодарю вас, товарищи, за присылку к нам вашей делегации. Знакомство ее с Советской Россией, несмотря на всю враждебность многих к советской системе и к диктатуре пролетариата, несмотря на громадную плененность их буржуазными пред-рассудками, неизбежно ускорит крах капитализма во всем мире.

И. Ленин

30. V. 1920.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 124—128

БЕСЕДА
С ЯПОНСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ К. ФУСЭ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТ «ОСАКА МАЙНИТИ»
И «ТОКИО НИТИ-НИТИ»

Тов. Ленин встретил Фусэ словами, что очень рад его видеть и что, несмотря на все, что произошло за последние годы между Россией и Японией, и на то, что некоторые круги Японии все еще стоят на непримиримой позиции к Советской России, он все-таки смотрит на будущие отношения обеих стран оптимистически. Советское правительство признало независимость буферного государства и это, я надеюсь,— сказал Ленин,— в ближайшее время поможет восстановлению мира на Дальнем Востоке.

Фусэ, приступая к интервью, задал Ленину вопрос: «Осенью прошлого года Вы сказали, что трудности уже позади, разве Вы не предвидите впереди больше трудностей?»

И это говорил в том смысле, что мы самые большие трудности пережили; но, конечно, перед нами стоит еще много трудностей!

Вопрос Фусэ: «Вы говорили, что капитализму для перехода от феодализма понадобилось много лет, а потому социализму понадобится также много лет на переход от капитализма. Скажите, какой срок приблизительно на это понадобится?»

Трудно определить срок вообще; чтобы свергнуть старый строй — не надо много времени, но создавать новый строй в короткое время невозможно. Мы приступили к осуществлению плана электрификации промышленности и земледелия, без электрификации коммунистический строй неосуществим, а наш план электрификации составлен на срок в десять лет при самых благоприятных условиях. Вот это — наш минимальный срок для создания нового нашего строя.

Затем Ленин задал Фусэ ряд вопросов о земельных и классовых отношениях в Японии.

Что представляют в Японии помещики? Какое положение в Японии безземельного крестьянина? Существуют ли крестьянские организации? и т. д. Затем Ленин заинтересовался состоянием в Японии электрификации, народного образования, а также тем, как в Японии относятся к детям. Когда Фусэ сказал, что в Японии берегут детей больше, чем на Западе, Ленин за-

метил: это весьма важно, ведь в самых так называемых цивилизованных странах Европы, даже в Швейцарии, еще не совсем уничтожен, например, обычай бить детей в школах.

После этого Фусэ задал тов. Ленину снова ряд политических вопросов.

Фусэ: «Как Вы представляете себе добрососедские отношения между социалистическими и капиталистическими государствами?»

Наши условия о сожительстве с капиталистическими странами изложены подробно в проекте договора, который недавно американский представитель Буллит опубликовал в Вашингтоне. Эти условия очень невыгодны для нас, державы же Атланта из-за этого сделали предположение, что мы готовы на уступки, так как слабы, и начали интервенцию, в результате которой все они потерпели полное поражение. Мы разбили Колчака, Юденича и Деникина основательно.

Фусэ: «Где коммунизм может иметь больше шансов на успех, на Западе или на Востоке?»

Настоящий коммунизм может иметь успех пока только на Западе, однако ведь Запад живет на счет Востока; европейские империалистические державы наживаются главным образом на восточных колониях, но они в то же время вооружают и обучают свои колонии, как сражаться, и этим Запад сам роет себе яму на Востоке.

Фусэ: «Каковы ближайшие задачи Советского правительства?»

Во-первых, побить польских помещиков, во-вторых, добиться прочного мира, затем, в-третьих, развивать нашу хозяйственную жизнь.

Передано по телеграфу 4 июня 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 132—134

БЕСЕДА

С ЯПОНСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ Р. ИАКАХИРА, ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ «ОСАКА АСАХИ»

Не дожидаясь наших вопросов, Ленин заговорил сам. Коснувшись японо-русских отношений, Ленин выразил глубокое сожаление по поводу позиции Японии, которая не проявляет готовности пойти навстречу миролюбивым шагам рабоче-крестьянского правительства России. «Рабоче-крестьянское правительство, — отметил он, — именно потому, что оно придерживается

миролюбивых принципов, пошло на признание буферного государства на Дальнем Востоке⁵⁸».

Перейдя на другие темы, Ленин задал один за другим ряд вопросов: «1. Являются ли помещики в Японии господствующим классом? 2. Могут ли японские крестьяне свободно владеть землей? 3. Живет ли японский народ главным образом за счет внутренних ресурсов страны или Япония импортирует большое количество товаров из-за границы?».

Таким образом, Ленин дал нам ясно понять, что его глубоко интересует жизнь японского народа.

Затем Ленин задал такой интересный вопрос: «Я прочел в одной книге, что в Японии родители не бьют своих детей. Так ли это?». Мы ответили: «Исключения, конечно, бывают, но, как правило, у нас не бьют детей». Он с большим удовлетворением отметил, что один из принципов рабоче-крестьянского правительства тоже заключается в отмене телесного наказания детей.

Мы задали несколько вопросов о революции в России и о перспективах ее развития.

Кратко изложив историю русского революционного движения, Ленин сказал: «До революции русский рабочий класс и крестьянство подвергались невиданному в истории угнетению. В результате этого угнетения дух протеста народных масс все более усиливался и привел к революционному взрыву. Именно в этом и кроется причина того, что, несмотря на сравнительно слабую организованность низших слоев населения России и несмотря на низкий по сравнению с другими странами уровень грамотности, революционное движение все-таки не удалось подавить. Ныне русский рабочий класс и крестьянство имеют более чем двухгодичный опыт революции и прошли замечательную школу политической и социальной учебы. Опыт, накопленный в течение этих двух с половиной лет, вполне можно сопоставить с многовековым развитием».

Потом мы спросили: «Рабоче-крестьянская республика принципиально отказалась выплатить долги по займам царского правительства, однако она обещала по заключении мира с Эстонией выплатить ей большую сумму золотом. Чем это объяснить?».

Ленин широко улыбнулся и ответил: «Эстония благожелательно относится к рабоче-крестьянскому государству, и рабоче-крестьянское правительство в ответ на эту благожелательность дало обещание уплатить ей золотом». Затем он сказал: «Очень трудно иметь дело с имущими классами. Представители имущих классов по самой своей природе думают только об удовлетворении своей алчности к деньгам. Взять, например,

Америку. Америка предложила нашему рабоче-крестьянскому государству заключить мир. Но если внимательно изучить это предложение, то оказывается, оно носит с начала и до конца грабительский характер. Это для нас неприемлемо. Поэтому мы принципиально отказались от подписания такого мирного договора. Конечно, мы не хотим, чтобы за границей на нас смотрели как на слабое государство. Есть основания думать, что чем дольше страны Антанты будут отказываться от признания рабоче-крестьянского государства и будут пытаться осуществлять военную интервенцию в России, тем выгоднее это будет в конечном итоге для нас.

Большие перспективы открываются перед промышленностью России. Возьмем, к примеру, хотя бы энергетику. Если она будет развита до высокого уровня, мы сможем электрифицировать все отрасли хозяйства. Созидательные возможности коммунизма скоро дадут большой эффект в разрешении всех этих проблем и будет сделан такой гигантский шаг вперед, который можно сравнить с прогрессом, осуществляющимся в течение многих десятилетий».

Передано по телеграфу
6 июня 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 129—131

ТЕЗИСЫ КО II КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ⁵⁹

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ (для второго съезда коммунистического интернационала)

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для 2-го съезда Коминтерна, я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв или исправление или дополнение или конкретное пояснение *в самой краткой (не более 2—3 страничек) форме*, в особенности по следующим пунктам:

Австрийский опыт.

Польско-еврейский и украинский опыт.

Эльзас-Лотарингия и Бельгия.

Ирландия.

Датско-германские отношения. Итало-французские и итало-славянские.

Балканский опыт.

Восточные народы.

Борьба с панисламизмом.

Отношения на Кавказе.

Башкирская и Татарская республики

Киргизистан.

Туркестан, его опыт.

Негры в Америке.

Колонии.

Китай — Корея — Япония.

5. VI. 1920. *И. Ленин*

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные приципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 годов с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что Версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем Брест-Литовский договор германских юнкеров и кайзера. Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах мещански-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариата и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредотачиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвий-

ской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих по- вых, на базе советского строя и советского движения возникающих, федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутригосударственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы — все равно, признающие ли себя откровенно таковыми или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий — и с парламентской трибуны и вне ее — должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантий прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного, условия борьба про-

тив угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мешанинским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мешанинско-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях;

во-2-х, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах;

в-3-х, необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции халов, помещиков, мулл и т. п.;

в-4-х, необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях и отсталых странах вообще; в особенности необходимо направить все усилия, чтобы приложить основные начала советского строя к странам с господством докапиталистических отношений, путем создания «Советов трудящихся» и т. п.;

в-5-х, необходимость решительной борьбы с перекрапиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группированы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в-6-х, необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения перед самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых, стран того обмана, который систематически проводят империалистские державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства; в современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих

* В корректурном оттиске против 2-го и 3-го пунктов В. И. Ленин поставил фигурную скобку и написал: «2 и 3 соединить». *Ред.*

паций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—1919 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «права» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого, вполне законного, недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Написано в июне — июле 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 161—168

ИЗ ТЕЛЕФОНОГРАММЫ Л. Б. КАМЕНЕВУ

Каменеву

1. Надо обратить наибольшее внимание на то, чтобы собирать английскую литературу, посвященную доказательству того, что английской буржуазии выгоднее торговые соглашения с советскими республиками, чем бездоходные и даже разорительные попытки подавить их. Надо собирать такую литературу для нас и, кроме того, обсудить со знающими людьми, не следует ли добавочно нанять своего рода литературное бюро или агентуру для издания подобных брошюр, чтения докладов, рассылки их и т. н. Вы, конечно, знаете, с кем об этом надо в первую голову посоветоваться.

2. Через особых людей надо организовать систематический сбор, закупку, не жалея денег, и посылку нам в 5 экземплярах

книг, статей, брошюр, вырезок из газет, в особенности на английском языке, но также и на других по вопросам новейшей экономики. Как образец может служить книга Кейнса «Экономические последствия мира». Вот этого рода издания надо собирать систематически.

Продиктовано по телефону
17 июля 1920 г.

Полн. собр. соч., т. 51, с. 240—241

ИНТЕРВЬЮ ИНОСТРАННОМУ ЖУРНАЛИСТУ ⁶⁰

20 ИЮЛЯ 1920 ГОДА

Ленин сделал одному иностранному журналисту следующие заявления:

«Может быть, английское предложение это всего лишь клочок бумаги. Но может быть, оно способно привести к действительному миру на востоке Европы. Если английские дипломаты воображают, что они могут нас обмануть, то они совершают грубую ошибку: на каждое бумажное предложение мы ответим бумажным предложением и только на подлинные дела мы ответим делами. Английская политика не стабильна, она постоянно подвергается колебаниям. На одной стороне — Ллойд Джордж, на другой — Черчилль и между ними лорд Керзон ⁶¹, который хотел бы видеть Россию слабой. Однако рядом с ними стоит большая масса английского народа, с которой они должны считаться. И мы больше всего опираемся на эти массы. Мир между Англией и Россией находится в прямой зависимости от силы нашей Красной Армии и от стойкости английского пролетариата».

На вопрос, что думает Ленин об отношениях между союзниками, он ответил:

«Либо английские предложения являются макевром, либо существование знаменитой Антанты будет в дальнейшем невозможно. Сам факт, что Англия принимает «красные» деньги, принудит союзников делать то же самое. До сих пор Англия действовала самостоятельно, и следует предполагать, что ее политика прямо направлена против Франции. Договор с Персией был заключен без посредничества Лиги наций. Турецкая политика Англии противоречит интересам Франции и Италии. Наконец, английское предложение, сделанное Советской России, послано вопреки воле Франции. Если Франция будет дальше поддерживать Польшу, то это приведет к неизбежному спору с

Англией. Однако если она оставит Польшу на произвол судьбы, то потеряет последнего реального союзника против Германии».

Журналист также спросил Ленина: «Прекратят ли Коммунистический Интернационал зарубежную пропаганду в случае установления взаимопонимания между Россией и Англией?». Ленин ответил:

«Сам факт, что Советская Россия существует, является лучшей пропагандой коммунизма во всем мире».

Лен. сб. XXXVII, с. 228—229

ИНТЕРВЬЮ ЛУИЗЕ БРАЙАНТ ⁶²

[13 октября 1920]

В начале 1918 г. я говорил американцам, в частности полковнику Робинсу, что дружеское отношение к Советской России в интересах Соединенных Штатов. Уже тогда я указывал на желательность торговых отношений — как с нашей точки зрения, так и с точки зрения Америки. Мы предложили концессии иностранному капиталу. Американские бизнесмены, которые сейчас приезжают в Москву, согласны с нами. Независимо от всех политических вопросов, остается в силе тот простой факт, что Америке нужно наше сырье, а нам нужны американские товары.

Американские капиталисты превосходно знают, что им нужно. Они знают о предстоящей борьбе с Японией за господство на Тихом океане, они понимают, что в борьбе за преобладание на мировом рынке Америка должна будет бросить вызов Англии. Нравится это им или нет, Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу.

Лидеры Республиканской партии, по-видимому, понимают, что период изоляции от европейских дел миновал. Очевидно, что ни одна страна не может играть такую роль, не используя огромные, неразработанные запасы сырья, предлагаемые Советской Россией, которая, в свою очередь, может покупать в неограниченном количестве готовые изделия. После мировой войны Советская Россия остается единственной платежеспособной европейской державой.

Г-н Колби⁶³ говорит итальянскому правительству, что мы не выполним наших соглашений, но г-ну Колби, по-моему, надо бы взвесить осторожнее свои слова. Он не сможет привести ни одного примера, ни единого факта нарушения нами своих обязательств. А пример Буллита? Разве он не привозил нам обязательства американского правительства? Разве Мг. Keynes⁶⁴ и другие не большевики не дали оценку обязательствам Вильсона?

Лен. сб. XXXVII, с. 254—255

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б)

20—22 НОЯБРЯ 1920 г.

НАШЕ ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ

из речи 21 ноября

(Аплодисменты.) Товарищи! По вопросу о международном положении Советской республики, естественное дело, приходится говорить больше всего в связи с польской войной и ликвидацией Врангеля. Я думаю, что на собрании партийных работников, которые, конечно, следили за партийной прессой и не раз слышали основные доклады по этому вопросу, мне нет надобности и неуместно будет говорить подробно о деталях всей этой истории и о каждом отдельном повороте истории польской войны, о характере наших наступлений, о значении поражения под Варшавой. Я предполагаю, что с этой стороны большинству товарищей вопрос уже представляется настолько знакомым, что мне пришлось бы повторяться, и этим товарища были бы только недовольны. Я поэтому об истории отдельных эпизодов и поворотов нашей польской войны говорить не буду. Остановлюсь лишь на том итоге, который получился сейчас.

После блестящих побед Красной Армии летом и после громадного поражения под Варшавой, после заключенного с Польшей предварительного мира, который сейчас как раз в Риге превращается или должен превратиться в мир окончательный, шансы на то, что этот предварительный мир будет действительно миром окончательным, возросли в громадной степени, возросли благодаря разгрому Врангеля. Теперь, когда этот разгром определен, империалистическая пресса Антанты начинает

раскрывать карты и признаваться в том, что больше всего ею до сих пор скрывалось.

Я не знаю, обратили ли вы свое внимание на маленькую заметку, попавшую в газеты сегодня или на днях, о том, что главный орган французской империалистической буржуазии, французская газета «Время» («Temps»), пишет теперь о заключении польского мира вопреки советам Франции. Нет сомнения, что здесь высказана представителями буржуазии такая правда, которую ей больше всего хотелось бы скрыть и которую в течение очень долгого времени скрыть пытались. Нам удалось, несмотря на невыгодные условия польского мира (хотя они выгоднее тех, которые мы сами в апреле текущего года предлагали польским помещикам, чтобы избежать всякой войны), а невыгодны они с точки зрения того, что можно было бы достигнуть, если бы не было чрезвычайно тяжелого положения под Варшавой, получить все же такие условия, которыми срывается громадная часть общепериалистического плана. Французская буржуазия признается теперь, что она настаивала на продолжении войны Польшей, что высказывалась против заключения мира, опасаясь разгрома Врангеля и желая поддержать новую интервенцию и поход против Советской республики. Несмотря на то, что условия польского империализма толкают и толкали на войну с Россией, несмотря на это, план французских империалистов потерпел крушение, и в результате мы получаем теперь уже нечто более существенное, чем простую передышку.

В течение минувших трех лет Польша, из числа входивших раньше в состав бывшей Российской империи мелких государств, принадлежала к числу тех, которые больше всего враждовали с великорусской национальностью и которые больше всего имели претензий на большую часть территорий, не населенных поляками. Мир с Финляндией, Эстонией⁶⁵ и Латвией был нами заключен тоже вопреки желанию империалистической Антанты, но этого было легче достигнуть потому, что в Финляндии, Эстонии и Латвии у буржуазии не было своих собственных империалистических целей, из-за которых борьба против Советской республики казалась необходимой, тогда как стремления польской буржуазной республики направлялись не только на Литву и Белоруссию, но и на Украину. Кроме того, ее толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой и которая сейчас противопоставляется великой державе — России. Эту старую вековую борьбу Польша не может оставить и в настоящее время. Вот почему Польша проявила гораздо больше воин-

ственности и больше упорства в своих военных планах против нашей республики, и вот почему сейчас наш успех в заключении мира, вопреки Антанте, представляется более серьезным. Если на какую-нибудь из держав, сохраняющих буржуазный строй, граничащих с Россией, может рассчитывать Антанта в длительно составленном плане военного вмешательства, то только на Польшу, почему сейчас при общей ненависти буржуазных государств к Советской власти все видят непосредственный интерес во владении польскими помещиками восточной Галицией.

Дальше, Польша претендует на Украину и Литву. Это придает походу особенно острый и упорный характер. Военное снабжение Польши, естественное дело, представляло главный предмет забот Франции и других держав, и количество сумм, которые на это предоставлялись, не поддается никакому учету. Поэтому особенно велико значение победы, которую в конечном итоге одержала Красная Армия, несмотря на поражение под Варшавой, так как она поставила Польшу в такое положение, что она не имеет совершенно сил продолжать войну. Она должна была пойти на мир, который ей дал меньше, чем то, что мы предлагали в апреле 1920 года, перед польским наступлением, когда мы, не желая отрываться от работ хозяйственного строительства, предлагали границы в высшей степени нам невыгодные. Тогда пресса мелкобуржуазных патриотов, к которым принадлежат и наши эсеры и меньшевики, обвиняла большевиков в примиренчестве и почти в толстовском отношении, проявленном Советской властью. Она называла толстовским отношением то, что мы соглашались на мир по тогдашней линии Пилсудского, по линии, по которой Минск оставался в руках Польши, а граница проходила верст на 50, а местами верст на 100 восточнее той, которая установлена теперь. Но, конечно, мне нет надобности перед собранием партийных работников останавливаться на том, почему мы соглашались и должны были соглашаться на худшие границы, если бы, действительно, наша хозяйственная работа не была прервана. В результате получилось то, что Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала войной крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков. Общее буржуазное положение Польши сделалось до такой степени неустойчивым, что и речи быть не могло о продолжении войны.

Успехи, достигнутые в этом отношении Советской властью, являются громадными...

Нечего и доказывать, что о сравнении военных сил РСФСР с военными силами всех капиталистических держав и речи быть не может. В этом отношении мы в десятки и сотни раз слабее их, тем не менее, после трехлетней войны мы принудили почти все эти государства отказаться от мысли дальнейшего вмешательства. Значит, то, что три года тому назад в обстановке еще не конченной империалистической войны нам представлялось возможным, а именно — длительная затяжка положения, не решенная окончательно ни в ту, ни в другую сторону, — произошло. Но произошло это по какой причине? Это произошло не по той причине, чтобы мы оказались в военном отношении сильнее, а Антанта слабее, а причина та, что усиленно шло все время внутреннее разложение в государствах Антанты, а у нас, напротив, шло внутреннее укрепление, и война служит подтверждением, доказательством этого. Своими собственными войсками Антанта воевать против нас не могла. Рабочие и крестьяне в капиталистических государствах не могли быть принуждены воевать против нас. Из империалистической войны буржуазные государства успели выйти буржуазными. Они успели этот кризис, который висел над ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, но в основе они подорвали свое положение так, что при всех своих гигантских военных силах должны были признаться через три года в том, что они не в состоянии раздавить почти не имеющую никаких военных сил Советскую республику. Таким образом, вышло, что в основе во всем подтвердилась наша политика и наше предсказание, и союзниками нашими оказались действительно угнетенные массы в любом капиталистическом государстве, ибо эти массы сорвали войну. Мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, единственной и прочной победы для нас, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование.

Таким образом, бросая взгляд в целом на наше международное положение, мы видим, что мы достигли громадных успехов, что мы имеем не только передышку, а нечто гораздо более серьезное. Передышкой у нас принято называть краткий промежуток времени, в течение которого для империалистических держав много раз имелась возможность возобновить более сильную попытку войны с нами. Мы сейчас также не позволяем себе увлекаться и отрицать возможность военного вмешательства в наши дела капиталистических стран в будущем. Поддерживать нашу боевую готовность нам необходимо. Но если мы взглянем

на те условия, при которых мы разбили все попытки русской контрреволюции и добились формального заключения мира со всеми государствами Запада, то станет ясно, что мы имеем не только передышку, — мы имеем полную полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоено. Внутренние условия не позволили ни одному сильному капиталистическому государству бросить на Россию свои армии; в этом сказалось то, что внутри этих стран революция созрела и не дает им возможности победить нас с той поспешностью, с которой они могли бы это сделать. В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами. И если нам удалось удержать это нападение, то лишь разложением во французских войсках, начавшимся брожением у англичан и японцев. Вот этой разницей империалистических интересов мы пользовались все время. Если мы победили интервенцию, то только потому, что их собственные интересы их раскалывали, а нас сплачивали и укрепляли. Мы этим обеспечили передышку и невозможность полной победы германского империализма в эпоху Брестского мира.

Теперь, за последнее время эта рознь еще более усилилась, в особенности в связи с проектом заключения договора о концессии с группой американских капиталистических акул, из самых свирепых, возглавляемых миллиардером, рассчитывающим собрать целую группу миллиардеров⁶⁶. Мы знаем, что теперь нет почти ни одного сообщения с Дальнего Востока, которое не свидетельствовало бы, что в Японии царит чрезвычайное озлобление в связи с заключением этого договора, хотя этого договора еще нет, а есть только проект его. Но японское общественное мнение уже закипело, и сегодня я читал сообщение, которое говорит, что Япония обвиняет Советскую Россию в том, что она хочет натравить Японию на Америку.

Мы правильно учли эту напряженность империалистического соревнования и сказали себе, что мы должны систематически использовать рознь между ними, чтобы затруднить борьбу против нас. Политический разлад есть уже палица в отношениях между Англией и Францией. Теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на более долгое время. На самом деле мы до сих пор еще не имели никакой базы в международном отношении. Теперь мы эту базу имеем, и причиной ее является отношение мелких держав, которые находятся в

полной зависимости от крупных держав и в военном и в экономическом отношениях. Теперь оказывается, что Польша, вопреки давлению Франции, заключила с нами мир. Ненависть к Советской власти со стороны польских капиталистов очень сильна; они с неслыханной свирепостью подавляют самые простые забастовки. Желание войны с Советской Россией у них самое сильное, но, тем не менее, они все-таки предпочитают мир с нами исполнению условий Апанты. Мы видим, что империалистические державы господствуют над всем миром, но что в то же время они представляют собой ничтожную часть населения земли. И тот факт, что явилась страна, которая в течение трех лет сопротивляется всемирному империализму, значительно изменил международное положение во всем мире, и поэтому все мелкие державы, а они составляют большинство населения земли, тяготеют за мир с нами.

Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступит в торговые сношения со странами капиталистическими.

Мне случилось видеть, как один социал-шовинист американский, приближающийся к нашим правым эсерам и меньшевикам, один из деятелей II Интернационала, член Американской социалистической партии Спарго, нечто вроде американского Алексинского, который пишет целую кучу книг против большевиков, как он ставил нам в вину и в доказательство полного краха коммунизма то, что мы говорим о сделках с капиталистическими державами. Он писал: лучшего доказательства полного краха коммунизма и провала его программы я не могу себе представить. Мне кажется, те, кто подумают над делом, скажут обратное. Лучшего доказательства и материальной и моральной победы Российской Советской республики над капиталистами всего мира нельзя и подыскать, как то, что державы, ополчившиеся на нас войной и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас. Выставить это, как доказательство краха коммунизма, можно было бы, если бы мы обещали или мечтали силами одной России переделать весь мир. Но до такого сумасшествия мы никогда не доходили, а всегда говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднявшуюся против нас, по все же и этим они оказали нам помощь.

Я не буду больше останавливаться на этом вопросе, только замечу, что на Кавказе сейчас сплетаются очень сложные

условия, разобраться в которых в высшей степени пелегко, причем война может быть нам навязана даже со дня на день. Но эта война, при условии почти обеспеченного мира с Польшей и при полной ликвидации Врангеля, не может быть очень страшна, а если бы ее нам навязали, то она нам обещает еще большее усиление и укрепление нашего положения, чем прежде. Газетные сообщения о том, что делается в Армении, в Турции, дают вам некоторое представление об этом⁶⁷. Создается положение чрезвычайно запутанное, но я совершенно уверен, что из него мы выйдем, либо сохранив мир на основе теперешней и, конечно, очень для нас в некоторых отношениях выгодной, на основе, нас удовлетворяющей, дающей возможность хозяйственного существования. И к этому мы прилагаем все усилия. Но возможно, что обстоятельства прямо навяжут войну или косвенно подведут к ней. Мы можем смотреть на это совершенно спокойно — это будет война на далекой окраине, с полным перевесом сил на нашей стороне, обеспечивающим, вероятно, даже больший выигрыш, чем тот, который получился от польской войны. Польская война была войной на два фронта, с угрозой Врангеля, войной, которую нельзя было назвать окраинной, потому что линия Пилсудского проходила не в очень далеком расстоянии от Москвы. На этом я заканчиваю обзор международного положения.

*Полн. собр. соч., т. 42, с. 17—20,
21—25*

СОБРАНИЕ АКТИВА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б)

6 ДЕКАБРЯ 1920 г.

ИЗ ДОКЛАДА О КОНЦЕССИЯХ

Теперь я перехожу к экономике. Когда мы затронули Германию, тут мы уже подошли к экономике. Германия экономически не может существовать после Версальского мира, и не только одна Германия, но и все побежденные страны, как Австро-Венгрия в бывших ее размерах, хотя часть из нее попала в победившие государства, но существовать при Версальском договоре она не может. В средней Европе это — крупнейшее объединение с гигантской экономической и технической мощностью. С экономической точки зрения все они нужны для восстановления

ния мирового хозяйства. Если внимательно прочитать и еще раз прочитать декрет от 23 ноября о концессиях, вы увидите, что мы подчеркиваем значение мирового хозяйства и делаем это умышленно. Это неоспоримо правильная точка зрения. Для восстановления всемирного хозяйства нужно использовать русское сырье. Без этого использования обойтись нельзя, это экономически верно. Это признает чистейший буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу «Экономические последствия мира». И Вандерлип, который объехал всю Европу, как финансовый магнат, и он признает, что нельзя возобновить хозяйство, потому что сырья оказалось мало во всем мире, так как его расхитила война. Он говорит, что надо опереться на Россию. И вот Россия выступает теперь на весь мир, она заявляет: мы беремся восстанавливать международное хозяйство — вот наш план. Это экономически правильно. Советская власть за это время окрепла и не только окрепла сама, но выступает с планом восстановления всего мирового хозяйства. Связь международного хозяйства с планом электрификации поставлена научно правильно. Мы своим планом привлекаем наверняка не только сочувствие всех рабочих, но и разумных капиталистов, независимо от того, что для них «эти ужасные большевики-террористы» и т. д.; поэтому наш экономический план верен, и вся мелкобуржуазная демократия, читая этот план, будет колебаться в нашу сторону, ибо империалисты уже передрались, а здесь выдвигается план, против которого техники и экономисты ничего не могут возразить. Мы переходим к области экономики и предлагаем положительную программу строительства перед всем миром, развиваем те перспективы, которые построены на экономических началах и которые Россия рассматривает не как эгоистический центр, разрушающий все остальные хозяйства, хозяйства других стран, как было это раньше, а Россия, которая предлагает восстанавливать хозяйства с точки зрения всего мира.

Мы переносим вопрос в антикапиталистическую плоскость. Мы выступаем и говорим, — мы беремся весь мир построить на рациональных экономических основах, а что это правильно — нет сомнения. Нет сомнения, что, если как следует взяться работать с современными машинами, при помощи науки можно восстановить немедленно все мировое хозяйство.

Тут мы осуществляем своего рода производственную пропаганду, когда мы говорим хозяевам: «Вы никуда не годны, господа капиталисты; пока вы разоряетесь, мы по-своему строим, не пора ли поэтому, господа, с нами согласиться». На что все

капиталисты всего мира должны отвечать, хотя и почесывался: «А пожалуй, пора, давайте подписывать торговый договор».

Англичане написали уже один проект и прислали нам⁶⁸. Он обсуждается, и тут наступает новая пора. Они уже осеклись в войне и должны воевать теперь в области экономической. Нам это вполне понятно. Мы и не мечтали о том, что вот — мы повоевали, и наступит мир, и социалистический телепок рядом с капиталистическим волком обнимутся. Нет. То, что вы должны повоевать с нами в области экономики, это огромный прогресс. Мы выдвинули перед вами всемирную программу, рассматривая концессию с точки зрения мирового народного хозяйства. Это экономически бесспорно. Ни один инженер, ни один агроном, ставящий вопрос о народном хозяйстве, не сможет этого отвергнуть. И многие капиталисты говорят: «Без России не будет прочной системы капиталистических государств», но мы выступаем с такой программой в качестве строителей всемирного хозяйства по другому плану... На съезде III, Коммунистического Интернационала я говорил, что весь мир делится на угнетенные нации и господствующие нации. Угнетенных наций не меньше 70% всего населения земли. Версальский мир сотню или 150 миллионов людей прибавил к ним.

Мы, действительно, выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов. Недавно вышел журнал Коммунистического Интернационала под заглавием «Народы Востока». Коммунистический Интернационал издал для народов Востока такой лозунг: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!». Кто-то из товарищей спрашивал: «Когда же Исполком распоряжался, чтобы менять лозунги». Я действительно этого не могу припомнить. Конечно, с точки зрения «Коммунистического Манифеста» это неверно, но «Коммунистический Манифест» писался при совершенно других условиях, но с точки зрения теперешней политики это верно. Отношения обострились. Вся Германия кипит, вся Азия кипит. Вы читали, как в Индии складывается революционное движение. В Китае бешеная ненависть к японцам, то же к американцам. В Германии такая kloкочущая ненависть к Антанте, которая будет понятна только тогда, если посмотреть на ненависть германских рабочих к своим капиталистам; они сделали в результате из России прямого представителя всей массы угнетенного населения земли; народы приучаются ходом вещей смотреть на Россию, как на центр притяжения. Недавно меньшевистская газета в Грузии писала: «Есть две силы на земле: Антанта и Советская Россия». Что такое меньшевики? Это — люди, которые держат

нос по ветру. Когда мы были в международном отношении слабы, они кричали: «Долой большевиков». Когда мы начали усиливаться, они кричали: «Мы — нейтральны». Когда мы врагов отбили, они говорят: «Да, тут две силы».

В декрете о концессиях мы выступаем от имени всего человечества с экономически безупречной программой восстановления экономических сил мира на почве использования всего сырья, где бы оно ни было. Нам важно, чтобы голода нигде не было. Вы, капиталисты, устранить его не умеете, а мы умеем. Мы выступаем как представители 70% населения земли. Это окажет свое действие. Как бы дело с проектом ни сложилось, он остается экономически беспроигрышным. Экономическая сторона концессии имеет значение независимо от того даже, будет ли она заключена или нет.

Как видите, мне пришлось делать очень большое предисловие и доказывать выгоды концессий. Конечно, концессии важны нам и в смысле получения продуктов. Это бесспорно верно, но главная суть заключается в политических отношениях. К съезду Советов вы получите том, содержащий 600 страниц, это — план электрификации России. План этот продуман лучшими агрономами и инженерами. Ускорить проведение его в жизнь без помощи иностранного капитала и средств производства мы не можем. Но, чтобы получить помощь, надо заплатить. Мы до сих пор с капиталистами воевали, и они нам говорили: либо мы вас задавим, либо мы вас заставим уплатить 20 миллиардов. Но они нас задавить не в состоянии, и долгов мы им не заплатим. Пока что мы имеем некоторую отсрочку. Пока мы нуждаемся в экономической помощи, мы согласны вам платить, такова постановка вопроса и всякая иная будет экономически беспочвенна. Россия промышленно разорена, и, по сравнению с довоенным положением, оно ухудшилось до одной десятой, если не ниже. Если бы три года тому назад нам сказали, что мы три года будем воевать со всем капиталистическим миром, мы бы не поверили. Теперь же нам скажут: но восстановить экономически, имея одну десятую довоенного народного богатства, это еще более трудная задача. Действительно, это труднее, чем воевать. Воевать можно было при помощи воодушевления рабочих масс и крестьян, которые защищались от помещиков. Теперь же нет защиты от помещиков, теперь восстановление хозяйства на необычных для крестьян условиях. Здесь победа не в увлечении, натиске, самопожертвовании, а в ежедневной, скучной, мелкой, будничной работе. Это дело неоспоримо более трудное. Откуда взять те средства производства, которые нужны. Для того, чтобы привлечь американцев, им

пужно заплатить: опи люди торговые. А чем мы заплатим? Золотом? Но золото мы не можем разбрасывать. Золота у нас осталось пемного. Мы даже программу электрификации золотом покрыть не можем. Инженер, который программу определял, считал, что пужно не менее, чем миллиард и одна десятая золотом, чтобы осуществить программу электрификации. Такого золотого фонда у нас нет. Давать сырьем пельзя, потому что мы своих еще не всех накормили. Когда в Совнаркоме встает вопрос, чтобы дать 100 000 пудов хлеба итальянцам, встает Наркомпрод и отказывает. Мы торгуемся из-за каждого поезда хлеба. Без хлеба нельзя развивать внешней торговли. Но что же мы дадим? Хлам? Хлама у них своего много. Говорят, давайте хлебом будем торговать, а мы хлеба дать не можем. Поэтому мы решаем задачу при помощи концессий.

Я перехожу к следующему пункту. Концессия порождает новые опасности. Я указываю на то, что сказал в начале своей речи, а именно, что слышится крик из низов, из рабочих масс: «Не давайте капиталистам, это народ умный, ловкий». Это приятно слышать, потому что видишь, как растет громадная масса, которая с капиталистами будет бороться до зубов. В статьях тов. Степанова, которые он рассчитал педагогически (сначала все доводы против концессий приведу, а потом скажу, что надо их принимать, но некоторые читатели, пока дойдут до хорошей части, как бы не бросили читать, убедившись, что концессии не нужны), есть верные мысли, но, когда он говорит, что не нужно концессий давать Англии, потому что придет Локкарт, я не согласен. Мы сладили с ним тогда, когда ЧК была учреждением возникающим, не имеющим солидности, которую она имеет теперь. И, если после трех лет войны мы не сумеем поймать шпииков, тогда надо сказать, что таким людям печего браться управлять государством. Мы решаем задачи неизмеримо более трудные. Например, сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим.

Говорить после этого, что иностранцы, которые будут приписаны к определенным концессиям, нам опасны, или чтобы мы не сумели уследить за ними, смешно. Незачем было огород городить, незачем было браться управлять государством. Здесь — задача чисто организационная, на которой не стоит долго останавливаться.

Но, конечно, было бы величайшей ошибкой думать, что концессии означают мир. Ничего подобного. Концессии — это не что иное, как новая форма войны...

Война оружием и танками заменяется войной экономической. Правда, и она таит в себе новые трудности и новые опасности. Но я уверен, что мы из них выйдем. Я убежден, что, при такой постановке вопроса о концессиях, мы гигантское большинство партийных товарищей убедим легко, что концессии необходимы, а тот инстинктивный страх, о котором я говорил, есть полезный и здоровый страх, который мы превратим в движущую силу, которая даст нам более быструю победу в предстоящей экономической войне.

Полн. собр. соч., т. 42, с. 69—74,
78

VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

22—29 ДЕКАБРЯ 1920 г.

ИЗ ДОКЛАДА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ 22 ДЕКАБРЯ

Вы все знаете, конечно, как навязали нам польские помещики и капиталисты войну под давлением и патиском капиталистических стран Западной Европы, и не только одной Западной Европы. Вы знаете, как мы в апреле текущего года предлагали мир польскому правительству на условиях, несравненно более выгодных для него, чем теперешние, и только под давлением крайней необходимости, после полных неудач наших переговоров о перемирии с Польшей, мы вынуждены были пойти на войну, которая, несмотря на крайне тяжелое поражение, понесенное нашими войсками под Варшавой в силу несомненного переутомления их войной, кончилась, однако, миром для нас более выгодным, чем тот, который мы предлагали Польше в апреле. Предварительный мир с Польшей подписан, и сейчас имеют место переговоры о подписании окончательного мира. Мы не скрываем от себя несколько той опасности, которая состоит в давлении некоторых из наиболее упорных капиталистических стран, а также в давлении определенных кругов русских бело-гвардейцев, с целью не дать этим переговорам окончиться миром. Но мы должны сказать, что политика Антанты, направленная на военное вмешательство и военное подавление Советской

власти, терпит все более и более крах, и все большее и большее число государств, стоящих безусловно на враждебной по отношению к Советской власти платформе, мы перетягиваем на сторону нашей политики мира. Число государств, подписавших мирный договор, увеличивается, и есть большая вероятность, что в ближайшее время окончательный мирный договор с Польшей будет подписан, и таким образом будет нанесен еще один серьезнейший удар союзу капиталистических сил, пытающихся вырвать у нас власть военным путем.

Товарищи, вы знаете, конечно, также, что временные неуспехи наши в войне с Польшей и тяжесть нашего положения в некоторые моменты войны зависели от того, что мы должны были бороться против Врангеля, официально признанного одной империалистической державой⁶⁹ и получавшего колоссальные средства материальной, военной и иной помощи. И мы должны были, чтобы закончить войну как можно скорее, прибегнуть к быстрому сосредоточению войск, чтобы нанести Врангелю решительный удар. Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной.

Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся. Но, разумеется, мы должны быть начеку. Мы ни в коем случае не можем сказать, что от войны мы уже гарантированы. И этот недостаток гарантии состоит вовсе не в том, что у нас нет еще формальных мирных договоров. Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятались не очень далеко и находятся под охраной и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию.

Поэтому военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны

сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность. Этому, конечно, не помешает освобождение известной части армии и быстрая ее демобилизация. Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу.

И мы уверены, что все соседние государства, которые много потеряли уже из-за поддержки против нас белогвардейских заговоров, достаточно учли непререкаемый урок опыта и оценили по-настоящему нашу примирительность, которую все толковали как нашу слабость. Они должны были убедиться после трех лет опыта, что, когда мы проявляем самое устойчивое и мирное настроение, мы в то же время в военном отношении являемся готовыми. И всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получают в результате и после войны. Это доказано по отношению к нескольким государствам. И это есть наше завоевание, от которого мы не откажемся и которого ни одна из окружающих нас или находящихся в политическом соприкосновении с Россией держав не забудет. Благодаря этому у нас непрерывно улучшаются отношения с соседними государствами. Вы знаете, что мир окончательно подписан с целым рядом находящихся на западных границах России государств, входивших прежде в состав бывшей Российской империи и получивших от Советской власти безоговорочное, согласно основным принципам нашей политики, признание их независимости, их суверенности. Мир на этих основах имеет все шансы быть более прочным, чем того желали бы капиталисты и некоторые из западноевропейских государств.

По отношению к латвийскому правительству я должен сказать, что одно время нам грозило как будто бы ухудшение отношений, доходившее даже до возможности возникновения мысли о прекращении дипломатических отношений. Но как раз последний доклад нашего представителя в Латвии указывает на то, что произошла уже перемена политики, устранены многие из недоразумений и законных поводов к недовольству. Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией, которая при товарообме-

не с Западной Европой, понятное дело, будет еще более полезной для нас, чем Эстония и другие граничащие с РСФСР государства.

Я должен также отметить, товарищи, что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи. Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян. Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики.

Мы можем приветствовать также предстоящее подписание договора с Персией⁷⁰, дружественные отношения с которой обеспечены в силу совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от гнета империализма.

Мы должны отметить также, что дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном и еще более с Турцией. По отношению к последней державе страны Антанты делали все с их стороны для того, чтобы сделать невозможными сколько-нибудь нормальные отношения между Турцией и западноевропейскими странами. Это обстоятельство, в связи с упрочением Советской власти, все более и более обеспечивает то, что, несмотря на все противодействие и все интриги буржуазии, несмотря на сохранение буржуазных стран вокруг России, — союз и дружественные отношения России с угнетенными восточными нациями укрепляются, ибо главнейший во всей политике факт есть империалистическое насилие в отношении к народам, которые не имели счастья попасть в число победителей, и эта мировая политика империализма вызывает сближение, союз и дружбу всех угнетенных народов. И успех, которого мы достигли в этом отношении и на Западе по отношению к государствам более европеизированным, показывает, что настоящие основы нашей внешней политики правильны и что улучшение нашего международного положения стоит на прочной базе. Мы уверены, что при продолжении с нашей стороны политики миролюбия, при уступках, которые мы сделаем (а мы должны их делать, чтобы избежать войны), не-

смотря на все интриги и замыслы империалистов, которые, конечно, смогут всегда поспорить то или иное государство с нами, несмотря на все это, основная линия нашей политики и основные интересы, вытекающие из самой сущности империалистической политики, берут свое и все более и более заставляют теснее связываться РСФСР с растущим вокруг нее числом соседних государств. А это — залог того, что мы делу хозяйственного строительства сможем отдать коренным образом, сможем работать спокойно, твердо и уверенно более продолжительное время.

Я должен сказать также, что в настоящее время происходят переговоры с Англией о подписании торгового соглашения. К сожалению, эти переговоры затягиваются гораздо дольше, чем мы бы этого желали, по мы в этом отношении абсолютно непоколебимы. Еще в июле, когда английское правительство в момент наибольшего успеха советских войск официально нам предложило текст соглашения, обеспечивающего возможность торговых сношений, мы ответили полным согласием, но с тех пор борьба течений в английском правительстве и английском государстве затормозила это дело. Мы видим колебания английского правительства, угрозы порвать совсем с нами сношения, немедленно послать флот на Петроград. Мы это видели, но мы видели в то же время, как вся Англия покрывалась в ответ на эту угрозу «Комитетами действия». Мы видели, как наиболее крайние сторонники оппортунистического направления и их вожди под давлением рабочих должны были стать на этот путь совершенно «неконституционной» политики, которую они сами осуждали вчера. Оказалось, что сила давления и сознательности трудящихся масс, вопреки всем меньшевистским предрассудкам, до сих пор господствовавшим в английском профессиональном движении, настолько проложила себе дорогу, что обламывала острие у воинственной политики империалистов. И сейчас, продолжая мирную политику, мы стоим на почве того июльского проекта, который предложен английским правительством. Мы готовы подписать торговое соглашение немедленно, а если оно до сих пор не подписано, то вина исключительно на тех течениях и веяниях в английских правящих кругах, которые хотят сорвать торговое соглашение, которые хотят, вопреки воле большинства не только рабочих, но даже вопреки воле большинства английской буржуазии, еще раз иметь развязанные руки для нападения на Советскую Россию. Это их дело.

Чем дольше такая политика будет продолжаться в некоторых влиятельных кругах Англии, в кругах финансового капитала и империалистов, тем больше она обостряет финансовое

положение, тем больше она оттягивает полусоглашение, которое теперь необходимо между буржуазной Англией и Советской республикой, тем больше она приближает империалистов к тому, что они должны будут принять потом не полусоглашение, а полное соглашение.

Товарищи, я должен сказать, что в связи с этим торговым соглашением с Англией стоит вопрос, который является одним из крупнейших в нашей экономической политике, — это вопрос о концессиях. К числу важнейших законов, которые были приняты Советской властью за отчетное время, принадлежит закон 23 ноября текущего года — о концессиях. Вы все знакомы, конечно, с текстом этого закона. Вы все знаете, что мы теперь опубликовали дополнительные материалы, которые могли бы всем членам съезда Советов дать наибольшее осведомление по этому вопросу. Мы опубликовали отдельную брошюру не только с текстом этого декрета, но и перечень главнейших объектов концессий, именно — продовольственных, лесных и горных. Мы приняли меры к тому, чтобы опубликование текста этого декрета как можно скорее попало в западноевропейские государства, и мы надеемся, что наша политика концессий будет успешна и с практической стороны. Мы несколько от себя не скрываем опасностей, которые с этой политикой связаны в социалистической Советской республике, и притом в стране слабой и отсталой. Пока наша Советская республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, — остаются и опасности, и от них никуда не убежишь. Нам надо только прочно стоять, чтобы их пережить, уметь отличать опасности большего значения от опасностей меньшего значения и предпочитать менее значительные другим...

Нужно сделать максимум того, что возможно для быстрого восстановления торговых отношений. И они, эти переговоры, идут сейчас полуполюгально. Мы заказываем паровозы, машины далеко не в достаточном числе, но мы начали их заказывать. Если мы будем вести переговоры легально, мы разовьем эти возможности в громадных размерах. При помощи промышленности мы добьемся многого, и притом в более короткий срок, но даже и при большом успехе этот срок измеряется годами, рядом лет. Надо помнить, что если мы сейчас одержали военную победу, получили мир, то, с другой стороны, история учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались

ипаче, как в ряде войн. И этого урока мы не забудем. Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Поэтому прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя. И не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов, лишь бы добиться этого восстановления.

*Полн. собр. соч., т. 42, с. 128—135,
136—137*

ТЕЛЕГРАММА МУСТАФЕ КЕМАЛЮ ⁷¹

Председателю Великого национального
собрания Турции Мустафе Кемалю

Седьмого января.

Мы с радостью получили Ваше сообщение по поводу провозглашения автономии горцев. Из Вашего сообщения Советское правительство смогло убедиться, что политика Советской России в отношении наций, входящих в Российскую Федерацию, пользуется Вашим сочувствием. Советская Россия предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик, согласно принципу права каждого народа на самоопределение. Только этот принцип позволяет установить братские отношения, основанные на взаимопонимании и взаимном доверии, которые существуют между всеми нациями, входящими в Советскую Россию. Только такая политика укрепляет и объединяет все нации России в одну великую могучую семью, способную бороться против окружающих нас бесчисленных врагов. Образую одно великое целое, мы не только отражаем непосредственные атаки наших врагов, но, помимо этого, делаемся неуязвимыми против всякого рода интриг, к которым прибегают наши общие противники. Я рад констатировать, что меры, принимаемые нами в отношении малых наций, правильно истолкованы Вами и встречают с Вашей стороны прием, который может только благоприятствовать установлению хорошего взаимопонимания и взаимного доверия.

Позвольте мне выразить Вам еще раз нашу благодарность за Ваше сообщение, а также наши самые искренние пожелания

турецкому народу и его правительству, которые с несокрушимой энергией борются за независимость и процветание своей страны.

Ленин

Написано 7 января 1921 г.

Полн. собр. соч., т. 52, с. 301—302

ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ
ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА
РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ
28 ФЕВРАЛЯ 1921 г.

(Продолжительные аплодисменты.) Прежде чем перейти к вопросу о внутреннем положении, вызывающем, естественно, и большой интерес, и большие тревоги, — позвольте мне коротко коснуться только главных повинок в области международной. Таких повинок, чтобы быть кратким, я отмечу только три: первая, это — та, что у нас началась конференция с турецкими делегатами здесь в Москве⁷². Этот факт в особенности надо приветствовать, потому что препятствий к непосредственному ведению переговоров между нами и делегацией турецкого правительства было множество, и мы уверены, что теперь, когда получается возможность договориться здесь, будет положено начало сближению и дружбе чрезвычайно прочно, и достигнуты они будут, конечно, не дипломатическими ухищрениями (в этом наши противники гораздо сильнее нас, и мы не боимся в этом сознаться), а тем, что оба народа претерпели от империалистических держав в последние годы неслыханно и невиданно много. Один из предыдущих ораторов говорил здесь о вреде изолированности (отделения) от империалистических стран. Но когда волк нападает на овцу, то овце говорить о том, чтобы не быть изолированной от волка, не приходится. (Смех и аплодисменты.) И если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистическим волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко. Этим примером Советской России заразились очень многие народы, независимо даже от их сочувствия или несочувствия «большевицким шептунам». Об этих «шептунах» на всем свете много говорят, и нас даже называют зловредными шептунами по отношению к Турции. Уж, конечно, мы до сих пор в этой области ничего сделать не могли, а тем не менее, турецким рабочим и крестьянам удалось показать, что отпор современных

народов против хищничества вещь, с которой надо считаться, и тот грабеж, на который империалистские правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистские державы убрать руки прочь. Вот вещь, которая заставляет эти переговоры с турецким правительством считать очень крупным достижением. Никакими ухищрениями мы не задаемся. Мы знаем, что эти переговоры пройдут в рамках очень скромных, но они важны тем, что сближение трудящихся масс рабочих и крестьян всех народов идет, несмотря на отчаянные препятствия, вперед и вперед, и этого не надо забывать при оценке переживаемых нами трудностей.

Вторая вещь, которую следует упомянуть, когда речь идет о международном положении, это — положение с мирными переговорами в Риге⁷³. Вы знаете, что для заключения мира, хоть сколько-нибудь прочного, мы, по отношению ко всем государствам, входившим раньше в состав Российской империи, делаем как можно больше уступок. Это понятно, так как одной из главных сил, которая вызывает ненависть к империалистам и сплачивает народы против них, является угнетение национальности, и немного найдется государств в мире, которые так погрешили в этом отношении, как старая Российская империя и буржуазная республика Керенского, меньшевиков и эсеров в союзе с буржуазией. Вот почему именно по отношению к этим государствам мы проявляем больше всего уступчивости, идя на такие мирные условия, за которые некоторые эсеры нас бранили чуть ли не толстовцами. Мы к этим упрекам относимся очень хладнокровно, потому что по отношению к этим государствам мы должны проявить наибольшую уступчивость, чтобы там рассеять вековое недоверие, порожденное прежним угнетением, и положить начало союзу рабочих и крестьян разных наций, которые некогда вместе страдали от царизма и русских помещиков и теперь страдают от империализма. По отношению к Польше эту политику больше всего срывали русские белогвардейцы, эсеры и меньшевики, которые имеют «свободу печати», «свободу слова» и прочие великолепные «свободы», рядом с чрезвычайной свободой французских и других капиталистов, которые свободно скупили себе большую часть Польши и в высшей степени свободно развивали там свою агитацию, чтобы втянуть ее в войну против нас. Теперь все усилия капиталистов направлены на то, чтобы сорвать заключенный мир. Одним из условий, объясняющих, почему мы не можем демобилизовать нашу армию так, как мы этого хотели бы, является то, что мы должны считаться с войной в гораздо больших размерах, чем некоторые это думают. Ошибаются те, которые говорят, что мы мог-

ли бы и не так много силы уделять на военное дело. Ошибаются потому, что нашими врагами все козни и интриги сейчас пускаются в ход для того, чтобы окончательный мир с Польшей, предварительный мир с которой уже подписан, сорвать. В последнее время эти переговоры затянулись, и хотя несколько недель тому назад дошло до того, что приходилось опасаться серьезного кризиса в этих переговорах, в последнее время мы решили еще пойти на некоторые уступки не потому, что считали это справедливым, а потому, что считали важным делом сорвать интриги русских белогвардейцев, эсеров и меньшевиков в Варшаве, империалистов Антанты, больше всего стремящихся не допустить мира. Мир еще не подписан, но я могу сказать, что мы имеем право быть настроенными очень оптимистически в том отношении, что в ближайшее время мир подписан будет, и интриги против заключения его сорвать нам удастся. Я думаю, что этому обстоятельству мы все будем рады, хотя это только догадка. Но не надо хвалить утро, пока не наступил вечер. И поэтому мы ни на минуту и ни на йоту своих военных сил не уменьшим и не ослабим, в то же время не боясь делать несколько больше уступок по отношению к буржуазной Польше, лишь бы оторвать рабочих и крестьян Польши от Антанты и доказать им, что рабоче-крестьянская власть национальной грызней не занимается. Мир этот мы будем отстаивать даже ценой не всегда легких жертв.

Полн. собр. соч., т. 42, с. 353—356

X СЪЕЗД РКП(б) ⁷⁴

8—16 МАРТА 1921 г.

ИЗ ОТЧЕТА О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП(б) 8 МАРТА

До IX съезда партии наше внимание и все наши усилия были направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым. Мы предприняли для этого всякого рода дипломатические шаги и оказались победителями против, несомненно, крупных дипломатов. Когда, например, представители Америки или представители Лиги наций предлагали нам на известных условиях прекращение военных действий против Деникина, Колчака, они думали, что мы попадем в трудные условия.

На самом же деле они оказались в трудных условиях, а мы дипломатически одержали громадную победу. Они оказались ошарашенными, вынужденными взять обратно свои условия, что потом было разоблачено во всей дипломатической литературе и прессе всего мира. Но удовлетворяться дипломатической победой для нас слишком мало. Нам нужны настоящие торговые сношения, а не только дипломатические победы. Но только за этот год дело стало подходить к тому, что торговые сношения начали несколько развиваться. Стал вопрос о торговых сношениях с Англией. Начиная с лета прошлого года это стало центральным пунктом. Война с Польшей отбросила нас далеко в этом отношении. Англия уже готова была подписать торговое соглашение. Английская буржуазия хотела этого соглашения, английские придворные круги его не желали, срывали, война с Польшей оттянула соглашение. Получилось так, что дело не решено до сих пор.

Сегодня, кажется, в газетах стало известно, что Красин в Лондоне сообщил прессе, что он рассчитывает на быстрое подписание торгового договора. Я не знаю, вполне ли обеспечено осуществление этой надежды. Я не могу решить, случится ли так действительно, но, со своей стороны, я должен сказать, что мы в Центральном Комитете этому вопросу уделяли громадное место и считали правильным с нашей стороны тактику уступок, дабы добиться торгового соглашения с Англией. Не столько потому, что от Англии мы могли бы получить больше, чем от других стран, — Англия в этом отношении не столь передовая страна, как, например, Германия и Америка. Англия страна колониальная, слишком заинтересованная в азиатской политике, иногда слишком чувствительная к успехам Советской власти в некоторых странах, недалеко от ее колоний находящихся. Из-за этого проистекает особая непрочность в наших отношениях с Англией. Непрочность, вызванная таким объективным клубком причин, что тут никакое дипломатическое искусство советских дипломатов не поможет. Но нам важен торговый договор с Англией благодаря открывающейся возможности договора с Америкой, которая обладает производственными возможностями в гораздо большей степени.

Полн. собр. соч., т. 43, с. 19—21

ВАШИНГТОНУ ВАНДЕРЛИПУ

Москва. 17 марта 1921.

Мистеру Вашингтону Б. Вандерлипу

Милостивый государь,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 14 с. м. Я очень рад слышать, что президент Гардинг благожелательно относится к нашей торговле с Америкой. Вы знаете, какое значение мы придаем нашим будущим деловым сношениям с Америкой. Мы вполне сознаем ту роль, которую в этом отношении играет ваш синдикат, а также большую важность Ваших личных усилий. Ваши новые предложения чрезвычайно интересны, и я предложил Высшему совету народного хозяйства докладывать мне через небольшие промежутки времени о ходе переговоров. Вы можете быть уверены, что мы отнесем с величайшей внимательностью ко всякому разумному предложению. Наши усилия сосредоточены, главным образом, на производстве и торговле, и Ваша помощь имеет для нас величайшую ценность.

Если у Вас будут жалобы на кого-нибудь из должностных лиц, то прошу Вас послать Вашу жалобу в соответствующий народный комиссариат, который расследует это дело и доложит, если это будет нужно. Я уже отдал распоряжение о специальном расследовании относительно того лица, о котором Вы упоминаете в Вашем письме.

Съезд Коммунистической партии отнял у меня так много времени и сил, что я теперь очень устал и болен. Будьте добры извинить меня за то, что я не могу сейчас повидаться с Вами лично. Я попрошу товарища Чичерина поговорить с Вами в ближайшее время.

Желая Вам успеха, остаюсь преданный Вам

Вл. Ульянов (Ленин)

Полн. собр. соч., т. 52, с. 96—99

ГОСПОДИНУ М. И. ДУГГАНУ ⁷⁵

Хуббард Вудс, Иллинойс,
США

Милостивый государь,

С большим удовольствием я прочел Ваше письмо от 20 декабря 1920 г. Я хотел бы поблагодарить Вас за то, что Вы предлагаете РСФСР Ваши знания и опыт в области связи.

Не желая сразу же подвергать Вас тяготам сложного путешествия из Америки в Москву, а также желая использовать Вас в качестве весьма необходимого для РСФСР эксперта, я просил бы Вас обратиться к товарищу Мартенсу. Я передам ему всю информацию о Вас до его отъезда в Америку, который состоится в ближайшем будущем.

Я посоветовал бы Вам провести предварительные переговоры с товарищем Мартенсом и в случае приемлемого для обеих сторон соглашения Вы сможете направиться в Москву, чтобы завершить дела.

Прошу принять мои наилучшие пожелания

Ваш

*Написано 27 марта 1921 г.
Послано 9 апреля 1921 г.*

Полн. собр. соч., т. 54, с. 439—440

ПОСЛАНИЕ ЭМИРУ АФГАНИСТАНА АМАНУЛЛА-ХАНУ ⁷⁶

Просвещенному правителю и стойкому
основоположнику и хранителю независимости
Высокого государства Афганского
его величеству
афганскому эмиру
Аманулла-хану

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики выражает Вам свою благодарность за Ваши собственноручные письма и искренние и дружеские мысли об отношениях между двумя великими государствами — Афганистаном и Россией.

Я счастлив известить Вас, что дружественный Договор между обоими государствами подписан в Москве 28 февраля 1921 года уполномоченными обоих государств и утвержден верховным органом Российской Советской Республики — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов ⁷⁷.

Договор между обоими государствами формально закрепил дружбу и взаимные симпатии, которые вот уже два года развиваются и упрочиваются между Афганистаном и Россией и для укрепления коих положили много труда представитель Высокого Афганского государства в России высокоуважаемый Мухаммед Вали-хан и чрезвычайный полномочный представитель РСФСР в Кабуле Яков Захарович Суриц.

Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока. Оба государства сближают не только вышеуказанные обстоятельства, но и в особенности то, что между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу. Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского государства является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь.

Высокое Афганское государство было одним из первых государств, представителей которого мы с радостью встретили в Москве, и мы счастливы отметить, что первый договор о дружбе, который заключил афганский народ, был договор с Россией.

Мы уверены, что искреннейшее наше желание будет осуществлено и что Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства на благо обоих народов.

Правительством РСФСР приняты меры к устранению мелких недоразумений между афганскими служащими и российскими местными властями, и, по нашим сведениям, отношения на местах наладились в соответствии с духом дружбы, существующим между обоими Высокими Государствами.

Затронутые Вашим Величеством в последнем письме некоторые мысли, касающиеся обоюдного сочувствия к освобождению народов Востока, приняты нами с великим сочувствием и радостью. Мы отнеслись к ним с серьезностью, соответствующей высоким мыслям, затронутым в них. Мы поручили нашему чрезвычайному представителю Сурицу лично объяснить Вам наши мысли.

Правительство РСФСР хотело бы отметить еще достойные величайшего одобрения заслуги Вашего чрезвычайного посла Мухаммеда Вали-хана в деле укрепления дружбы между обоими государствами и заключения дружественного Договора.

Убежденный в дальнейшем упрочении уз дружбы между Россией и Афганистаном, позвольте выразить Вам свои симпатии и уверенность, что независимость Высокого Афганского государства ни силой, ни хитростью никак не будет поколеблена.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

X ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б)

26—28 МАЯ 1921 г.

ИЗ РЕЧИ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 28 МАЯ

В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы, при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались, потому что разложение капиталистического мира идет прогрессивно вперед, единение уменьшается и уменьшается, а напор сил со стороны угнетенных колониальных народов, насчитывающих свыше миллиарда населения, с каждым годом, с каждым месяцем, даже неделей, становится сильнее. Но гадать на этот счет мы не можем. Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего лоят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед. И мне кажется, что в результате работ нашей конференции мы этой цели безусловно и во всяком случае достигли. (А п л о д и с м е н т ы.)

Полн. собр. соч., т. 43, с. 340—341

Из статьи

«К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства

нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн.

Вопрос об империалистских войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая неизбежно порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального гнета, грабежа, разбоя, удушения слабыми, отсталых, мелких пародностей кучкой «передовых» держав, — этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это — вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10-ти миллионов убитых в войне 1914—1918 годов с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конечными и по сей час), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной якобы «социалистической» демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной *правдой* — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но *правдой* среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны и из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией.

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари II и II½ Интернационалов. Никакими потоками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за

тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действительную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войны, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа *еще не окончательная победа*, и она давалась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* — — — и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищающие отечество» японское от американского, американское от японского, французское от английского и так далее! Продолжайте «отписываться» от вопроса о средствах борьбы против империалистских войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу Базельского манифеста 1912 года), господа рыцари II и II^{1/2} Интернационалов со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество.

Полн. собр. соч., т. 44, с. 148—150

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МАЛОГО СНК

Тов. председателю МСНК

3. XI. 1921 г.

т. Литвинов очень просит меня просить Вас рассмотреть сегодня

соглашение с Монгольским правительством⁷⁸.

Черкните, пожалуйста, сможете ли.

С ком. приветом *Ленин*

Полн. собр. соч., т. 53, с. 324

БЕСЕДА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

5 НОЯБРЯ 1921 г.⁷⁹

1-й вопрос монгольской делегации: «Как Вы, тов. Ленин, относитесь к созданию в нашей стране народно-революционной партии и что является главным для нас?».

Тов. Ленин разъяснил нашей делегации международное положение нашей страны и указал, что в силу географического положения МНР империалистические державы в случае войны будут стремиться захватить нашу страну и превратить ее в плацдарм военных действий против другой страны. Поэтому, сказал тов. Ленин, единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы.

Второй вопрос монгольской делегации: «Будет ли победоносной национально-освободительная борьба?».

Ответ тов. Ленина:

«Я сам участвую в революционном движении 30 лет и по личному опыту знаю, как трудно любому народу освободиться от своих внешних и внутренних поработителей. Но несмотря на то, что Монголия — страна скотоводческая, а основная масса ее населения — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов, а главное — закрепила эти успехи

созданием своей народно-революционной партии, задача которой стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами».

Третий вопрос монгольской делегации: «Не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую?».

Ответ тов. Ленина:

«Я этого не рекомендую, так как «превратиться» одной партии в другую нельзя». Разъяснив сущность коммунистической партии как партии пролетариата, тов. Ленин сказал: «Много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет «превращению» народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна».

Тов. Ленин широко развил нашей делегации идею возможности и необходимости некапиталистического развития МНР, причем главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплачивалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система аратской Монголии.

Полн. собр. соч., т. 44, с. 232—233

ИЗ «ЗАПРОСОВ НАРКОМАТАМ В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ ОТЧЕТА ВЦИК И СНК НА IX ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ»⁸⁰

Самые краткие сведения (2—3 цифры) и настолько точные (или с оговоркой о степени приближения к достоверности), чтобы стоило мне вставить в речь на съезде Советов?

прошу дать
ответы самые
краткие, в 1,
максимум в 2
странички

1. *т. Чичерину* (или, если он не может, Литвинову) и *т. Радеку*

Достаточно ли будет, при характеристике международного положения РСФСР, сказать, что со стороны Польши и Румынии грозит лишь их военная партия, а не все господствующие в них классы?

— что союз 4-х держав (Англии, Соединенных Штатов, Франции и Японии), заключенный на Вашингтонской конференции, во-1-х, архинепрочен, как и все империалистские союзы; во-2-х, враждебен всем остальным народам?

Не добавить ли к этому что-либо?

Можно ли рассказать о плане приглашения России и Германии на 2-ую конференцию в апреле 1922 года? На какой источник сослаться? Насколько это счесть достоверным или вероятным?

2. *т. Чичерину* (Литвинову)

Можно ли охарактеризовать наш прогресс за 1921 год увеличением числа торговых договоров с европейскими державами? Если да, то перечислить их (в 1920 только с Англией, за 1921 год с такими-то).

Если нет, то можно ли охарактеризовать прогресс в этом отношении иными данными, кроме размеров торгового оборота (о чем я запрашу НКВТ)?

3. *т. Лежаве*

Нельзя ли охарактеризовать наш прогресс за 1921 год в отношении развития торговли с границей двумя-тремя цифрами, хотя бы самыми огульными и приблизительными? Напр., закупка и заказ в 1920 году — *около* такой-то суммы; в 1921 году за столько-то месяцев *около* такой-то, а всего будет, *вероятно*, до такой-то?

Нельзя ли выделить в этом отношении Германию? Нельзя ли дать 2—3 цифры итоговые о размере нашего вывоза за границу в 1921 году сравнительно с 1920?

4. *т. Фомицу*

Не можете ли сообщить мне точные или приблизительные цифры, сколько новых паровозов (и вагонов? и цистерн?) привезено в 1921 году из-за границы? сравнительно с 1920 годом? других продуктов для транспорта?

то же: заказано в 1921 году на сумму такую-то?

Нельзя ли мне привести в докладе на съезде Советов факты о состоянии транспорта в 1921 г. сравнительно с 1920 в самой краткой форме, самое существенное (одну страничку)?

Написано 17 декабря 1921 г.

Полн. собр. соч., т. 54, с. 76—78

ИЗ ПИСЬМА В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ РЕЗОЛЮЦИИ IX ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ ⁸¹

Прошу обсудить вопрос, не следует ли принять специальную резолюцию съезда Советов против политики авантюры Польши, Финляндии и Румынии (об Японии лучше помолчать по ряду причин). В резолюции подробно разъяснить, что ни одно правительство России не признавало и не могло признать (кроме Советского) преступности империалистической политики по отношению к окраинам бывшей Российской империи со стороны как царизма, так и Временного правительства, поддерживаемого меньшевиками и эсерами. В резолюции подробно рассказать о том, насколько мы показали делами, что ценим и самоопределение народностей и мирные отношения с государствами, входившими прежде в состав Российской империи. Подробно сказать, что мы вполне рассчитываем на мирные чувства не только рабочих и крестьян всех названных стран, но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств. По отношению к авантюристским элементам закончить самой резкой угрозой, что если авантюристские шалости с бандами, вроде прежних савинковских, не прекратятся, если нашей мирной работе будут продолжать мешать, то мы поднимемся на всенародную войну, и те, кто участвует в авантюре и бандитизме, будут до конца раздавлены.

*Продиктовано по телефону
22 декабря 1921 г.*

Полн. собр. соч., т. 44, с. 287

IX ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

23—28 ДЕКАБРЯ 1921 г. ⁸²

О ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ

ИЗ ОТЧЕТА ВЦИК И СНК 23 ДЕКАБРЯ

Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей республики, я должен высказать то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создано. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени страшно для тех из нас, кто пережил революцию с самого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов, видеть теперь, как сложилось дело. Никто, наверное, не ожидал и

не мог ожидать тогда, что положение сложится так, как оно сложилось.

Мы представляли себе (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный, и, разрывая империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход из этой преступнейшей бойни для всех народов. Нам казалось тогда, — и не могло казаться иначе, — что эта дорога является ясной, прямой и наиболее легкой. Оказалось, что на эту прямую дорогу, которая только одна действительно вывела нас из империалистических связей, из империалистических преступлений и из империалистической войны, продолжающей угрожать всему остальному миру, оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось. И если тем не менее мы видим теперь то, что получилось, видим единственную социалистическую Советскую республику, существующую в окружении целого ряда бешено-враждебных ей империалистических держав, то мы задаем себе вопрос: как могло это получиться?

Можно без всякого преувеличения ответить: получилось это потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна. Только поэтому получилось такое страшное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же до известной степени несомненное равновесие, которое мы видим теперь и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношении, чем мы, сплошь и рядом открыто враждебными к нам до бешенства, тем не менее мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, — дело непосредственного и немедленного удушения Советской России. Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, как могла произойти такая вещь, что одно из безусловно наиболее отсталых и крайне слабых государств, к которому открыто враждебны самые могущественные державы мира, устояло против направленного на него натиска, — когда мы разбираемся в этом вопросе, мы ясно видим, в чем было дело: мы оказались правы в самом основном. Мы оказались пра-

пы в своих предвидениях и в своих расчетах. Оказалось, что хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, но поддержку иного рода, поддержку не прямую, поддержку не быструю, мы получили настолько, что именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся масс — и рабочих и крестьянских, земледельческих масс — во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно эта поддержка и это сочувствие были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплён, а в пределах нашей республики и осуществлен, что он оказал действие на все страны. Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах (это мы, конечно, должны ясно видеть и прямою должны признать), как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно. Это сочувствие и поддержка сказались в том отношении, что нашествие, которое в течение трех лет мы испытывали, которое причиняло нам неслыханные разорения и мучения, что это нашествие, я не скажу, невозможно, — на этот счет надо быть очень осторожным и осмотрительным, — но оно все-таки затруднено для наших врагов в громадной степени. И этим в последнем счете объясняется то странное, непонятное на первый взгляд положение, которое мы видим теперь.

Если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или за неправое дело стоят эти силы, за эксплуататорский класс или за трудящиеся массы, — мы на это смотреть не будем, а попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, — то мы увидим, что силы эти сгруппированы так, что в основном подтвердилось наши предвидения, наши расчеты, что капитализм разлагается, и после войны, которую завершил сначала мир Брест-Литовский, а потом мир Версальский, — уже не знаю, который хуже, — чем дальше, тем больше ненависти и отвращения к ней растет и в тех странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится не только для трудящихся, но, в очень и очень больших размерах, и для буржуазии страп-победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все одержанные

победы. Вот почему мы, будучи неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в политическом, и в военном отношениях, в то же время сильнее их тем, что мы знаем и правильно оцениваем все, что выходит и что должно выйти из этой империалистической путаницы, из этого кровавого клубка и тех противоречий (возьмите хотя бы противоречие валютное, об остальных я уже не буду говорить), в которых они запутывались и запутываются все глубже, не видя выхода...

...Известное равновесие создалось. Это — объективное, независящее от наших побед политическое положение, которое показывает, что мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистской войной, и мерим правильнее, чем когда бы то ни было, чем другие державы, у которых при всех их победах, при всей их силе выхода до сих пор не нашлось и не находится. Вот та сущность международного положения, которая объясняет то, что мы наблюдаем сейчас. Мы имеем перед собой в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны пужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали такую тяжесть империалистической войны, какую едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ. Мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам навязали представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию — Россию помещиков, Россию капиталистов. Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные, — пусть те, немногие, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии, которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят. (Аплодисменты.)

Кто сколько-нибудь разумно и расчетливо рассуждает, как

политик, тот скажет, что не было и не может быть в России правительства, кроме Советского, которое делало бы такие уступки и такие жертвы по отношению к национальностям как существовавшим внутри нашего государства, так и к тем, которые пришли к Российской империи. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так ясно, как мы, сознавало и так отчетливо перед всеми говорило и заявляло, что отношение старой России, России царистской, России военных партий, что ее отношение к народностям, населявшим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущение угнетенных национальностей. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так открыто признавало это положение, которое вело бы эту пропаганду, пропаганду антишовинизма, пропаганду признания преступности старой России, России царизма и России Керенского, правительства, которое вело бы пропаганду против насильственного присоединения к России других национальностей. Это не слова — это простой политический факт, который всякому ясен, который совершенно бесспорен. Пока нет со стороны любой национальности против нас интриг, связывающих эти национальности, империалистически их поработающих, пока они не делают мостика, чтобы нас удушить, мы перед формальностями останавливаться не будем. Мы не забудем, что мы революционеры. (А плодятся моменты.) Но есть факты, которые неопровержимо, бесспорно доказывают, что самая маленькая, ничем не вооруженная национальность, как бы слаба она ни была, в России, победившей меньшевиков и эсеров, она абсолютно может быть и должна быть спокойна за то, что ничего, кроме мирных намерений, у нас по отношению к ней нет, что наша пропаганда о преступности старой политики старых правительств не ослабевает, и что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской империи и не пожелавшими остаться с нами национальностями остается твердым. Это мы доказали. И как бы ни были сильны проклятия, которые сыплются на нас со всех сторон, мы это докажем. Нам представляется, что мы прекрасно это доказали, и перед лицом собрания представителей рабочих и крестьян всей России, перед лицом всей рабочей и крестьянской многомиллионной российской массы мы скажем, что мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир отстоять.

Но есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательств над мирными договорами, не допустим

попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование. (Аплодисменты.)

Товарищи, то, что я сейчас сказал, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого, отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. (Аплодисменты и смех.) Когда представитель этого всемогущего в экономическом и военном отношении старого мира прислал к нам — это было уже давно — одного из представителей американского правительства, Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, что хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, — то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с заушением, заставили выйти в отставку, — и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам. (Смех. Аплодисменты.) А вышло то, что мы, предлагавшие тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, они все же в памяти кое-кого, наверное, остались. (Смех.) И поэтому наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но что они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление, — было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войну они вынесли. Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем съездом, всей массой

рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, я уверен, что это напоминание, как бы к нему ни отнеслись, какую бы тут дипломатическую хитрость, по старой дипломатической привычке, ни заподозрили, безусловно не пройдет бесследно и хотя некоторую роль все-таки сыграет.

Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие. Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально,— не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах,— мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду. (Аплодменты.)

Товарищи, от этого краткого изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому, как начинают складываться экономические отношения у нас и в Западной Европе, в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами прочные экономические отношения невозможны для нас. События очень наглядно показывают, что они невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при враждебном отношении к нам других держав продолжать существовать.

Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось невысказанным ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну а связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно богатой группой капиталистических держав,— это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружают колючей проволокой и что поэтому

никаких экономических отношений не будет существовать? «Войны они не испугались, так мы их возьмем блокадой».

Товарищи, много мы за эти четыре года видели угроз и таких страшных угроз, что ни одной из них мы бояться не можем. Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Опыт показал, несомненно, что за этот первый год, когда я могу вам дать отчет, как за период хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского насилия, нас не признавали, нас отвергали, сношения с нами объявлялись несуществующими (ну пускай они по суду буржуазному признаются несуществующими), но они все-таки существуют. Вот что я считаю себя вправе, без малейшего преувеличения, вам доложить, как один из главных результатов отчетного 1921 года.

Не знаю, роздан ли вам сегодня или будет роздан отчет НКВД IX съезду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст и что его трудно дочитать до конца. Но, может быть, это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтет. И даже если его не прочесть в целом, а только чуточку на него взглянуть и перелистать, то видно, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительство, договоров и т. д. Правда, мы не имеем юридического призвания. Это сохраняет свое значение, ибо опасность нарушения неустойчивого равновесия, опасность новых попыток нашествия усилилась, о чем я говорил раньше, но факт все-таки остается фактом.

В 1921 году — первом году в деле торгового оборота с границей — мы чрезвычайно шагнули вперед. Это связано отчасти с вопросом транспорта — нашей главной, пожалуй, или одной из главнейших баз всей нашей экономики. Это связано с привозом и вывозом за границу. Позвольте привести об этом самые краткие цифры. Все наши затруднения, самые неимоверные, вся тяжесть, гвоздь наших трудностей в топливе и продовольствии, вся тяжесть в крестьянском хозяйстве, в обрушившемся на нас голоде и бедствиях. Мы знаем хорошо, что все это связано с вопросом о транспорте; об этом надо говорить и надо, чтобы все товарищи с мест знали и всем товарищам на местах еще и еще раз сказали, что нам нужно напирать всю нашу энергию, чтобы продовольственный и топливный кризис побороть. От этих причин продолжает страдать наш транспорт — материальное орудие связей с границей.

Организационные улучшения за этот год в деле нашего транспорта несомненны. За 1921 год мы речными судами перевезли гораздо больше, чем за 1920. Средний пробег в 1921 г. выразился в 1000 пудо-верст, а в 1920 г. — в 800 пудо-верст. Организационный прогресс, несомненно, есть. Надо сказать, что мы впервые начинаем получать помощь из-за границы: заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Это самое маленькое начало, но все же начало. У нас все-таки сотни цистерн заказано, и до 500 из них в 1921 г. уже пришло. Мы оплачиваем все это чрезвычайно дорого, непомерно дорого, но все же это значит, что крупная промышленность передовых стран оказывает нам помощь, это значит то, что крупная промышленность капиталистических стран оказывает нам помощь в деле восстановления нашего хозяйства, несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас. Все они объединены правительствами, которые продолжают непрерывно печатать в своей прессе о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре, и является ли большевистское правительство законным или незаконным. И после долгих изысканий оно оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду, что нас еще не признают, я не вправе скрыть, но должен вам сказать, что торговые отношения все же у нас развиваются.

Все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству. Как же это так случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что беспрерывно твердит пресса, — а ведь эта пресса не чета нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти, с которой они выступают против нас. Они объявляют нас преступниками, но все же нам помогают. И выходит, что они экономически связаны с нами. Выходит так, как я уже говорил вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать, — наоборот, у них их больше, чем у нас, — а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели. Вот почему я хотел, в дополнение, сообщить вам несколько цифр, показывающих развитие нашей заграничной торговли. Возьму только самые краткие цифры, которые можно будет запомнить. Если проследить все три года — 1918, 1919 и 1920, — наш привоз из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пудов, а в 1921 году — 50 миллионов пудов, т. е. в три раза больше, чем за

все три предыдущих года вместе взятых. Наш вывоз за первые три года вместе был два с половиной миллиона пудов, за один 1921 год — 11½ миллионов пудов. Эта цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая, эта цифра всякому знающему человеку говорит сразу — нищета. Вот о чем свидетельствуют эти цифры. Но все-таки это начало. И мы, испытавшие попытку душить нас непосредственно, мы, слышавшие годами угрозы, что сношения с нами, пока мы остаемся тем, что есть, всеми мерами не будут допущены, — мы все-таки видим, что кое-кто оказался сильнее, чем эти угрозы. Мы все-таки видим, что экономическое развитие учтено ими неправильно, а нами — правильно. Начало положено. Все внимание, все усилия, все заботы мы должны теперь приложить к тому, чтобы это развитие не останавливалось, чтобы оно шло вперед.

Я приведу еще одну небольшую картинку, чтобы показать, как в течение 1921 года мы шли вперед. В первую четверть 1921 г. привоз был около 3 миллионов пудов, во вторую четверть — 8 миллионов пудов, в третью — 24 миллиона пудов. Мы все-таки шагаем. Цифры эти ничтожно малы, но все же они постепенно увеличиваются. И мы видим, как они увеличиваются в 1921 г., который был годом неслыханной тяжести. Вы знаете, чего стоило такое бедствие, как голод, какие неслыханные мучения он продолжает причинять всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни. Все-таки, несмотря на то, что мы были страной, так сильно разоренной войной, страной, несшей такие колоссальные бедствия и в результате всех войн и в результате хозяйничанья царей и капиталистов, мы все-таки теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам. Вот что является основным фактором. Вот почему, когда мы читали недавно о Вашингтонской конференции⁸³, когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, с обсуждением условий подлинного мира, мы говорим: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы⁸⁴. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами. Чем дальше они будут вступать на этот путь, тем шире, быстрее будет обрисовываться то, что я сегодня в отчете за 1921 г. могу показать вам лишь в таких мизерных цифрах.

ПРОЕКТ
ДИРЕКТИВЫ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ГЕНУЭЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ⁸⁵

1. 11. 1922 г.

т. Молотову для членов Политбюро

Предлагаю утвердить следующую директиву зампреду и всем членам генуэзской делегации:

1. Все члены делегации должны подготовиться в общем ко всем политическим и финансовым вопросам, имеющим и могущим встать на конференции. Кроме того, каждый член делегации должен подготовиться специально, особо подробно, досконально к одному из важнейших дипломатических и одному из важнейших финансовых вопросов.

На Чичерина и Литвинова возлагается составить распределение таких вопросов между всеми членами делегации (за исключением больных, вроде Рудзутака и т. п.).

2. Каждый член делегации к совещанию 22. II (с Политбюро ЦК) должен подготовить самый краткий (2—3 страницы максимум; в телеграфном стиле) конспект своей программы взглядов и политики по всем важнейшим вопросам, как дипломатическим, так и финансовым.

3. Под ответственностью Чичерина и Литвинова должна быть заблаговременно собрана и роздана членам делегации вся соответствующая литература на разных языках, а равно систематический сборник документов на русском языке.

4. Ввиду особой важности и особой трудности финансовых вопросов, должен быть Чичериным и Литвиновым, по соглашению с НКФином, Госпланом, А. Д. Цюруной, составлен список финансовых экспертов и план распределения между ними работы; срок — 1 неделя.

5. Все члены делегации должны *знать превосходно* книгу Кейнса («Экономические последствия мира») и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги и *части книг* (Лансинг об «империалистском» характере войны и мира 1918-го г. и т. п.). Подготовиться надо так: в речах и заявлениях кратко излагать *коммунистическую* точку зрения, обставив это изложение так, что де-я, хотя и коммунист, хотя имею такие-то коммунистические взгляды, но желаю для данной аудитории цитировать не коммунистов и ставить вопрос о необходимости аннулировать все долги и т. п. с точки зрения буржуазной (см. 6 и 7).

6. Вся сумма речей и заявлений наших делегатов на конференции должна быть заранее рассчитана так, чтобы при всяком ходе и исходе конференции (даже и при крахе ее в кратчайший срок, чему мы, конечно, постараемся помешать) получилось в итоге краткое, но ясное изложение всей совокупности коммунистических взглядов (по вопросам международных отношений и экономики) и подробное изложение взглядов буржуазных и буржуазно-пацифистских на непримиримые противоречия империалистского мира (и мира и мира).

7. Весьма вероятно, даже несомненно, что все буржуазные делегаты конференции составят сразу молчаливый, но прочный блок для нападения на нас и из-за Грузии и из-за всех обычных обвинений мелкобуржуазной и крупнобуржуазной дипломатии и демократии. Мы должны заранее подготовиться к этому и непременно первыми перейти в наступление (помимо нашей основной задачи разделить меж собой разные страны, рассорить их). Переход первыми в наступление должен быть сделан большей частью прикрито, в форме, напр., «намеков» (или буржуазных цитат из соответствующих сочинений) на самые большие и позорные пункты империалистских отношений (Корея; Амритсар; публичная порка в Индии революционеров; речь Ллойд Джорджа против Бриана в Каннах об «убийцах» и т. д. и т. п.).

8. Ввиду многократно доказанного стремления наших спесов вообще и меньшевистствующих особенно надувать нас (и надувать очень часто успешно), превращая заграничные поездки в отдых и в орудие укрепления белогвардейских связей, ЦК предлагает ограничиться абсолютнейшим минимумом из наиболее надежных экспертов, с тем чтобы каждый имел письменное ручательство и от соответствующего наркома и от нескольких коммунистов. Число 45 не превосходить ни в коем случае. Список экспертов и всего состава внести через 1¹/₂ недели на утверждение ЦК. Лично отвечают за этот § гг. Литвинов, Иоффе и Чичерин. Они же — за выбор управдела, не допускающего ночной работы и т. под. безобразий.

К проекту тезисов директивы генуэзской делегации предлагаю следующее добавление:

9. § 1-ый канских условий⁸⁶ наши делегаты должны цитировать в речах и заявлениях особенно часто, причем, во-1-х, цитировать его исключительно в редакции «Petit Parisien», т. е. со словами: «система собственности», а не просто: «система»; во-2-х, толковать эти слова и этот § самым распространительным образом, а именно так, будто в нем заключается признание неизбежности смены капиталистической системы

собственности коммунистической системой собственности и будто единственным спорным вопросом «между нами» остается теперь вопрос о сроке этой смены и о способе смены, т. е. по русскому ли методу 1917—1920 годов или по ллойд-джорджевскому методу «усеченной революции» типа ирландского 1921 или египетского 1922⁸⁷.

Ленин

Полн. собр. соч., т. 44, с. 374—376

ЗАПИСКА М. М. ЛИТВИНОВУ С ПРОЕКТОМ ОТВЕТА Ф. Р. МАКДОНАЛЬДУ⁸⁸

т. Литвинову (или т. Чичерину)

Прошу Вас просмотреть и дать перевести по-английски в изысканно вежливых выражениях мой ответ (мелкие поправки сделайте сами; о крупных — созвонимся). Отбить на машинке на моем бланке и прислать мне на подпись.

Dear Mr. Macdonald! *

Чрезвычайно благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за Вашу крайне лестную для меня оценку того, как Вас встретили. Я слышал от тов. Красина чрезвычайно высокую оценку Вашей выдающейся роли и выдающихся способностей в делах промышленности и торговли. Тем более ценю для нас Ваше практическое предложение в этой области. Я глубоко сожалею, что болезнь не позволяет мне принять Вас, врачи запретили мне даже всякие разговоры. Почту за приятный долг написать письмо гг. Чичерину и Лежаве, чтобы они обратили специальное внимание и назначили лучших экспертов для быстрейшего делового и компетентного рассмотрения Ваших, высоко для нас важных и глубоко нас интересующих практических предложений.

Надеюсь, что Вы будете так любезны, чтобы извинить опоздание моего ответа, вызванное моей болезнью, и прошу Вас принять уверения в глубоком уважении Вашего покорного слуги.

2—2—22 г.

Полн. собр. соч., т. 54, с. 153—154

* — Дорогой господин Макдональд! *Ред.*

ИЗ ПРОЕКТА ДИРЕКТИВЫ ЦК РКП(б)
ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ⁸⁹

Предлагаю проект директивы ЦК:

Не утверждая списка экспертов, ЦК предлагает кандидатам, внесенным в него, в недельный срок представить конспект программы и тактики (по вопросам, входящим в компетенцию данного эксперта) *всей* Генуэзской конференции. Все наркомы обязаны дать в 2 дня письменные отзывы и речительства о своих кандидатах в эксперты. Если эксперты осрамятся в Европе, отвечать будут и они и наркомы.

В развитие и дополнение директив насчет Генуэзской конференции *предлагаю следующее*:

1. Не предрешая вопроса о форме и времени соответствующего выступления нашей делегации, безусловной обязанностью ее ЦК признает развитие полной, самостоятельной, цельной программы по всем коренным вопросам.

2. Программа эта должна быть буржуазно-пацифистской, при своевременной ясной оговорке со стороны нашей делегации, что мы не выставляем здесь единственно соответствующей нашим взглядам коммунистической программы (вкратце: такой-то), ибо желаем предложить вниманию остальных делегаций, стоящих на принципиально иной позиции, ряд паллиативов и мер реформистского типа, уже предлагавшихся по частям в Англии и других капиталистических странах людьми, разделяющими буржуазные взгляды. При известных условиях эта программа паллиативов могла бы все же облегчить современное тяжелое положение (обеспеченный выход из коего возможен лишь при окончательном разрыве со всеми основами капиталистической собственности).

3. Примерный перечень основных пунктов этой программы:

- (1) аннулирование всех долгов;
- (2) применение ко всем колониям и зависимым странам и пациям «ирландского» решения;
- (3) радикальный пересмотр Версальского договора;
- (4) предоставление на льготных условиях займов тем странам, кои наиболее разорены войной, будучи притом наиболее слабы в смысле возможности подняться самостоятельно и наиболее важны для мирового хозяйства как эвентуальные поставщики громадного количества продовольствия и сырья;

(5) установление единой международной золотой единицы для денежных систем ряда стран и мер к введению этой единицы;

(6) соглашение ряда стран о мерах борьбы с инфляцией и обесценением денег (указать некоторые из этих мер);

(7) соглашение ряда стран о мерах борьбы с топливным кризисом и о мерах наиболее рационального и экономного использования источников энергии на основе единой планомерной электрификации;

(8) то же по отношению к наиболее насущным, с точки зрения возможности подвести сырье и продовольствие, мерам реорганизации и улучшения международного транспорта.

И т. д.

4. Программа подобного рода должна быть развита в речах, а при невозможности этого напечатана на 3—4 европейских языках и роздана делегатам и прессе (хотя бы в конспективной форме). (Напечатана во всяком случае.)

Написано 6 февраля 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 44, с. 382—383

ПИСЬМО Г. В. ЧИЧЕРИНУ

15. II. 1922 г.

г. Чичерин!

В телеграмме от Красина от 13. II (вх. № 1466/с) говорится (Ллойд Джордж): «Если Советское правительство откажется признать каннские резолюции, то это *угрожает* срывом всей конференции и во всяком случае облегчит Пуанкаре его уход»...

Формулировка, в которой более «угрожающего», чем точного!

Но ведь вся английская пресса, судя по нашим газетам, много раз заявляла, что для приглашения на Генуэзскую конференцию *не требуется и не требовалось предварительного* признания каннских условий и что обратное мнение французов неверно.

Надо собрать все материалы, чтобы *точно и формально* бесспорно установить факты.

Мне казались бесспорны три факта:

(1) приглашая нас, от нас *не* потребовали точного, ясного, формального заявления, что мы *признаем* каннские условия.

(2) мы этого заявления *не* делали в ответе. И нам *не сообщили*, что наш ответ *не* полон.

(3) *вся* английская буржуазная пресса в споре с французами признала необязательность предварительного признания каннских условий.

С комм. приветом *Ленин*

Полн. собр. соч., т. 44, с. 394

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК РКП(б) О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГЕНУЕ ⁹⁰

Только вкруговую членам ПБ

Проект постановления ЦК

1. Цека признает правильной ту оценку положения и задач (нашей делегации в Генуе), каковая оценка дана в тезисах т. Литвинова.

2. Цека подтверждает за зампредом т. Чичериным все права председателя делегации.

3. На случай болезни или отъезда т. Чичерина его права передаются по очереди одной из двух троек: а) Литвинов, Красин, Раковский; б) Литвинов, Иоффе, Воровский.

4. От вопроса о признании каннских условий наша делегация должна постараться уклониться. Если это не удастся и если нам будет поставлен прямой ультиматум, то попытаться двинуть формулу Красина: «Все страны признают их государственные долги и обязуются возместить ущербы и убытки, причиненные действием их правительств».

Если и это не удастся, идти на разрыв, заявляя при этом с определенностью, что мы готовы признать частные долги, но, не желая играть в прятки, указываем, что считаем их покрытыми, как и всю сумму наших обязательств вообще, нашими контрпретензиями. Суперарбитра между нами и всеми буржуазными странами мы не допускаем, ибо спор идет между двумя системами собственности.

Если придется рвать, надо выставить всего яснее основную и единственную причину разрыва: алчность горстки частных капиталистов, Уркарта, и т. п., коим служат правительства.

Еще как предельную уступку этим капиталистам предложить: их предпочтительное право на концессии (т. е. если их бывшие владения целиком или по частям мы отдаем в концессию Иксу на условиях таких-то, то на этих же условиях мы обязуемся отдать бывшему собственнику).

5. Ввиду возможности того, что буржуа попытаются не дать нам развить своей программы, все усилия направить на то, что-

бы в первой же речи эту программу если не развить, то изложить или указать или хотя бы наметить (и тотчас опубликовать ее подробнее).

6. Программа наша состоит в том, чтобы, не скрывая наших коммунистических взглядов, ограничиться, однако, самым общим и кратким указанием на них (например, в придаточном предложении), с прямым заявлением, что проповедовать наши взгляды здесь мы считаем неуместным, ибо пришли за торговым соглашением и за попыткой соглашения с пацифистской частью другого (буржуазного) лагеря.

Пацифистской частью того лагеря (или иным, специально подобранным вежливым выражением) мы должны считать и называть мелкобуржуазную, пацифистскую и полупацифистскую демократию, типа II Интернационала и II^{1/2}, затем типа Кейнса и т. п.

Одна из главных, если не главная наша политическая задача в Генуе, выделить это крыло буржуазного лагеря из всего их лагеря, стараться льстить этому крылу, объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашение с ним не только торговое, но и политическое (как один из немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом, как представители одной державы, перед лицом враждебного ей большинства других).

Сделать все возможное и кое-что невозможное для того, чтобы усилить пацифистское крыло буржуазии и хоть немного увеличить шансы его победы на выборах; это — во-первых; и во-вторых, — чтобы разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны, — такова наша двоякая политическая задача в Генуе. Никаким образом не развитие коммунистических взглядов.

7. Всячески стараться развить как можно подробнее и огласить шире (если не удастся в речах, то в печати) план восстановления народного хозяйства в России и в Европе, — в духе работ Госплана и на основе этих работ.

8. Если буржуазный лагерь в Генуе поставит нам ультиматум: не касаться вопросов пацифизма, а говорить только на узкие торговые темы, то мы должны выразить сожаление, но подчиниться этому ультиматуму, сказав, что у нас две цели на этой конференции: цель пацифистская и цель торговая. Останется одна.

9. Детальную разработку того, как развить пацифистскую программу, ЦК поручает делегации, ограничиваясь общей директивой: стараться развить ее как можно шире, чтобы глубже

расколоти пацифистский лагерь международной буржуазии с лагерьем грубо-буржуазным, агрессивно-буржуазным, реакционно-буржуазным.

10. В торговом и концессионном вопросе (в том числе вопрос о займах) как главную гарантию выдвигать леса на севере и т. п. На умаление прав нашего государства мы не идем. Без особого согласия Цека по телеграфу договоров не заключать.

Ленин

Написано 24 февраля 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 41, с. 406—408

О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА МЕТАЛЛИСТОВ
6 МАРТА 1922 г.

Вы, конечно, все знаете, товарищи, что во главе вопросов международной политики у нас продолжает стоять Генуя. Я не так чтобы очень твердо был уверен, что она продолжает стоять законно, ибо когда мы говорим «Генуя», то предполагаем всем давно известную конференцию, назначенную было в Италии, в Генуе, почти совсем подготовленную, а в настоящее время, к сожалению, находящуюся в таком неопределенном состоянии, что никто не знает (я очень опасаюсь, что сами инициаторы и устроители Генуи не знают), имеет ли она много шансов состояться или этих шансов она почти не имеет. Во всяком случае, мы должны сказать себе и всем тем, кто имеет какой-либо интерес к судьбам рабоче-крестьянской республики, что наша позиция в этом отношении, т. е. в вопросе о конференции в Генуе, с самого начала была совершенно твердой и такой же твердой осталась. И не наша вина, если не только твердости, но даже и самой элементарной решительности, самой элементарной способности выполнять свои же намерения не хватает у кого-то другого. Мы с самого начала заявляли, что *Геную приветствуем и на нее идем*; мы прекрасно понимали и несколько не скрывали, что идем на нее как кушцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только. Это, конечно, несколько не секрет для тех капиталистических государств, правитель-

ства которых составляли первый плац Генуэзской конференции и двигали ее в ход. Эти государства превосходно знают, что рид торговых договоров, связывающих нас с различными капиталистическими странами, становится все длиннее, число практических торговых сделок растет, число детальнейшим образом обсуждаемых торговых предприятий, совместно русских и иностранных, в самых разнообразных комбинациях различных иностранных государств и различных отраслей нашей промышленности,— в настоящее время громадно. Поэтому практическая основа того, о чем в Генуе, главным образом, будет идти речь, капиталистическим государствам великолепно известна. И если в дополнение к этой основе является надстройкой куча всяческих политических разговоров, предположений, прожектов, то надо понимать, что это — только надстроечка, очень часто искусственно построенная, выдуманная и осуществляемая теми, кто в этом заинтересован.

Более чем за четыре года существования Советской власти мы, разумеется, достаточно приобрели практического опыта (помимо того, что мы об этом достаточно знали и теоретически), чтобы уметь оценивать надлежащим образом эту дипломатическую игру, которую развернули по всем правилам устарелого буржуазного дипломатического искусства господ представителя буржуазных государств. Мы прекрасно понимаем, что лежит в основе этой игры: мы знаем, что суть ее составляет торговля. *Буржуазным странам надо торговать с Россией:* они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор; несмотря на все их великолепнейшие победы, несмотря на все то бесконечное хвастовство, которым они наполняют газеты и телеграммы всего мира, экономика их все же расползается, и с самой простой задачей — не то, чтобы новенькое строить, а чтобы старое лишь восстановить,— они вот уже четвертый год, после их величайших побед, справиться не могут и все еще вертятся вокруг того, как бы второе, вчетвером, впятером собраться (число, как видите, необыкновенно большое, страшно затрудняющее возможность соглашения) и составить такую комбинацию, чтобы можно было торговать.

Я понимаю, что коммунистам, чтобы научиться торговать, действительно надо время и что всякий, кто хочет этому научиться, сначала несколько лет будет делать грубейшие ошибки, и история ему простит, потому что это дело новое. Тут нужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую плл, вернее, русскую обломовщину, и многое другое. Но чтобы представителям буржуазных государств приходилось за-

пово учиться делу торговли, которую они ведут сотни лет и на которой построен весь их общественный быт,— это странно. Для нас, впрочем, это не так странно: мы давно говорили и знали, что они империалистическую войну оценили менее правильно, чем мы. Они оценивали ее с точки зрения того, что лежит у них под посом, а через три года после их гигантских побед не могут найти выхода из положения.

Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, что противоречия и бедствия ее действуют неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства. И, глядя со стороны на буржуазные страны-победительницы, мы говорили: помянут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз. Нам не удивляет то обстоятельство, что они запутались, пожалуй, меньше, чем в четырех соснах. Но в то же время мы говорим: для нас необходима торговля с капиталистическими государствами, пока они существуют как таковые. На переговоры с ними мы идем как торговцы, а что мы можем это осуществить, это доказывается числом торговых договоров с капиталистическими державами, которое растет, доказывается числом сделок. Мы не можем их опубликовать, пока они не заключены. Когда к нам является торговец-капиталист и говорит: «Пока мы не дошли до конца разговоров, это должно остаться между нами»,— конечно, с торговой точки зрения в этом отказать нельзя. Но мы-то знаем, сколько договоров находится в подготовке,— один список их занимает несколько страниц, в числе их находятся десятки обсужденных конкретно практических предложений с солидными фирменными группами. Конечно, господа представители буржуазных держав, собирающиеся в Генуе, знают это не хуже нас: насчет чего и того, а связь этих правительств с их капиталистическими фирмами, конечно, осталась. Даже у них все еще не настолько велика расхлябанность, чтобы они этого не знали.

И поэтому, если мы в телеграммах из-за границы встречаем постоянные известия о том, как будто они не представляют себе точно, что будет происходить в Генуе, как будто они выдумывают что-то новое, как будто они мир хотят удивить тем, что предъявят России новые условия, то позвольте им сказать (я надеюсь, что мне удастся лично это сказать Ллойд Джорджу в Генуе): вы этим никого не удивите, господа. Вы — люди торговые и торгуете прекрасно. Мы торговле еще только учимся и торгуем очень плохо. Но у нас есть десятки и сотни договоров и проектов договоров, из которых видно, как мы торгуем, какие и на каких условиях мы сделки заключаем или будем заключать. А если мы встречаем в газетах всякие известия, рассчитанные на

то, чтобы кое-кого запугать, о том, что нам навяжут какое-то испытание, то мы на этот счет довольно спокойно улыбаемся. Угроз мы видали достаточно, и притом более серьезных, чем угрозы торговца, который собирается хлопнуть дверь, предлагая свою самую что ни на есть последнюю цену. Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. *Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте.*

Мы вовсе не гонимся за тем, чтобы поддержать свой собственный дипломатический престиж, свое реноме, как это чрезвычайно важно для буржуазных государств. Мы официально даже вовсе говорить об этом не будем. Но мы этого не забыли. У нас ни один рабочий, ни один крестьянин не забыл, забыть не может и никогда не забудет, что он воевал, отстаивая рабоче-крестьянскую власть против союза всех самых могущественных держав, которые поддерживали интервенцию. У нас есть целая коллекция договоров, которые эти государства в течение ряда лет заключали с Колчаками и Деникиными. Они опубликованы, мы их знаем, весь мир знает их. Зачем же играть в прятки и изображать дело так, как будто мы все стали Иванами Непомнящими? Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, что он воевал с этими державами и что они его не победили. И если вам угодно, господа представители буржуазных государств, забавляться и тратить вашу бумагу (у вас ее очень много, больше, чем нужно), ваши чернила, обременять ваши провода и ваши радиостанции на то, чтобы оповещать весь мир: «Мы Россию поставим в положение испытываемой», то мы еще посмотрим, кто кого. Мы уже испытывались, и испытывались не словами, не торговлей, не рублем, а дубьем. И мы уже заслужили тяжелыми, кровавыми и мучительными ранами то, что про нас не мы сами, а противники должны сказать: «За битого двух небитых дают».

Мы заслужили это в области военной. Вот по части торговой жаль, что мало нас, коммунистов, бьют, но я надеюсь, что в ближайшем будущем этот недостаток будет восполнен и с таким же успехом.

Я сказал, что рассчитываю лично поговорить с Ллойд Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что *пугать нас пулячками не следует*, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает. Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе. *Но сумеют ли*

они через несколько недель сговориться втроем или вчетвером насчет того, о чем они весь мир оповестили, что они сговорились,— в этом я не уверен. Я даже решаюсь утверждать, что никто в мире в этом не уверен, и даже больше, что они сами этого не знают, потому что, когда победившие державы, имеющие в своих руках власть над всем миром, собрались в Каппах, после того как они уже много раз собирались,— число их конференций бесконечно, и европейская буржуазная пресса даже сама смеется над этим,— они все же не смогли сказать как следует, чего они хотят...

По вопросу о Генеузской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает; ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам и что мы тебе и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль. Мы видим много предложений, число договоров у нас растет и будет расти, как бы фигура трех-четырёх держав-победительниц ни складывалась; этой отсрочкой конференции вы потеряете, потому что вы своим собственным людям докажете, что вы сами не знаете, чего хотите, и что вы больны так называемой болезнью воли. Эта болезнь заключается в непонимании той экономики и политики, которую мы оценили глубже вас. Скоро десять лет пройдет, как мы оценили это, а вся эта последующая разруха и развал все еще не ясны для буржуазных государств.

Мы уже видим ясно то положение, которое у нас создалось, и можем сказать с полной твердостью, что *отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно.* Мы совершенно ясно видим и не скрываем, что полая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать, но такова уже логика борьбы...

...Мы можем теперь сказать, что *это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено.* Мы свои силы и силы капиталистов взвесили. Мы целый ряд примерных разведочных движений в смысле заключения договоров с капиталистами русскими и иностранными имеем и говорим, и я надеюсь и уверен, что и съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России: *наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдём, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы.*

Когда я говорю, что мы свое экономическое отступление приостанавливаем, это не значит, чтобы я сколько-нибудь забывал те дьявольские трудности, в которых мы находимся, и чтобы я хотел вас на этот счет успокоить и утешить. Вопрос о границах отступления и о том, приостанавливаем мы его или нет,— это вопрос не о том, какие трудности перед нами стоят. Мы знаем, какие трудности стоят перед нами. Мы знаем, что такое голод в крестьянской стране, как Россия. Мы знаем, что поправить бедствия, вызванные голодом, нам еще не удалось. Мы знаем, что значит финансовый кризис в стране, которая вынуждена торговать и в которой выпущено такое обилие бумажных денег, какого свет не видал. Мы знаем эти трудности, мы знаем, что они громадны. Я не боюсь сказать, что они необъятны. Нас это несколько не пугает. Напротив, мы черпаем свою силу из того, что говорим открыто рабочим и крестьянам: «Вот какие трудности перед вами стоят, вот какая опасность нам угрожает со стороны западных держав. Давайте работать и смотреть трезво на наши задачи». Если мы останавливаем наше отступление, то это не значит, что мы не знаем этих опасностей. Мы на них смотрим прямо. Мы говорим: «Вот где главная опасность; бедствия, вызванные голодом, надо залечить. Мы их еще не залечили. Мы еще отнюдь не преодолели финансового кризиса». Так что отнюдь не в том смысле надо понимать слова о приостановке отступления, что мы уже считаем, что нами фундамент (новой экономики) создан и что мы можем идти спокойно. Нет, фундамент еще не создан. Спокойно смотреть на будущее мы еще не можем. Опасностями мы окружены и военными, о которых я говорил достаточно, и еще большими опасностями мы окружены внутри, где существуют опасности экономические, состоящие в страшном разорении крестьянства, состоящие в голоде, состоящие в финансовом неустойстве. Они чрезвычайно велики. От нас требуется громадное напряжение сил. Но если нам навяжут войну, мы воевать сумеем. Но повести войну им тоже не так легко. В 1918 году им было легко начать войну и продолжать ее в 1919 году точно так же. Но до 1922 года утекло много и воды, и крови, и всего много. Западные рабочие и крестьяне совсем не те, что были в 1919 году. И надуть их, говоря им, что мы воюем против немцев, а большевики так себе, посланцы немцев, и больше ничего,— нельзя. Мы в панику не впадаем от нашего экономического положения. Мы в настоящее время имеем десятки договоров, заключенных с русскими и с иностранными капиталистами. Мы знаем, какие трудности перед нами были и есть. Мы знаем, почему русские капиталисты на эти договоры пошли. Мы знаем, на каких

условиях эти договоры заключены. Большинство этих капиталистов идут на эти договоры как практики, как купцы. И мы идем как купцы. Но всякий купец в известной степени учитывает политику. Если это купец не совсем дикой страны, он не заключит сделки с правительством, которое не представляет больших видимостей прочности, большой надежности. Тот купец, который сделает это, — это уже не купец, а дурак. А их бывает среди купцов не подавляющее большинство, потому что вся логика купеческой борьбы убирает их с купеческого поля. Если прежде у нас была оценка: побил тебя Деникин, докажи, что ты можешь его побить, то сейчас оценка другая: побил тебя купец, докажи, что ты можешь заставить его пойти на сделку. Мы это доказали. Мы имеем уже ряд договоров с крупнейшими капиталистическими фирмами России и Западной Европы. Мы знаем, на что они идут. Они знают, на что мы идем.

Теперь задача работы у нас несколько изменяется. Вот я об этом и хотел сказать еще несколько слов в дополнение к моему и так несколько затянувшемуся докладу.

В связи с тем положением, когда Генуя показывает колебания, которым, кажется, не предвидится и конца, и когда мы в своей внутренней политике сделали столько уступок, теперь мы должны сказать: *«Довольно, больше никаких уступок!»*. Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: *«Довольно, завтра вы не получите ничего!»*. Если история Советской власти и ее побед их ничему не научила, тогда — как им угодно. Мы с своей стороны все сделали, и мы заявили об этом перед всем миром. Я надеюсь, что съезд также подтвердит, что дальше мы не отступаем. *Отступление кончилось*, а в связи с этим и изменяется наша работа.

Полн. собр. соч., т. 43, с. 2—6, 8,
10—13

Л. Б. КРАСИНУ

Совершенно секретно

т. Красину

т. Красин!

Вы мне говорили при одном из наших последних свиданий, что у Вас были переговоры с одним английским купцом об образовании совместного общества для реализации драгоценных камней и т. п.

Прошу Вас написать мне несколько строк: вышло ли что из этого плана? То же относительно Германии.

Затем я прошу ответить мне: не можете ли Вы заказать кому-либо краткую (не больше 2—3 страниц) сводку фактических данных, характеризующих развитие нашей внешней торговли за последние месяцы, например — за последние 6 месяцев. Мне бы крайне необходима была бы такая вещь для доклада на партийном съезде *. Примерный перечень вопросов:

Число торговых договоров с другими державами с указанием года и месяца их заключения.

Число образованных для торговли смешанных обществ с капиталистами различных наций.

Оборот привоза и вывоза в довоенных рублях ежемесячно, за последние месяцы.

Заказы и привоз с подразделением на продовольствие и на предметы промышленного оборудования.

Число купцов, привлеченных НКВТ на началах комиссионных, отдельно русских и заграничных и т. п.

С коммунистическим приветом *Ленин*

*Продиктовано по телефону
10 марта 1922 г.*

Полн. собр. соч., т. 54, с. 205—206

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОНЦЕССИОННОГО КОМИТЕТА ПРИ ГОСПЛАНЕ

11/III. 1922 г.

Тов. Кржижановскому
Копия — тов. Смольянинову

На Концессионный комитет Госплана возлагается обязанность подбирать и сосредоточивать у себя подробные материалы о *всех* концессионных переговорах и концессионных делах РСФСР с иностранными капиталистами, ведущихся как в России, так и за границей. Подбор материалов необходимо произвести и за прошлое время.

Этим материалам Концессионный комитет должен вести точный регистрационный список со следующими подразделениями:

- а) заключенные договоры;
- б) серьезные переговоры, по которым договоры могут быть заключены в ближайшее время;

* Имеется в виду предстоящий XI съезд РКП(б). *Ред.*

в) первоначальные переговоры (указывать причину);

г) все прочие переговоры.

В списке должны быть краткие указания на содержание дела (например: положение переговоров, объект концессии, наименование соискателей концессии, приблизительный или точный размер капитала, номер, под которым дело хранится).

Копию этого списка надлежит направить в управделами СТО и ежемесячно пополнять его новыми сведениями.

Концессионный комитет должен назначить ответственного за подбор материала и составление списка лицо (управделами, секретарь), фамилия которого должна быть срочно сообщена в управделами СТО.

Председатель Совета Труда и Оборона
В. Ульянов (Ленин)

Полн. собр. соч., т. 15, с. 22

ПОПРАВКИ И ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОЕКТУ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ⁹¹

Товарищу Молотову

По поводу представления тов. Чичерина, которое озаглавлено «Элементы первой речи на конференции», предлагаю следующие изменения:

1) Строки 7 и 8 сверху на первой странице — предлагаю говорить о «системах собственности», а не просто о политически-экономических системах⁹².

2) На той же странице, снизу 8 и 9 строки — безусловно выкинуть всякое напоминание о «неизбежном наследственном перевороте и применении кровавой борьбы», вместо этого говорить лишь о том, что мы, коммунисты, не разделяем взглядов пацифистов, что достаточно известно из коммунистической литературы, но, являясь сюда как купцы, мы безусловно считаем своим долгом всемерно поддержать всякие попытки мирного решения спорных вопросов.

3) На той же странице, снизу 2 и 3 строки — безусловно исключить слова, что наша «историческая концепция включает применение наследственных мер».

4) Страница 2-я, сверху 2 и 3 строки — безусловно исключить слова, что наша историческая концепция безусловно предполагает неизбежность новых мировых войн.

Ни в каком случае подобных страшных слов не употреблять, ибо это означало бы играть на руку противнику. Ограничиваться только указанием на то, что взгляды коммунистов не совпадают со взглядами таких пацифистов, каковыми являются те государства, с которыми мы начинаем переговоры, государственные работники, подобные Гендерсону, Кейнсу и т. д., по что мы считаем своим долгом в целях достижения желаемого нами экономического соглашения сделать все зависящее от нас для возможно более широкого выполнения хотя бы известной доли этой пацифической программы.

Продиктовано по телефону
23 марта 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 45, с. 63—64

XI СЪЕЗД РКП(б)

27 МАРТА — 2 АПРЕЛЯ 1922 г.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б) 27 МАРТА

(Аплодисменты.) Товарищи! Позвольте мне политический доклад ЦК начать не с начала года, а с его конца. Сейчас наиболее злободневным вопросом политики является Генуя. Но так как в печати у нас об этом уже сказано было очень много и так как мне пришлось в речи 6 марта, которая была напечатана, высказать существенное по этому вопросу, то, если не будет особых требований с вашей стороны на изложение каких-либо подробностей, я бы просил разрешения в детали этого вопроса не входить.

О Генуе в общем вы все знаете, потому что печать уделяла этому вопросу много места,— на мой взгляд, даже непомерно много,— в ущерб действительным, практическим и насущным нуждам нашего строительства вообще, хозяйственного в особенности. В Европе, понятно, во всех буржуазных странах, оцепь лютят занимать или забивать головы всякой трескотней насчет Генуи. А мы на этот раз (хотя и не только на этот раз) им подражаем, и подражаем непомерно много.

Должен сказать, что нами в ЦК были приняты самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов (а у нас теперь советских дипломатов порядочное количество, не так, как в начале существования Советской республики). Мы выработали в ЦК достаточно детальные директи-

вы нашим дипломатам в Геную. Директивы эти мы вырабатывали очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново. И само собой разумеется, что тут вопрос стоит, я бы не сказал — военный, потому что это слово вызовет перетолковывание, но во всяком случае — вопрос о состязании. В буржуазном лагере имеется чрезвычайно сильное и гораздо более могущественное течение, чем другие течения, клонящиеся к тому, чтобы сорвать Генуэзскую конференцию. Имеются течения, которые во что бы то ни стало хотят ее отстоять, добиться того, чтобы она собралась. Эти последние течения сейчас взяли верх. Имеется, наконец, в лагере всех буржуазных стран течение, которое можно бы назвать пацифистским и к которому надо причислить и весь II и II^{1/2} Интернационал. Это — тот лагерь буржуазии, который пытается отстоять ряд пацифистских предложений и начертать нечто вроде пацифистской политики. Мы, как коммунисты, имеем насчет этого пацифизма определенные взгляды, излагать которые здесь совершенно излишне. Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в вашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов.

Понятно, что, когда мы идем в Геную как купцы, нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тех критики. Плох был бы тот купец, который не сумел бы усвоить это отличие и, приспособив к этому свою тактику, добиться практических целей.

Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась. Но мы отнюдь не ручаемся за успех Генуэзской конференции. За это ручаться было бы смешно и нелепо. Я должен сказать, что при самой трезвой и осторожной оценке возможностей, которые Генуя сейчас представляет, все-таки, думаю, не будет преувеличенным сказать, что этой своей цели мы добьемся.

Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи — если им вздумается упрячиться. Но цели своей мы достигнем!

Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех капиталисти-

ческих держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией. А раз такого рода интересы есть, то можно поспорить, можно повздорить, можно разойтись в разных комбинациях — весьма даже правдоподобно, что доведется разойтись, — а все же, в конце концов, эта основная хозяйственная необходимость сама себе проложит дорогу. И я думаю, что мы можем быть на этот счет спокойны. Не ручаюсь за срок, не ручаюсь за удачу, но именно на данном собрании можно довольно уверенно сказать, что развитие правильных торговых сношений между Советской республикой и всем остальным капиталистическим миром неизбежно пойдет дальше. Какие при этом возможны перерывы — об этом я в своем месте в докладе упомяну, по думаю, что по вопросу о Генуе можно будет этим ограничиться.

Само собою понятно, что товарищи, которые пожелают ознакомиться с вопросом детальнее и не удовлетворятся тем списком членов делегации, который опубликован в газетах, сумеют выбрать комиссию или секцию и ознакомиться со всеми материалами ЦК, с перепиской, с директивами. Детали, разумеется, нами намечались условно, потому что до сих пор точно неизвестно, кто в этой самой Генуе сядет за стол и какие при этом условия, или предварительные условия, или оговорки будут изложены. Разбирать всех их здесь было бы в высшей степени нецелесообразно, я думаю, даже практически невозможно. Повторяю, съезд, через секцию или комиссию, имеет полную возможность собрать по этому вопросу все документы, как опубликованные, так и имеющиеся у ЦК.

Я ограничусь сказанным, так как уверен, что не в этом вопросе самые большие наши трудности. Это не то, на что вся партия должна обратить свое главное внимание. Европейская буржуазная пресса раздувает и преувеличивает искусственно и умышленно значение этой конференции, обманывая трудящиеся массы (так делает всегда $\frac{9}{10}$ всей буржуазной прессы во всех этих свободных демократических странах и республиках). Мы немножко поддались этой прессе. Как всегда, наши газеты еще поддаются старым буржуазным обычаям, не хотят переходить на новые социалистические рельсы, и мы подняли шумиху больше, чем предмет того заслуживает. По сути дела для коммунистов, особенно переживших такие серьезные годы, какие мы пережили, начиная с 1917, видавших комбинации политики такие серьезные, какие мы с тех пор видали, Генуя не представляет собою больших трудностей. Я не помню, чтобы по этому вопросу не только в составе ЦК, но и в составе нашей партии подымались какие-нибудь разногласия или споры. Это естествен-

но, ибо здесь нет ничего спорного с точки зрения коммунистов, — даже имея в виду разные оттенки среди них. Мы идем в Геную, повторяю, как купцы, чтобы добиться выгоднейших форм для развития торговли, которая началась, которая идет и которая, даже если бы удалось кой-кому насильственно ее прервать на то или иное время, все-таки после этого перерыва будет неминуемо развиваться.

Полн. собр. соч., т. 45, с. 69—72

ПИСЬМО ЧАРЛЗУ П. ШТЕЙНМЦУ⁹³

Moscow. 10. IV. 1922.

Дорогой мистер Штейнмец!

Душевно благодарю Вас за Ваше дружественное письмо от 16. II. 1922 г. Я должен признаться, к стыду моему, что первый раз услышал Ваше имя всего только немногим месяцев тому назад от товарища Кржижановского, который был председателем нашей «Государственной комиссии по выработке плана электрификации России» и состоит теперь председателем «Государственной общеплановой комиссии». Он рассказал мне о выдающемся положении, которое Вы заняли среди электротехников всего мира.

Товарищ Мартенс познакомил меня теперь больше с Вами своими рассказами о Вас. Я увидел из этих рассказов, что Вас привели к сочувствию Советской России, с одной стороны, Ваши социально-политические воззрения. С другой стороны, Вы, как представитель электротехники и притом в одной из передовых по развитию техники стран, убедились в необходимости и неизбежности замены капитализма новым общественным строем, который установит планомерное регулирование хозяйства и обеспечит благосостояние всей народной массы на основе электрификации целых стран. Во всех странах мира растет — медленнее, чем того следует желать, но неудержимо и неуклонно растет — число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма новым общественно-экономическим строем и которых «страшные трудности» («terrible difficulties») борьбы Советской России против всего капиталистического мира не отталкивают, не отпугивают, а, напротив, приводят к сознанию неизбежности борьбы и необходимости принять в ней посильное участие, помогая повому осилить старое.

В особенности хочется мне поблагодарить Вас за Ваше предложение помочь России советом, указаниями и т. д. Так как отсутствие официальных и закононо признанных отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами крайне затрудняет и для нас и для Вас практическое осуществление Вашего предложения, то я позволю себе опубликовать и Ваше письмо и мой ответ, в надежде, что тогда многие лица, живущие в Америке или в странах, связанных торговыми договорами и с Соединенными Штатами и с Россией, помогут Вам (информацией, переводами с русского на английский и т. п.) осуществить Ваше намерение помочь Советской республике.

С наилучшим приветом

братски Ваш Ленин

Полн. собр. соч., т. 45, с. 147—148

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД»

Тов. Ленин в беседе с сотрудником американской газеты «Нью-Йорк Геральд» по поводу Генуэзской конференции заявил.

Эта конференция должна руководиться лишь одним экономическим принципом. Россия хорошо знает, что она может ожидать от буржуазных государств. Настоящее положение дел не может более продолжаться. Оно губительно как для России, так и для всего мира.

Россия пуждается в торговле с буржуазными государствами. С другой стороны, буржуазные правительства хорошо знают, что европейская экономическая жизнь не может быть урегулирована без России.

Однако глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Генуе унизительные условия. Россия не позволит обращаться с собой, как с побежденной страной. Если буржуазные правительства попытаются взять такой тон по отношению к России, то они совершат величайшую глупость.

Напечатано 14 апреля 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 45, с. 160

АРМАНДУ ХАММЕРУ ⁹⁴

11. V. 1922 г.

Дорогой т. Хаммер!

Извините меня, пожалуйста, я был очень болен, теперь мно гораздо лучше.

Большое спасибо за ваш подарок — такое любезное письмо от американских товарищей и друзей, находящихся в тюрьме. Я приложил к этому письму для Вас письмо к т. Зиновьеву или к другим петроградским товарищам, если Зиновьев уехал из Петрограда.

Моя наилучшие пожелания полного успеха Вашей первой концессии. Этот успех будет иметь большое значение также и для торговых сношений между нашей Республикой и Соединенными Штатами.

Благодарю Вас еще раз и прошу извинить мой плохой английский язык. Пожалуйста, все письма и телеграммы адресуйте моему секретарю (*Фотиевой* или *Смольянинову*). Я осведомлю их.

Искренне Ваш *Ленин*

Полн. собр. соч., т. 54, с. 252

Г. Е. ЗИНОВЬЕВУ

11. V. 1922 г.

Тов. Зиновьеву или его заместителю
Petrograd

To Comrade Zinoviev
(товарищу Зиновьеву или его заместителю)

I beg You to help the comrade Armand Hammer; it is extremely important for us that his first concession would be a full success.

Yours *Lenin*

Очень прошу всячески помочь подателю, товарищу *Арманду Хаммеру*, американскому товарищу, взявшему *первую концессию*. Крайне, крайне важно, чтобы все его дело было полным *успехом*.

С ком. приветом *В. Ульянов (Ленин)*

Полн. собр. соч., т. 54, с. 253

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК ПО ОТЧЕТУ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Составить проект резолюции ВЦИКа по докладу Иоффе следующим, примерно, образом:

1. Делегация ВЦИКа правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную суверенность РСФСР, — борясь с попытками закабаления и восстановления частной собственности, — заключив договор с Германией⁹⁵.

2. Международное политическое и экономическое положение характеризуется следующими чертами:

— политически: отсутствие мира и опасность новых империалистских войн [Ирландия; Индия; Китай и др.; обострение отношений между Англией и Францией, — Японией и Соединенными Штатами и т. д. и т. п. ((подробнее))].

3. — экономически: страны «победительницы», всемирно могущественные и обогащенные войной (= грабежом), через 3½ года после окончания войны не могут восстановить даже прежних капиталистических отношений [валютный хаос; неисполнение и неисполнимость Версальского договора; неплатеж долгов Соединенным Штатам и т. д. и т. п. — (подробнее)].

4. Потому § 1 канских резолюций, признавая *равноправие двух систем собственности* (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой пока лишь в РСФСР), вынужден, таким образом, признать, хотя и косвенно, крах, банкротство первой системы собственности, неизбежность *соглашения* ее со второй, как равной с равным.

5. Другие §§ канских условий, как и меморандумы и т. п. держав в Генуе, противоречат этому и тем самым осуждают себя на безжизненность.

6. Действительное равноправие двух систем собственности *тогда бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности*, — дано лишь в Рапалльском договоре. Поэтому ВЦИК

приветствует Рапалльский договор, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войны (пока остаются две системы собственности, в том числе столь устаревшая, как капиталистическая собственность);

признает нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам *лишь* такого типа договоры;

— поручает СНК и НКВД вести в этом духе политику;

— поручает Президиуму ВЦИК подтвердить это соглашение со всеми республиками, входящими в федерацию с РСФСР;

— предписывает НКВДу и СНК допускать изъятие из этого, т. е. отступления от рапальского типа договоров, лишь в исключительных случаях, доставляющих совершенно особые выгоды для трудящихся масс РСФСР и т. п.⁹⁶

Написано 15 или 16 мая 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 45, с. 192—193

И. В. СТАЛИНУ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП (б)

Спешно
Секретно

т. Сталину с просьбой послать вкруговую членам Политбюро (и непременно в том числе тов. Зиновьеву).

На основании этих сведений от тов. Рейнштейна я даю и Арманду Хаммеру и Б. Мишелю особую рекомендацию от себя и прошу всех членов ЦК о *сугубой* поддержке этих лиц и их предприятия⁹⁷. Тут маленькая дорожка к американскому «деловому» миру, и надо *всячески* использовать эту дорожку. Если есть возражения, прошу по телефону сообщить их моему секретарю (Фотиевой или Лепешинской), чтобы я успел выяснить дело (и решить через Политбюро окончательно) до своего отъезда, т. е. на днях⁹⁸.

24/V. Ленин

Р. С. 27/V. Я задержал до получения ответа от т. Зиновьева. Ответ пришел 26/V.

Ленин

Написано 24 и 27 мая 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 54, с. 272

РЕКОМЕНДАЦИЯ А. Ю. ХАММЕРУ И РАСПОРЯЖЕНИЯ СЕКРЕТАРЯМ⁹⁹

Предъявитель, доктор Армац Юльевич Хаммер, является секретарем Объединенной американской компании — первого акционерного общества, получившего от нас концессию, именно на асбестовые рудники на Урале. Эта фирма имеет также подряд на снабжение России партией

хлеба в обмен за русские товары, и она имеет также исключительную агентуру для России на автомобили, грузовики и тракторы американского завода «Форд» и на сельскохозяйственные орудия большой американской фирмы «Моллин плау компани».

Объединенная американская компания отличается по своему сочувственному отношению к Советской России от обычных капиталистических компаний, и мы очень заинтересованы в том, чтобы она имела полную возможность успешно выполнить свои задания.

Я поэтому настоятельно прошу всех представителей *Внешторга, железнодорожной администрации* и пр. представителей Советского правительства в России и за границей оказывать представителям этой Компании не только должное внимание и вежливое обращение, но и всячески оказывать им возможное содействие, устраняя всякую волокиту и пр.

Переписать на бланке моем весь текст *без исключений*; тоже английский перевод.

24/V [1922] Ленин

Лидия Александровна!

Переписать *архитцательно*, сверив *дважды*.

Оба мандата (второй *по этому*¹⁰⁰).

Тоже по-английски.

Снять еще 2—3 копии.

27/V 1922

Лен. сб. XXXVII, с. 365

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ОБСЕРВЕР» И «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН» М. ФАРБМАНУ

1. Вопрос. Антирусская пресса изображает прием Эррио в Москве и франко-русские переговоры, как решительный поворот иностранной политики Советской России.

Верно ли это? Верно ли, что Россия смотрит на английскую политику на Ближнем Востоке, как на вызов, и готова заключить соглашение с Францией, направленное против Англии?

Ответ. Я считаю абсолютно неверным изображать прием Эррио в Москве и франко-русские переговоры, как какой-либо, хотя бы даже малейший, поворот в политике Советской России вообще и ее поворот против Англии в частности¹⁰¹. Несомненно, мы чрезвычайно высоко ценим и прием Эррио в Москве и тот шаг к сближению с Францией или к переговорам с ней, которые стали теперь возможными, вероятными и, хотелось бы думать, необходимыми. Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно, особенно ввиду того, что торговые

интересы России настоятельно требуют сближения с этой сильнейшей континентальной державой. Но мы убеждены, что это сближение ни в малейшей степени не означает обязательности какой-либо перемены нашей политики по отношению к Англии. Мы считаем, что вполне дружественные отношения с обеими державами являются вполне возможными и составляют нашу цель. Мы считаем, что именно развитие торговых сношений неизбежно будет чрезвычайно сильно давить в направлении достижения этой цели. Мы считаем, что правильно поняты интересы Англии и Франции равным образом будут действовать в этом направлении. Мы считаем, что взаимные интересы Англии и Франции, поскольку они соприкасаются с Россией, ни в коем случае не содержат в себе элементов неизбежной вражды между Англией и Францией. Напротив, мы думаем даже, что мирные и дружественные отношения этих держав к России содержат в себе одну из гарантий (я почти готов сказать: сильнейшую гарантию) того, что мир и дружба между Англией и Францией продолжатся наиболее долго и что всякие возможные и вероятные при теперешних условиях разногласия между Францией и Англией придут наиболее быстро и наиболее верно к счастливому исходу.

2. *Вопрос.* Не является ли фактическое окончание греко-турецкой войны, поддерживавшейся Англией, лучшим моментом для заключения англо-русского соглашения?

Ответ. Конечно, окончание греко-турецкой войны¹⁰², которая поддерживалась Англией, является моментом, который увеличивает в известном отношении шансы на заключение англо-русского соглашения. К этому соглашению мы стремились и до окончания этой войны и будем стремиться теперь с наибольшей энергией. Правда, некоторые из вопросов, связанные с окончанием этой войны, являются предметами, вызывающими наши разногласия с Англией. Но, во-первых, мир, сменивший греко-турецкую войну, является, по нашему мнению, таким выигрывающим международную политику вообще, что мы надеемся на улучшение общих условий этой политики благодаря греко-турецкому миру. Во-вторых, расхождения, которые у нас имеются с Англией, мы ни в коем случае не считаем непреодолимыми. Напротив, мы надеемся, что ближайшее будущее покажет нам, в связи с различными стадиями ближневосточного вопроса, насколько оправдается наша надежда, что именно окончание греко-турецкой войны будет также окончанием тех конфликтов и несогласий, которые эту окончившуюся войну поставили на авансцену международной политики. Мы делаем все, чтобы

окончание этой войны окончил также трения и несогласия с Англией, и мы надеемся, что интересы английского правительства и в данном случае возьмут верх над какими бы то ни было подсказываниями и часто неискренними речами антирусской прессы.

3. Вопрос. Считаете ли Вы участие России по восточному вопросу делом престижа только, или Вы исключительно исходите из реальных интересов России? Согласно ли русское правительство с французским предложением допустить Россию только к участию в той части конференции, которая будет разрешать вопрос о проливах?

Ответ. Участие России в разрешении ближневосточного вопроса я считаю ни в коем случае не делом престижа¹⁰³. Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа. Я уверен, что ни в одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа как престижа самой веселой насмешкой. Мы думаем, что дипломатия современной эпохи все быстрее идет к тому, чтобы относиться к вопросам престижа именно подобным образом.

Наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств. Если бы все эти государства не добились своего требования участия в ближневосточной конференции, то это означало бы такую массу элементов враждебности, конфликтов и недовольства, это означало бы такие затруднения в чисто торговых делах между востоком Европы, с одной стороны, и всеми другими государствами, с другой, что для мирного сожительства либо не осталось бы совершенно почвы, либо оно было бы затруднено необыкновенно.

Поэтому русское правительство недовольно парижским предложением допустить Россию только к участию в той части конференции, которая будет разрешать вопрос о проливах. Мы думаем, что такое ограничение неминуемо приведет к ряду весьма практических и непосредственных, в частности экономических, неудобств, от которых сами же Франция и Англия пострадают, по всей вероятности, в самом недалеком будущем.

4. Вопрос. Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?

Ответ. Наша программа относительно проливов (пока еще приближительная, конечно) содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции. Мы считаем, что не только интересы национальной независимости этого требуют. Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны.

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных. Надо иметь в виду, что пацифистских фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны и против мира* раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые простые, для обеспечения мира мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны.

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания. И после того, что я сказал в предыдущей фразе, я думаю, что пояснять и конкретизировать этот пункт совершенно излишне.

5. *Вопрос.* Согласно ли русское правительство на контроль проливов Лигой наций, если бы Лига включила в свой состав также Россию, Турцию, Германию и Соединенные Штаты?

* Имеется в виду Версальский мир. *Ред.*

Или Россия потребовала бы создания особой комиссии для контроля над проливом?

Ответ. Мы, конечно, противники Лиги наций, и я думаю, что не только наш экономический и политический строй с его особенностями вызывает наше отрицательное отношение к Лиге наций, но и интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще, вполне оправдывают это отрицательное отношение. Лига наций настолько носит на себе все черты своего происхождения из всемирной войны, настолько неразрывно связана с Версальским договором, настолько пропитана вся пачквозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними, что, мне кажется, наше отрицательное отношение к Лиге наций понятно и не требует дальнейших комментариев.

6. *Вопрос.* Означает ли отказ ратифицировать соглашение с Уркாரтом победу «левых коммунистов»? Каковы те объективные условия, которые сделали бы возможным возобновление переговоров и ратификацию договора с Уркாரтом?

Ответ. Вопрос о заключении договора с Уркாரтом был поднят нашим правительством еще тогда, когда я был болен и не был в состоянии принимать участие в правительственных делах¹⁰⁴. Поэтому о всех деталях этого дела я в настоящее время еще не вполне информирован. Но тем не менее я могу утверждать совершенно определенно, что о победе левых коммунистов нет и не может быть речи в данное время. Я это знаю из своего непосредственного наблюдения за ходом правительственных дел.

Дело в том, что несправедливый шаг Англии, выразившийся в нежелании допустить нас на конференцию, был настолько неожиданным, вызвал такое возмущение в России и настолько сплотил не только правых коммунистов с левыми, но и гигантскую массу беспартийного русского населения, рабочих и крестьян, что дело не дошло и не могло дойти ни до какого разногласия между левыми и правыми коммунистами.

Мотивировка нашего отклонения договора с Уркாரтом выразилась непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение, т. е. настроение всей рабочей и всей крестьянской массы.

Возобновление переговоров и дальнейшая ратификация договора с Уркாரтом прежде всего обусловлены тем, чтобы Англия устранила вопиющие несправедливости по отношению к России, которые связаны со всяким умалением ее прав на уча-

стие в конференции по ближневосточным вопросам. Что же касается конкретных условий, предложенных нам Урклартом, то я еще не имел времени заняться этим достаточно подробно и могу лишь сказать, что правительство решило как можно быстрее в нашей печати дать высказаться сторонникам и противникам этого соглашения, чтобы из наиболее объективной и мотивированной дискуссии получить материал для серьезнейшей проверки всех «за» и «против» и для решения этого вопроса в духе наибольшего соответствия интересам России.

7. *Вопрос.* Насколько справедливы обвинения антирусской печати в Англии, утверждающей, что недавние аресты промышленников в Москве означают конец новой экономической политики и возврат к политике национализации и конфискации?

Ответ. По поводу Вашего вопроса об обвинении нас антирусской печатью в Англии в связи с арестами «промышленников в Москве» я должен сказать, что как раз сегодня читаю в нашей газете («Известия») заметку под названием «Аресты черных биржевиков». Не кто иной, как начальник Экономического управления при Государственном политическом управлении т. З. Б. Кацельсон рассказывает в этой заметке, что ни о каком аресте промышленников абсолютно не было и речи, что «распространяемые врагами Советской власти как в пределах РСФСР, так и за границей, слухи о том, что эти аресты являются преследованием свободной торговли, на самом деле представляют собою *абсолютно вздорное* измышление с определенными контрреволюционными намерениями сорвать налаживающиеся экономические отношения с Западной Европой».

На самом деле арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и *организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу.*

Из этого Вы можете видеть, как абсолютно лишены содержания слухи о том, будто бы мы кладем конец «новой экономической политике», и как до последней степени фальшивы обвинения антирусской печати в Англии, которая старается самым бессмысленным извращением дела и обманом представить нашу политику в ложном свете. На самом деле абсолютно не было и речи в каких бы то ни было правительственных кругах о том, чтобы положить конец «новой экономической политике» и вернуться к старой. Вся работа правительства, между прочим, в

происходящей сейчас сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устраниения всякой возможности отклонения от нее.

27. X. 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 43, с. 237—244

ИЗ РЕЧИ НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 20 НОЯБРЯ 1922 г.

В отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше. Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом. Вам, впрочем, об этом подробно докладывать не нужно: взятие Владивостока, последовавшая за сим демонстрация и государственно-федеративное заявление, которое вы на днях прочли в газетах, доказали и показали яснее ясного, что в этом отношении нам ничего менять не приходится¹⁰⁵. Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении. Это все мы теперь видим, и не только из прессы, из газет. Я думаю, что и из поездки за границу товарищи убеждаются в том, как велики происшедшие изменения. В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки...

Мы завоевали дипломатическую обстановку вполне определенную, и она есть не что иное, как дипломатическая обстановка, признанная всем миром. Вы это все видите. Вы видите результаты этого, а сколько потребовалось для этого времени! Мы сейчас добились признания своих прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров.

Мы можем видеть, почему нам, полтора года назад вступившим на путь так называемой новой экономической политики, почему нам так невероятно трудно двигаться по этому пути. Мы живем в условиях государства, настолько разрушенного войною, настолько выбитого из всякой сколько-нибудь нормальной колеи, настолько пострадавшего и потерпевшего, что мы теперь поневоле все расчеты начинаем с маленького-маленького процента — процента довоенного. Эту мерку мы прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо, и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности несбываемые. Задача, которую мы тут себе поставили, тем более представляется несбываемой, что мы ее сравниваем с условиями обычного буржуазного государства. Мы себе поставили эту задачу потому, что понимали, что помощи от богатейших держав, которая обычно в этих условиях приходит, этой помощи нам ждать нечего. После войны гражданской нас поставили в условия почти бойкота, т. е. нам сказали: той экономической связи, которую мы привыкли оказывать и которая в капиталистическом мире является нормальной, мы ее вам не окажем.

Прошло больше полутора лет с тех пор, как мы вступили на путь новой экономической политики, прошло значительно больше со времени заключения нами первого международного договора, и тем не менее до сих пор этот бойкот нас всей буржуазией и всеми правительствами продолжает сказываться. Мы не могли ни на что другое рассчитывать, когда пошли на новые экономические условия, и тем не менее у нас не было сомнения в том, что мы должны перейти и должны добиться успеха в одиночку. Чем дальше, тем больше выясняется, что всякая помощь, которая могла бы нам быть оказана, которая будет нам оказана со стороны капиталистических держав, она не только этого условия не устраним, она, по всей вероятности, в громадном большинстве случаев это условие еще усилит, еще обострит. «В одиночку», — мы себе сказали. «В одиночку», — говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали. И вот в этом особая трудность. Нам надо эту трудность сознать. Мы выработали свой государственный строй больше чем трехгодовой работой, невероятно тяжелой, невероятно полной героизма. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать — не сломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать — не будет ли много жертв, потому что жертв было достаточно много,

потому что борьба, которую мы тогда начали (вы прекрасно знаете, и распространяться об этом не приходится), эта борьба была не на жизнь, а на смерть против старого общественного порядка, против которого мы боролись, чтобы выковать себе право на существование, на мирное развитие. Его мы завоевали. Это не наши слова, не показания свидетелей, которые могут быть обвинены в пристрастии к нам. Это показания свидетелей, которые находятся в стане наших врагов и которые, конечно, пристрастны, но только не в нашу сторону, а совсем в другую. Эти свидетели находились в лагере Деникина, стояли во главе оккупации. И мы знаем, что их пристрастие стоило нам очень дорого, стоило многих разрушений. Мы из-за них понесли всевозможные потери, потеряли всякого рода ценности и главную ценность — человеческие жизни в невероятно большом масштабе. Теперь мы должны, со всем вниманием присматриваясь к нашим задачам, понять, что главной задачей теперь будет — не отдавать старых завоеваний. Ни одного из старых завоеваний мы не отдадим. (Аплодисменты.) Вместе с тем мы стоим перед задачей совершенно новой; старое может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять, чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку. Я думаю, товарищи, что эти слова и лозунги понятны, потому что в течение почти года, что мне пришлось отсутствовать, на разные лады, по сотням поводов вам приходилось практически, имея дело с предметом работы в своих руках, говорить и думать об этом, и я уверен, что размышления об этом вас могут привести только к одному выводу: от нас теперь требуется еще больше той гибкости, которую мы применяли до сих пор на почве гражданской войны.

От старого мы не должны отказываться. Целый ряд уступок, которые приравнивают нас к державам капиталистическим, — этот ряд уступок дает полную возможность вступать державам в сношения с нами, обеспечивает их прибыль, может быть, иногда большую, чем следует. В то же время мы уступаем из средств производства, которое наше государство держит почти все в своих руках, лишь небольшую часть. На днях в газетах обсуждался вопрос о концессии, предлагаемой англичанином Уркартом, который до сих пор шел почти все время против нас в гражданской войне. Он говорил: «Мы своей цели добьемся в гражданской войне против России, против той самой России, которая посмела нас лишить того-то и того-то». И после всего этого нам пришлось вступить с ним в сношения. Мы не отказались от них, мы приняли их с величайшей радостью, но мы

сказали: «Извините, то, что мы завоевали, мы не отдадим назад. Россия наша так велика, экономических возможностей у нас так много, и мы считаем себя вправе от вашего любезного предложения не отказываться, но мы обсудим его хладнокровно, как деловые люди». Правда, первый наш разговор не вышел, ибо мы не имели возможности согласиться на его предложение по политическим мотивам. Мы должны были ответить ему отказом. Пока англичане не признавали возможности нашего участия в вопросе о проливах, о Дарданеллах, мы должны были ответить отказом, но сейчас же после этого отказа мы должны были приняться за рассмотрение этого вопроса по существу. Мы обсуждали, выгодно нам это или нет, выгодно ли нам заключать эту концессию, и если выгодно, то при каких обстоятельствах. Мы должны были поговорить о цене. Вот то, что вам, товарищи, ясно показывает, до какой степени мы теперь должны подходить к вопросам не так, как мы подходили к ним раньше. Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым. Мы должны рассчитать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые торговаться никогда и не разучивались и которые будут торговаться за наш счет. Этого мы тоже не забываем и вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители торговли превратились в аглицев и, превратившись в аглицев, предоставили нам всяческие блага задаром. Этого не бывает, и мы на это не надеемся, а рассчитываем на то, что мы, привыкши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, окажемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений. Вот эта задача очень трудная. Вот над этой задачей мы работаем. Я хотел бы, чтобы мы отдавали и отдали себе ясный отчет в том, насколько велика пропасть между задачами старой и новой. Как бы эта пропасть велика ни была, мы на войне научились маневрировать и должны понять, что маневр, который нам предстает теперь, в котором мы теперь находимся, — самый трудный, но зато маневр этот, видимо, последний. Мы должны испытать тут свою силу и доказать, что мы не только зубурили вчерашние наши науки и повторяем зады. Извините, пожалуйста, мы начали переучиваться и будем переучиваться так, что достигнем определенного и всем очевидного успеха. Вот во имя этого переучивания, я думаю, теперь и следует нам еще раз

дать друг другу твердое обещание, что мы под названием новой экономической политики повернули назад, и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами. Тов. Красин, который много раз беседовал с Уркартом, этим главой и опорой всей интервенции, говорил, что Уркарт, после всех попыток навязать нам старый строй во что бы то ни стало, по всей России, садится за стол вместе с ним, Красиным, и начинает говорить: «А почему? А сколько? А на сколько лет?». (А плоды сделки.) От этого еще довольно далеко к тому, чтобы мы ряд концессионных сделок заключили и вступили, таким образом, в совершенно точные, непоколебимые — с точки зрения буржуазного общества — договорные отношения, но мы уже видим теперь, что мы к этому подходим, почти подошли, но еще не пришли. Это, товарищи, надо признать и не зазнаваться. Еще далеко не достигнуто в полной мере то, что сделает нас сильными, самостоятельными, спокойно уверенными в том, что никаких капиталистических сделок мы не боимся, спокойно уверенными в том, что как бы сделка ни была трудна, а мы ее заключим, выйдем в существо и ее разрешим. Поэтому работа в этой области, — и политическая и партийная, — которая нами начата, должна быть продолжена, поэтому нужно, чтобы от старых приемов мы перешли к приемам совершенно новым.

Полн. собр. соч., т. 45, с. 301, 303—308

ЗАПИСКА ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) И ПРОЕКТ ПИСЬМА ГЕРБЕРТУ К. ГУВЕРУ¹⁰⁶

Строго секретно

Гаскелл¹⁰⁷ повторил мне предложение, которое он сделал условно т. Каменеву. Я выразил полное согласие и рассыпался в комплиментах. Исполняя просьбу Гаскелла, я хочу ему дать нижеследующее письмо и прошу членов Политбюро и т. Чичерина высказаться по вопросу: считаете ли вы целесообразным дать такое письмо в руки Гаскеллу или признаете более осторожным (ввиду того что политические условия в Америке нам не ясны), чтобы я, сказавшись больным, уклонился от вручения Гаскеллу какого бы то ни было письма вообще.

Решение должно быть принято не позже завтрашнего утра.

Господину *Гуверу*
Дорогой мистер Гувер!

Господин полковник Гаскелл сказал товарищу Кампелу, с которым он постоянно сносился по делам Ары, а затем передал мне на специальном свидании со мной, что Вы при известных условиях согласились бы переехать в Россию, посвятив себя работе над ее экономическим восстановлением; я с чрезвычайным интересом приветствую это предложение и заранее благодарю Вас за него. Повторяю то, что я сказал мистеру Гаскеллу, именно что помощь нам от выдающегося организатора и «вождя промышленности» в стране с противоположными, по отношению к нашим, принципами экономического строя имела бы исключительно важное значение и была бы нам особенно желательна и приятна.

Согласно желанию мистера Гаскелла, все это дело остается до Вашего решения строго конфиденциальным.

С уважением Ленин

Написано 22 ноября 1922 г.

Полн. собр. соч., т. 54, с. 311—312

ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ
НАШЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГААГЕ ¹⁰⁸

По вопросу о борьбе с опасностью войны в связи с конференцией в Гааге я думаю, что самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий.

— Ответим на войну стачкой или революцией,— так говорят обыкновенно все виднейшие вожди реформистов рабочему классу. И очень часто кажущаяся радикальность этих ответов удовлетворяет и успокаивает рабочих, кооператоров и крестьян.

Может быть, самый правильный прием состоял бы в том, чтобы начать с самого резкого опровержения подобного мнения. Заявить, что особенно теперь, после недавней войны, только самые глупые или безнадежно лживые люди могут уверять, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны куда-нибудь годится. Заявить, что «ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить» на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна

обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны.

Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе.

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии.

Поэтому разъяснение вопроса о «защите отечества», во-первых; во-вторых, в связи с этим, разъяснение вопроса о «пораженчестве» и, наконец, разъяснение единственно возможного способа борьбы против войны, именно сохранение и образование нелегальной организации для *длительной* работы против войны всех участвующих в войне революционеров — все это должно быть выдвигается на первый план.

Бойкот войны — глупая фраза. Коммунисты должны идти на любую реакционную войну.

Желательно на примерах хотя бы немецкой литературы перед войной и, в частности, на примерах Базельского конгресса 1912 года показать с особенной конкретностью, что теоретическое признание того, что война преступна, что война недопустима для социалиста и т. п., оказывается пустыми словами, потому что никакой конкретности в подобной постановке вопроса нет. Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам. Напротив, господствующая пресса каждый день в необъятном числе экземпляров затушевывает этот вопрос и распространяет относительно него такую ложь, против которой слабая социалистическая пресса совершенно бессильна, тем более что и в мирное время она держится по этому пункту в корне неправильных взглядов. Коммунистическая пресса в большинстве стран наверное осрамится тоже.

Я думаю, что нашим делегатам на международном конгрессе кооператоров и тред-юнионистов следовало бы разделить между собою задачи и разобрать все те софизмы, которыми оправдывают войну в настоящее время, с самой детальной подробностью.

Может быть, самым главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует, и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, либо, еще больше, отделиваемся по отношению к ним дешевой, хвастливой и совер-

пенно пустой фразой, что мы войны не допустим, что мы вполне понимаем преступность войны и т. п. в духе Базельского манифеста 1912 года.

Мне кажется, что если у нас будет на Гаагской конференции несколько человек, способных на том или другом языке сказать речь против войны, то всего важнее будет опровергнуть мнение о том, будто присутствующие являются противниками войны, будто они понимают, как война может и должна надвинуться на них в самый неожиданный момент, будто они сколько-нибудь сознают способ борьбы против войны, будто они сколько-нибудь в состоянии предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны.

В связи с недавним опытом войны мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых отослаться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью.

Я думаю, что разъяснять этот вопрос надо с необыкновенной подробностью и разъяснять его надо двояко:

Во-первых, рассказывая и анализируя, что было во время предыдущей войны, и заявляя всем присутствующим, что они этого не знают, или что они притворяются знающими это, на самом же деле закрывают глаза на то, в чем состоит самый гвоздь вопроса, без знания которого ни о какой борьбе против войны не может быть и речи. По этому пункту, я думаю, необходим разбор всех оттенков, всех мнений, которые среди русских социалистов возникли тогда по поводу войны. Необходимо доказать, что эти оттенки возникли не случайно, а будучи порождены самой природой современных войн вообще. Необходимо доказать, что без анализа этих мнений и без разъяснения того, как они неизбежно возникают и как они имеют решающее значение для вопроса о борьбе с войной, без такого анализа ни о какой подготовке к войне и даже о сознательном отношении к ней не может быть и речи.

Во-вторых, надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали их договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д. и т. д. Мне кажется, что если будут малейшие сомнения

насчет возможности вполне свободно сказать всю свою речь против войны в Гааге, то следует обдумать ряд хитростей для того, чтобы сказать хотя бы только главное, а затем издать то, что не удастся досказать, брошюрой. Надо идти на то, чтобы председатель оборвал.

Я думаю, что для этой же цели в делегацию должны быть приглашены кроме ораторов, способных и обязанных сказать речь против войны в целом, т. е. развивая все главные доводы и все условия борьбы против войны, — еще владеющие всеми тремя главными иностранными языками люди, которые посвящали бы себя разговорам с делегатами и выяснению того, насколько ими поняты основные доводы и насколько есть необходимость в постановке тех или иных аргументов или привлечении примеров.

Может быть, по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны. Может быть, по ряду других вопросов серьезное действие можно оказать лишь разъяснением современных конфликтов между государствами и их связи с возможным вооруженным столкновением.

По вопросу о борьбе с войной мне помнится, что есть целый ряд заявлений наших коммунистических депутатов, как в парламентах, так и в речах вне парламентов, заявлений такого рода, которые содержат в себе чудовищно неправильные и чудовищно легкомысленные вещи насчет борьбы с войной. Я думаю, что против подобных заявлений, особенно если они делались уже после войны, надо выступить со всей решительностью и беспощадно называя имена каждого подобного оратора. Можно смягчить как угодно, особенно если это нужно, свой отзыв о таком ораторе, но нельзя пройти молчанием ни одного подобного случая, ибо легкомысленное отношение к этому вопросу есть такое зло, которое перевешивает все остальное и к которому быть снисходительным абсолютно невозможно.

Есть ряд решений рабочих съездов, беспардонно глупых и легкомысленных.

Надо собрать немедленно все и всякие материалы и обстоятельно обсудить и все отдельные части и частицы темы и всю «стратегию» на съезде.

С нашей стороны будет нетерпима по такому вопросу не только ошибка, но и существенная неполнота.

4/XII. 1922.

Полн. собр. соч., т. 15, с. 318—322

Глубокоуважаемому Чарлзу Протеусу Штейнмеду, являющемуся одним из немногих исключений в объединенном фронте представителей науки и культуры, противопоставляющих себя пролетариату.

Я надеюсь, что последующего углубления и расширения бреши, пробитой в этом фронте, не придется долго ждать. Пусть пример русских рабочих и крестьян, державших свою судьбу в своих руках, послужит поддержкой американскому пролетариату и фермерам. Несмотря на ужасное последствие военной разрухи, мы продолжаем идти вперед, хотя и не обладаем и одной десятой тех огромных ресурсов для экономического строительства новой жизни, которые уже много лет находятся в распоряжении американского народа.

Владимир Ульянов (Ленин)

Москва, 7. XII. 1922.

Полн. собр. соч., т. 54, с. 319

Из письма

«О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ» ¹¹⁰

Товарищу Сталину для пленума ЦК

Я считаю самым важным разобрать письмо т. Бухарина. В первом пункте он говорит, что «ни у Лешипа, ни у Красина нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которые несет хозяйство страны от неработоспособности НКВТ, вытекающей из его «принципиальной» структуры, нет ни слова об убытках, которые происходят от того, что мы сами не в состоянии (и долгое время не будем в состоянии по причинам вполне понятным) мобилизовать крестьянский товарный фонд и пустить его в международный товарооборот».

Это утверждение прямо неверное, ибо у Красина ясно сказано в параграфе II об образовании смешанных обществ, которые представляют из себя способ, во-первых, мобилизовать крестьянский товарный фонд и, во-вторых, заполучить прибыли от этой мобилизации не меньше, чем наполовину в нашу государственную казну. Обходит, таким образом, суть вопроса именно Бухарин, который не хочет видеть того, что «мобилизация крестьянского товарного фонда» даст доход целиком и исключительно в руки нанманов. Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ рабо-

тать на пользу изпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде.

Вопрос о неработоспособности НКВТ, по сравнению с этим первым, основным, принципиальным вопросом, является совершенно подчиненным, ибо неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших паркоматов, зависящая от их общей социальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по подиятию просвещения и уровня вообще.

Второй пункт тезисов Бухарина заявляет, что «такие пункты, как, например, § 5 красинских тезисов, целиком применимы и к концессиям вообще». Это опять-таки самая вопиющая неправда, ибо 5-й тезис Красина утверждает, что «в деревне будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик, спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной». Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами, и еще, главное, мы держим в своих руках торговлю теми или иными предметами, сданными в концессию; не возражив ни единого слова против доводов Красина, что мы не удержим свободной торговли в рамках, которые намечает решение пленума 6. X, что у нас вырвут из рук торговлю силой напора не только контрабандистов, но всего крестьянства, не ответив на этот основной экономический и классовый довод ни одного звука, Бухарин выдвигает против Красина обвинения, которые поражают своей несостоятельностью.

В третьем пункте своего письма Бухарин пишет: «§ 3 Красина». (Он обмолвкой называет 3 вместо 4.) «Наша граница держится», и он спрашивает: «Что это значит? Это значит реально, что ничего не делается. Точь-в-точь как магазин с хорошей общественной вывеской, в котором ничего нет (система Главзапора)». Красин совершенно определенно говорит, что наша граница держится не столько таможенной или пограничной охраной, сколько существованием монополии внешней торговли. На этот ясный, прямой и бесспорный факт Бухарин не возражает и не может возразить ни одного слова. Выражение «система Главзапора» принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отпечал в свое время выражением «фритредервульгарис», ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет.

Далее, в четвертом пункте Бухарин обвиняет Красина, будто он не видит, что мы должны идти к совершенствованию нашей

таможенной политики, и рядом с этим обвиняет меня, будто я ошибаюсь, говоря о надзирателях по всей стране, когда речь идет на самом деле и только о ввозных и вывозных пунктах. Опять-таки здесь возражения Бухарина поражают легкомыслием и бьют мимо цели, ибо совершенствование нашей таможенной политики Красин не только видит, не только признает полностью, но и указывает с точностью, не допускающей ни тени сомнения. Именно, это усовершенствование состоит в том, что мы приняли систему монополии внешней торговли, во-первых, и, во-вторых, систему образования смешанных обществ.

Бухарин не видит, — это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, — что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность паверняка.

Поэтому все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли.

Обвинение Бухариным Красина (в пункте пятом), будто он не понимает всей важности усиления циркуляции, совершенно опровергается тем, что сказано у Красина о смешанных обществах, ибо эти смешанные общества никакой иной цели не преследуют, как именно усиление циркуляции с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности.

Если, далее, в шестом пункте, возражая мне, Бухарин пишет, будто ему не важно, что крестьянин заключит выгоднейшую сделку, и будто борьба будет идти не между крестьянином и Советской властью, а между Советской властью и экспортером, то это опять-таки в корне неправильно, ибо экспортер при указанных, например, мною разнице в ценах (леп стоит в России 4 р. 50, а в Англии 14 р.) мобилизует вокруг себя все крестьян-

ство самым быстрым, верным и несомненным образом. На практике Бухарии становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никаким образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение. Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец...

Если же мы будем разговаривать о «таможенной охране», то это значит, что мы будем засорять себе глаза насчет опасностей, указанных Красным с полной ясностью и ни в одной своей части не опровергнутых Бухариным.

Добавлю еще, что частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию, без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России.

Пользоваться смешанными обществами, чтобы серьезно и длительно учиться,— таков единственный путь к восстановлению нашей промышленности.

Ленин

*Продиктовано по телефону
13 декабря 1922 г.*

Полн. собр. соч., т. 45, с. 333—337

Из статьи

«ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ»¹¹¹

Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить дотла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более

развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при вэне, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму, — так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех

пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западноевропейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли

в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Написано 2 марта 1923 г.

Полн. собр. соч., т. 45, с. 401—404

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

Г. В. ЧИЧЕРИН

ЛЕНИН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Еще не настало время* изложить в виде стройной системы внешнюю политику Владимира Ильича. Уже давно всеми признано, что у Советской республики имеется стройная выработанная система внешней политики. Она является еще большей новизной, чем советская система внутренней политики. Никогда до Октябрьской революции не делалось попытки установить программу внешней политики социалистического государства среди капиталистических. Но и сам Владимир Ильич никогда не излагал в виде систематически разработанного плана всю внешнюю политику Советской республики. Ее стройность и цельность была в его голове. Свои взгляды в этой области он излагал в бесчисленных конкретных случаях. Лишь несколько общих принципов, лишь некоторые основные концепции его внешней политики излагались им в общей форме. Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда В. И. Ленин руководил делами, будут собраны и систематизированы и когда целый ряд острых вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить стройную систему внешней политики Советской республики, как ее понимал Владимир Ильич.

В тот период, когда Владимир Ильич принимал активнейшее участие во всех деталях государственной жизни, я в области своей работы находился с ним в почти непрерывном контакте. В первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости.

Впервые я вошел с В. И. Лениным в контакт по внешней политике в период споров после германского ультиматума. Для всех нас перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичем я еще не

* Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

успел подчиниться необходимости подписания «похабного» мира. Однако перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск. Когда мы доехали до одной из последних станций перед Псковом, нам пришлось стоять почти сутки вследствие невозможности ехать дальше в обстановке бегущей царской армии. Тут мы получили от Владимира Ильича телеграмму приблизительно такого содержания: «Если вы колеблетесь, это недопустимо». Мы ответили ему, что задержаны против нашей воли и при первой возможности двинемся дальше. Мы вернулись из Бреста в момент эвакуации правительства из Петрограда (ныне Ленинград) в Москву. На новом месте я сразу вошел в самый близкий контакт с Владимиром Ильичем и до самого момента покушения на него я работал, совместно говоря, вместе с ним.

Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям.

После Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперед, в особенности со стороны Украины, так как границы губерний немецкие войска не признавали.

Благодаря личному вмешательству Владимира Ильича были предотвращены некоторые выступления, носившие характер паники или отчаяния. Вместо этого наше правительство по рекомендации Владимира Ильича обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров. Так было положено начало тем переговорам, которые завершились в августе дополнительными соглашениями с Германией и началом эвакуации оккупированных областей немцами. За всеми перипетиями этих переговоров Владимир Ильич тщательно следил, сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны.

Пребывание в Москве, этой революционной столице, графа Мирбаха, представителя германской военной монархии, естественно, вело к постоянным трудностям и иногда к почти безвыходным ситуациям. Владимир Ильич обнаруживал при разрешении этих настоящих трудностей тот же неподражаемый политический реализм, который внушил ему необходимость подписания Брестского договора. Но, считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок, Владимир Ильич всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость. «Это требование нелепо, его нечего выполнять», — иногда заявлял он. Между прочим, происходили частые недоразумения при переговорах об обмене военнопленными. Владимир Ильич, лично вмешиваясь в детали этих переговоров, устанавливал пределы, за которыми уступки являлись излишними.

Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха*, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичем. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву. И, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда,

* Мирбах, германский посол в Советской России, убит 6 июля 1918 года в Москве левыми эсерами, пытавшимися сорвать мирный договор и спровоцировать войну с Германией. *Ред.*

Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Чуть не обмануло Ленина, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому, как он в разговорах со мной оценивал положение.

Когда в августе Антанта уже фактически вела против нас войну, залив Архангельск и продвигаясь от него к югу, действуя на востоке при помощи чехословаков и на юге толкая вперед «добровольческую армию» Алексеева, Владимир Ильич сделал попытку использования антагонизма двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска шедшей вперед Антанты.

Главным средством нашего дипломатического действия в Берлине в этот первый труднейший период было заинтересовывание германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской республикой. Тов. Ноффе, блестяще проводивший эту политику, указывал германским деловым кругам, что, превратив Россию во вторую Украину, они тем самым превратят ее в пустыню и лишат себя же всех тех выгод, которые им могло бы дать экономическое сотрудничество с возрождающейся Советской Россией. В связи с этим Владимир Ильич впервые оформил конкретно свои планы привлечения иностранного капитала и предоставления ему крупных концессий. Я имел на эту тему ряд чрезвычайно интересных разговоров с Владимиром Ильичем. Наконец план предоставления иностранному капиталу концессий, разработанный, кажется, тов. Бронским, был одновременно вручен и германскому правительству, и нашему американскому приятелю полковнику Реймонду Робинсу, который его повез с собой в Америку.

Беспримерная трудность нашего положения в этот первый период зависела от того, что, с одной стороны, на нас оказывал давление победоносный германский империализм, а с другой стороны, давила на нас все более требовательная Антанта. Я помню посещение антантовских представителей по поводу занятия Владивостока японцами. Владимир Ильич тогда детальнейшим образом рекомендовал мне полудипломатический, полузавистливый ответ на лицемерное заявление начипавшей свою интервенцию Антанты.

Нашей главной заботой в то время было по мере возможности продлить передышку и отсрочить ожидавшиеся дальнейшие шаги Антанты против нас. При моих постоянных попытках соглашения с Антантой, которые, даже в случае неудачи, могли по крайней мере отсрочить угрожавший нам разрыв, Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удавалось округлить возникшие острые углы. Когда после газетного интервью французского посла Пуланса о грядущей интервенции мы потребовали его отзыва и заявили, что рассматриваем его как частное лицо, мы сначала предприняли против него целый ряд репрессалий вроде лишения корреспонденции и т. д., но сразу же выяснилось, что мы этим можем сорвать ту передышку, которую мы велически старались продлить. Владимир Ильич сейчас же вмешался, чтобы прекратить те излишние репрессалии, от которых можно было ожидать нежелательных результатов. Опять-таки после интереснейших разговоров с ним я имел продолжительное свидание с начальником французской военной миссии генералом Лавернем, с которым мы тесно старались столкнуться. Француз, напрягавшая последние силы в отчаянной схватке, хотела во что бы то ни стало немедленно восстановить восточный фронт Германии, и все мои указания как в разговоре с Лавернем, так и в других случаях на невозможность для нас возобновле-

пня борьбы имели результатом лишь новые проявления стремления Антанты к созданию восточного фронта для Германии, хотя бы вопреки нам. Владимир Ильич в этих разговорах открывал мне глаза на громадное значение Франции для континентальной военной политики. Мне особенно памятен тот интерес, с которым Владимир Ильич отнесся к посещению маркиза Люберсака (родственник которого в 1922 году заключил известное соглашение со Стайнесом). Этот молодой французский офицер выражал восторг по поводу виденных им первых зачатков повои, народной русской армии, то есть Красной Армии.

Одновременно, оценивая мировую роль Англии, Владимир Ильич внимательнейшим образом следил за нашими попытками договориться с ней через специально посланного к нам Локкарта. Одно время это соглашение казалось возможным, пока бунт чехословаков не направил политику Англии по линии активной интервенции. В беседе со мной Владимир Ильич предсказал, что Англия будет стараться по очереди договариваться со всеми против нас. Я ответил, что при своей гибкости Англия будет стараться договариваться и с нами. «С нами — последними, после других», — ответил Владимир Ильич.

Как только Антанта начала на нас открытое нападение, усилья его конспиративной работой и попытками вызвать восстания внутри нашей собственной страны. Владимир Ильич считал нужным отвечать на это рядом сильных ударов. В такие моменты должна была применяться не гибкость, но мгновенное применение силы. Однако и в эти моменты массовых арестов и т. п. Владимир Ильич всегда, где нужно, применял гибкость, предотвращая возможность лишнего осложнения. Сидевших в Вологде антантовских послов мы убедили в необходимости выехать, сначала предложив им поезд в Москву, от которого они отказались. В результате этого их выезд из России совершился корректным образом, что облегчило нам дальнейшие сношения с их государствами. Как раз в это время величайшего обострения отношений с Антантой Владимир Ильич впервые настоял на том, чтобы мы обратились к Антанте с мирными предложениями. В первый раз через американского консула Пуля мы запросили Англию, чего она, собственно, хочет. Затем формальное мирное предложение мы переслали через дружественного нам секретаря норвежской миссии Христиансена.

В момент крушения Германской империи первым решением Владимира Ильича было предложение помощи германскому народу для ведения им народной войны против вторжения иностранного империализма. Но Германская республика пошла по другому пути. Как только я прочитал Владимиру Ильичу ленту моих разговоров по прямому проводу с Гаазе, он сказал: «Ничего не выйдет, это надо прекратить».

Антанта в то время требовала, чтобы германские войска остались на своих местах до прихода антантовских или союзных с ними войск, с тем чтобы последним была передана власть. Выполняя решение Антанты, Германская республика активно участвовала в подготовке интервенции против нас. Такова была политика Гаазе и Каутского. Но немецкие войска сами пошли домой, не считаясь с распоряжениями своего начальства.

Параллельно с уходом немецких войск создавались национальные советские республики. Тут впервые была осуществлена национальная программа Владимира Ильича. Она оказала серьезнейшее влияние и на наших противников, которые в это время стали путаться между поддержкой «единой неделимой» белогвардейской России и развитием контрреволюционных движений у малых национальностей. Это внутреннее противоречие антантовской политики, в особенности французской, сыграло для наших врагов роковую роль.

В течение всего периода интервенции Владимир Ильич настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости. Он считал это, наоборот, одним из сильнейших средств для оказания давления на воинствующий интервенционизм в странах Антанты.

Когда получились первые известия о предстоящем приглашении нас на конференцию на Принцевых островах, Владимир Ильич сейчас же признал необходимым, не дожидаясь получения этого приглашения, обратиться к Антанте с нашим собственным предложением. Тут впервые в развитой форме была проведена его мысль об апелляции к экономической выгоде самой Антанты. Эта мысль стала одной из главных во внешней политике Владимира Ильича и постепенно получала все большее развитие. В ночь 4 февраля 1919 года, являвшейся результатом подробного обсуждения вопроса самим Владимиром Ильичем, мы впервые согласились на признание наших долгов, оставляя открытым способ проведения этого признания в жизнь, и тут же предложили Антанте систему концессий на наши натуральные богатства. Дальнейшее развитие эта программа получила в наших предложениях, врученных американскому эмиссару Буллитту. Каждое слово наших предложений Буллитту было тщательно взвешено Владимиром Ильичем; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу. Владимир Ильич тогда же говорил: «Если они сейчас не примут наших предложений, то другой раз они от нас таких выгодных условий уже не получат».

Прошло несколько месяцев, и при активнейшем участии Владимира Ильича нами были сделаны мирные предложения нашим соседям — впадь образовавшимся буржуазным балтийским государствам и Финляндии. Тем самым был положен конец признанию нами советских правительств этих национальностей. Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики, при котором обнаружилось вся бесподобная гибкость и политический реализм Владимира Ильича. Нам надо было считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружельюбных отношений с нашими соседями. Первая подписала с нами перемирие, а потом договор Эстония. Я помню опять-таки, с какой внимательностью Владимир Ильич входил во все детали переговоров, устраяя ненужное сопротивление и идя на значительные уступки ради мира, по в то же время отвергая всякие преувеличенные домогательства противной стороны...

С конца 1919 года начинается полоса возобновления нами сношений с большими государствами Антанты. Тов. Литвинов в ноябре едет в Копенгаген, а в начале 1920 года тов. Красин едет в Лондон. Внимательным образом следя, чтобы противная сторона не поставила нам какой-нибудь ловушки, и тщательно разбирая каждое предложение, Владимир Ильич в общем твердо держал курс на торговое соглашение с Англией. Когда в середине 1920 года тов. Красин приехал из Лондона с четырьмя условиями Ллойд Джорджа, Владимир Ильич настоял на их принятии в общих чертах в качестве основы для переговоров. В момент продвижения наших войск к Варшаве Владимир Ильич с чрезвычайной холодностью отнесся к ультиматуму Ллойд Джорджа, считая, что он не может причинить нам слишком большого вреда.

Как раз в этот период и имел с Владимиром Ильичем ряд интереснейших разговоров в связи с английским предложением конференции, которое в известный момент сделалось англо-французским предложением. Франция в этот момент держалась некоторое время (до внезапного признания Врангеля) довольно умеренного курса по отношению к нам и

соглашалась на мирную конференцию вместе с Англией. Владимир Ильич вполне оценивал громадные выгоды для нас такого предложения; однако тут было большое «но»: эта конференция должна была обсуждать отношения между нами и балтийскими государствами. Другими словами, Аптахта делалась верховным арбитром в наших отношениях с нашими соседями. Из-за этого мы вполне правильно отказались от англо-французской конференции. Тогда же Владимир Ильич с глубочайшим интересом отнесся к первым попыткам налаживания экономического сотрудничества с германским капиталом.

При начале переговоров с Польшей лично Владимиру Ильичу принадлежала замечательная мысль: предложить Польше больше территории, чем предлагали ей Клемансо и Керзон. И во время рижских переговоров Владимир Ильич по телефону обсуждал детали делавшихся предложений и в конце концов настаивал на подписании договора в его нынешнем виде.

Нечего говорить о том огромном интересе, с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики. Я вспоминаю о его продолжительном свидании с первой афганской чрезвычайной миссией. Я вспоминаю дальше, как внимательно во время Московской конференции с Туривей Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том, что было сделано за день, и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров. Он настойчиво проводил и политику аступления в дружественные отношения с персидским правительством.

В 1921 году подписанию нами предварительного соглашения с Англией предшествовало у нас долгое обсуждение этого вопроса. Владимир Ильич категорически настоял на подписании. Однако в 1921 году его личное участие в делах внешней политики становится значительно меньшим. Оно окончательно вытесняется коллективным обсуждением, причем Владимир Ильич гораздо меньше прежнего входит в детали всех дел. Очень горячее участие он принимал, впрочем, в переговорах с «АРА» и с Парсонсом о помощи голодающим.

Хотя зимой 1921/22 года Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, в общем содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов. Когда перед нашим отъездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции и когда при этом предлагались обличительные фразы в духе наших прежних выступлений, Владимир Ильич написал приблизительно так: «Не надо страшных слов».

После моего возвращения осенью 1922 года из-за границы я пробыл в Москве шесть недель. Главным вопросом был турецкий, готовилась Лозаннская конференция. При живейшем участии Владимира Ильича была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичем было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним.

*Печатается по пятитомному изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине, М., 1969. Т. 3, с. 483—490*

ВЛАДИМИР ИЛЬЧИЧ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

К великому несчастью для всех нас, болезнь заставила Владимира Ильича отойти от фактического руководства государственной работой еще в тот период, когда паша внешняя торговля только-только начинала становиться на ноги. Правда, Владимир Ильич еще председательствовал в Совнарком, когда наши операции по ввозу заграничных товаров начали принимать характер крупных сделок, по возникновению и развитию нашего экспорта — а от развития экспорта зависит и наш импорт — отойсится к тому времени, когда Владимир Ильич уже не имел возможности пристально следить за работой государственной машины.

Вначале отношение Владимира Ильича к нашей внешней торговле или, вернее, к нашей способности практически справиться с ее задачами было несколько скептическое. Когда я разявлял Владимиру Ильичу планы о том, что пароходы с нашим сырьем десятками и сотнями пойдут за границу, что развитие нашего экспорта обеспечит нам правильный приток иностранной валюты и что через каких-нибудь 5 лет мы добьемся постоянного перевеса вывоза над ввозом, то есть активного торгового баланса, Владимир Ильич, по своему обыкновению прищуриив один глаз, пскоса поглядывал на меня и безнадежно махал рукой, роняя ипогда своей милой, незабываемой, слегка картавой скороговоркой: «Какие уж мы торговцы». Этот скептицизм основывался не только на том отечески насмешливом недоверии, которое Владимир Ильич всегда проявлял, когда кто-нибудь из большевиков при нем начинал распространяться о своих практических достижениях, но и на оценке объективных внешних условий.

Владимир Ильич с глубочайшим недоверием отпослелся к капиталистическому миру и в любую минуту ожидал с той стороны каких угодно затруднений и каверз. Блокада Советской России хотя и была официально снята январским постановлением Верховного Союзного Совета в 1920 году, но в действительности она еще продолжалась, и сомнения в возможности беспрепятственной внешней торговли были более чем уместны. Скептицизм Владимира Ильича заходил так далеко, что он одно время даже сомневался, сможем ли мы закупать за границей товары на наше золото. Однажды он даже в полшутливой форме спросил меня: «Да сумеем ли мы израсходовать наше золото на закупку полезных и нужных товаров? Смотрите, как бы нам не опоздать». Разумеется, я успокоил Владимира Ильича уверением, то что касается расходования золота, то опасности в опоздании тут ипогда не будет, а, напротив, придется принимать драконовские меры, чтобы не слишком быстро расходовать золотой запас. Несомненно, этот «золотой скептицизм» Владимира Ильича отразился в некоторых постановлениях Совнаркома, в частности, при отъезде моем за границу в марте 1920 года для торговых переговоров с Англией СНК постановил отпустить НКПС до 300 миллионов рублей золотом на закупку паровозов и другого железнодорожного имущества. Вероятно, эта ассигновка послужила впоследствии основанием для открытия золотых кредитов по увеличенному сделанного в Швеции первоначального заказа от 100 паровозов до 1000 с лишним паровозов.

«Золотая» блокада, с которой нам пришлось столкнуться при наших первых закупках за границей, состоявшая в том, что по сговору буржуазных правительств в банках ни одна фирма и ни один банк не соглашались брать в оплату заказов нашего золота, является лучшим доказательством того, насколько прав был Владимир Ильич в своих опасениях

по поводу внешней торговли. Эта «золотая» блокада причинила нашей республике потерю около 45 миллионов рублей и была изжита только ко времени подписания торгового соглашения с Англией в марте 1921 года.

Значение внешней торговли при начале наших заграничных сношений сводилось первоначально к срочному снабжению нашего транспорта и главнейших отраслей добывающей промышленности наиболее необходимыми материалами, запасными частями и инструментом: телеграфные аппараты для разрушенных гражданской войной железнодорожных станций, насосные станции, проволока, гвозди, топоры, пилы, напильники, инструментальная сталь, ремни и т. п. Основная директива, в утверждении которой участвовал Владимир Ильич, состояла в том, чтобы закупать только орудия и средства производства, сводя к минимуму закупку предметов потребления.

Катастрофическая засуха 1921 года и голод на Волге и в других областях, явившийся ее результатом, заставили в корне изменить эту директиву. Когда я летом 1921 года приезжал из Лондона в Москву и пришел к Владимиру Ильичу в его кабинет, я застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: «А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?»

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было. Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, настаивая сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам.

Здесь не место излагать, как развивалась наша внешняя торговля. Возможность вывоза наших товаров открылась только после заключения торгового договора с Англией и после нескольких судебных процессов там же, создавших нам некоторую гарантию целостности и неприкосновенности наших товаров и наших денег. Только с этого момента появилась возможность вывоза нашего леса, льна, пеньки, пушнины и нефтепродуктов. С этого же времени во весь рост встал перед нами вопрос о монополии внешней торговли.

До того времени монополия внешней торговли казалась чем-то само собой очевидным, так как она вытекала из самой сущности «военного коммунизма». Переход к новой экономической политике сам по себе, конечно, уже ставил вопрос о монополии, но, пока не было экспорта, были затронуты лишь интересы главным образом заграничных импортеров. Поскольку капиталистическая граница занимала по отношению к нам враждебное положение и Наркомвнешторгу было относительно нетрудно отстаивать свои позиции против притязаний граничных купцов на свободный ввоз в Советскую Россию заграничных товаров, НКВТ* находил относительно легко поддержку партийных и советских органов.

Положение круто изменилось, как только явилась возможность продажи за границу российского сырья. У каждой почти организации, не только у хозорганов, но и у многих нехозяйственных наркоматов, оказались запасы льна, пушнины, щетины и других экспортных товаров. Возрождающаяся частная торговля и весь вообще эсп начали оказывать величайший пажим на НКВТ, стремясь к прорыву монополии внешней

* Народный комиссариат внешней торговли. *Ред.*

торговли. Общее увлечение лозунгом развития торговли начало принимать своеобразные формы некоторого советского меркантилизма, лозунгом которого было максимальное развитие торговли всеми и всяческими способами, и притом не только внутри страны, но и вовне. Практические интересы наша и многих государственных и хозяйственных органов нашли себе и «теоретическое» обоснование, а параллельно с этим развивался нажим со стороны заграницы, где, разумеется, все круги буржуазного общества, начиная с правительств и банков и кончая средними и мелкими комиссионерами и перепродавцами, являлись противниками монополии внешней торговли, которая в глазах западноевропейского буржуа является «большевистским чудовищем», как ВЧК или ГПУ. Вопрос о монополии внешней торговли был поднят и в советской печати, поместившей немало фритредерских статей с требованием если не отмены, то смягчения монополии внешней торговли*. Вопрос обсуждался и в партийных кругах, и все это движение в конце 1922 года нашло себе выражение в предварительных постановлениях весьма влиятельных органов, проектировавших ослабление монополии внешней торговли настолько значительное, что мне при одном из выступлений по поводу этого предложения пришлось сравнить его с дырой в привязном воздушном шаре. Монополии внешней торговли не предполагалось уничтожать, предполагалось лишь установить свободный ввоз и вывоз для некоторых товаров и свободное открытие некоторых границ, что в конечном результате привело бы к столь же верному крушению всей системы нашей внешней торговли, как верным было бы падение на землю воздушного шара, если бы кто-нибудь проделал в его оболочке небольшую дыру.

Положение было очень опасное, почти безнадежное, и к кому же в таком случае идти, как не к Владимиру Ильичу?

Владимир Ильич с начала октября 1922 года, как известно, возобновил председательствование в Совпаркоме, по все время похварывал. Придя к нему, я узнал, что у него флюс и что он не выходит из квартиры. Однако уже на другой день сам Владимир Ильич с присутствием ему величайшей во всех делах, даже в мелочах, заботливостью сам позвонил мне по телефону и назначил время для разговора. Когда я подробно изложил всю ситуацию, Владимир Ильич развел руками и признал положение очень серьезным: «Надо действовать». С этого момента я понял, что монополия внешней торговли спасена. Владимир Ильич проштудировал весь накопившийся по этому вопросу материал, дал задание написать тезисы в обоснование их взглядов тем товарищам, которые были сторонниками нового режима внешней торговли, возложив такую же задачу и на меня и дав обещание со своей стороны поддержать позицию НКВТ особым письмом.

В этом письме Владимир Ильич, по обыкновению, сразу берет быка за рога. «Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу пэпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде**». Указание на неработоспособность НКВТ Владимир Ильич отмечает, как вопрос второстепенный, «ибо пера-

* Наиболее открыто на капитулянтские позиции по вопросу о монополии внешней торговли стали Бухарин и Сокольников. Эта позиция была резко осуждена В. И. Лениным в его письме «О монополии внешней торговли», написанном 13 декабря 1922 года для Пленума ЦК РКП(б), на котором Владимир Ильич не мог присутствовать из-за болезни (см. наст. сб., с. 252—255. *Ред.*).

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 333. *Ред.*

ботоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей социальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию производства и уровня вообще»*.

НКВТ, защищая монополию внешней торговли, боролся против допущения к торговым сделкам, и в особенности к закупке сырья для вывоза за границу, частного капитала, утверждая, что тем самым в деревне был бы искусственно введен самый злостный эксплуататор — скупщик-спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной. Сторонники свободной торговли опровергали этот довод указанием на то, что допускаем же мы иностранный капитал в виде концессий. Если можно допустить концессионера, то с таким же основанием можно допустить и скупщика-экспортера. Владимир Ильич разбивает этот довод: «Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами, и еще, главное, мы держим в своих руках торговлю теми или иными предметами, данными в концессию...»**

Владимир Ильич правильно оценивал значение таможенной и пограничной охраны, признавая, что наша граница держится не столько ими, сколько существованием монополии внешней торговли. На попытку сторонников свободной торговли характеризовать монополию внешней торговли как «систему Главзапора» Владимир Ильич отвечает: «Выражение «система Главзапора» принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отвечал в свое время выражением «фритредервульгарис», ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет»***. По поводу одного из оппонентов****, предлагавших заменить монополию внешней торговли усиленной таможенной охраной, Владимир Ильич писал, что «это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, — что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми». Он (оппонент) «ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за вывоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка».

С истинной глубиной мысли Владимир Ильич устанавливает здесь, что никакая таможенная охрана, никакие пошлины не могут защитить нашей промышленности от иностранной конкуренции, и только в монополии внешней торговли мы имеем тот оплот, который позволит возродить нам нашу промышленность, несмотря на иностранную конкуренцию.

Товарищи рабочие, вы должны запомнить эти слова великого учителя, запомнить его завет, по которому, только охраняя монополию внешней торговли, можно обеспечить защиту для нашей возрождающейся промышленности.

«Поэтому, — продолжает Владимир Ильич, — все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый са-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 334. *Ред.*

** Там же. *Ред.*

*** Там же, с. 334—335. *Ред.*

**** Л. Б. Красин имеет в виду Бухарина. *Ред.*

мой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли». И дальше: «На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никим образом не таможенной политикой, а только неключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение».

«Добавлю еще, что частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле провизирования в Россию, без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России»*.

Обвинение сторонников монополии внешней торговли, будто они не понимают всей важности усиления обращения товаров на внутреннем рынке, по мнению Владимира Ильича, устраняется созданием смешанных обществ, «ибо эти смешанные общества никакою иной цели не преследуют, как именно усиление циркуляции с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности... Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают ридом и заграничный и русский купец»**...

Все это продиктовано Владимиром Ильичем 13 декабря 1922 года.

Выступление Владимира Ильича решило вопрос о монополии внешней торговли окончательно и бесповоротно. Мощная аргументация Владимира Ильича убедила тех товарищей, которые колебались было одно время в этом вопросе, и, хотя сам он уже не смог выступить на XII съезде партии, вопрос о монополии внешней торговли не возбуждал ни в ком никаких сомнений, и резолюцией партийного съезда окончательно закреплен этот основной принцип нашей внешней экономической политики.

Но и в области самой внешней торговли этот год*** не прошел бесследно. Мы не только в два с лишним раза увеличили общий оборот нашего внешнего товарообмена, мы не только улучшили качественно состав нашего экспорта и импорта, переходя все более и более к осуществлению производственного принципа, но нам удалось уже в прошлом году добиться значительного превышения вывоза над ввозом, добиться активного баланса, и на будущий год превышение вывоза над ввозом представляется также вполне обеспеченным. Наши торговые аппараты постепенно, но неуклонно совершенствуются, мы одним ударом заняли почетное положение на международном хлебном рынке, наш экспорт во всех его отраслях развивается качественно и количественно, и западноевропейский деловой мир, имеющий с нами торговые дела, уже теперь может засвидетельствовать, что мы учимся и выучимся делу внешней торговли.

*Печатается по пятидесятому изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. М., 1969. Т. 4, с. 186—192*

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 335—336, 337. *Ред.*

** Там же, с. 336. *Ред.*

*** Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

СВЯЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

Осенью 1921 года в Москву для заключения первого договора о дружбе между Советским Союзом и народной Монголией приехала монгольская делегация во главе с Сухе-Батором. Мне посчастливилось быть одним из ее членов. После того как 5 ноября того года договор был подписан, нашу делегацию принял Владимир Ильич Ленин и сердечно беседовал с нами.

Хорошо помню, как он сказал, что очень рад еще раз услышать о том, что Монгольское народное государство, изгнав всех врагов со своей земли, налаживает новую жизнь. От имени трудящихся Советской России он пожелал монгольскому народу успеха в великом деле, начатом народной партией и правительством Монголии.

— Для того чтобы навсегда закрепить завоевания народной Монголии, — подчеркнул Ильич, — необходимо расширить связи с Советским правительством.

Ленин долго беседовал с членами делегации. Он внимательно слушал наши рассказы, живо интересовался самыми разными вопросами жизни народной Монголии, давал полезные советы. В частности, Владимир Ильич обратил наше внимание на необходимость поднять уровень просвещения и культуры монгольского народа, одновременно подчеркнув, что нужно всемерно развивать собственную экономику с целью удовлетворения всех потребностей народа. Когда вы выполните эти задачи, сказал он, то подниметесь до уровня развитых европейских государств.

Владимир Ильич заявил, что Советское государство поможет Монголии всеми средствами, ибо заключенный договор — это договор дружбы, равенства и братства.

— Надо идти вперед, как братья, всегда помогая друг другу, — добавил Ленин.

Эта встреча с великим вождем первой в мире пролетарской революции навсегда запечатлелась в моем сердце. Она ярко показала, как мудрый и простой Ильич заботился об интересах всех трудовых людей Земли.

*Печатается по пятитомному изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. М., 1969. Т. 5, с. 439—440*

КАРЛ ИДМАН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФИНСКОГО МИНИСТРА

Во второй половине декабря 1917 года, помнится, числа 26-го, я получил от сената распоряжение прибыть в Хельсинки. Приехав в Финляндию, я узнал, что вопрос идет о том, чтобы правительство Финляндии обратилось к Совету Народных Комиссаров РСФСР с просьбой признать ее независимость. Прошло уже три недели с момента провозглашения независимости Финляндии, но признания этой независимости ни от одного государства не последовало. Некоторые государства вообще не имели

желания признать независимость нашей страны. По мнению одного из наших представителей за границей, там стали на ту точку зрения, что признание нашей независимости другими странами должно предшествовать признанию этой независимости Россией. Таким образом, признание со стороны России было для нас очень важным.

...Сенат решил, что Энкелю и мне следует встретиться с Лениным и выяснить, как отнесется Совет Народных Комиссаров к просьбе о признании независимости Финляндии, если к нему с этим обратятся.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ СМОЛЬНОГО

Смольный институт — бывшее императорское учебное заведение для дочерей дворянства. Это большое каменное здание, к которому примыкают два боковых флигеля. Перед зданием — обширный двор. У главного входа — крытый подъезд. Мы вошли в высокий просторный вестибюль. У входа в длинный коридор стояли два солдата с винтовками, следя за тем, чтобы туда не входили посторонние. При входе в Смольный посетителю полагалось сначала пройти в комнату падево, где выдавались пропуска. В них указывался номер комнаты, в которую получивший разрешение имел право пройти. Но нам пропуска не понадобились. Смилга* имел постоянный пропуск. Он сказал охране, что мы являемся представителями сената Финляндии и следуем с ним.

Широкие коридоры здания представляли необычайное зрелище. Они были заполнены разными людьми. Тут были солдаты, матросы, рабочие, красногвардейцы, женщины и даже дети. В толпе можно было видеть и представителей интеллигенции. Люди приходили в Смольный по самым разнообразным делам... Смольный был в первое время тем местом, где концентрировались и решались все вопросы.

Итак, самые разнообразные дела приводили людей в эту штаб-квартиру красной революции. Мы со своей стороны явились сюда, чтобы получить документ, признающий независимость Финляндии. Прямо в коридоре стояли длинные столы, на которых лежали издаваемые коммунистами книги, журналы, газеты...

Смилга провел нас на второй этаж. Пройдя через несколько комнат, охраняемых красногвардейцами, мы вошли наконец в приемную Ленина. Смилга попросил нас подождать, а сам прошел в кабинет, чтобы доложить о нашем прибытии. В ожидании возвращения Смилга мы наблюдали за тем, что происходит в приемной, за людьми, то и дело проходившими через нее. Ждать пришлось три часа. За это время наш внимательный спутник дважды приходил к нам и просил извинения, что нас не могут принять сразу. Да и сам Ленин выходил в приемную, чтобы переговорить о чем-то с машинисткой и художавым молодым человеком, оказавшимся секретарем правительства Горбуповым. Ленин, очевидно, уже знал, кто мы такие, — это видно было по взгляду, которым он нас несколько раз окинул. Мы тоже с любопытством его разглядывали, узнав по фотографиям.

Прождав некоторое время и поняв, что нас примут не скоро, мы решили устроиться поудобнее. В правом углу комнаты возле окна стоял потертый диван. На нем дремали два солдата, из которых один исполнял обязанности вахтера. На этом диване устроились и мы. Отсюда была хорошо видна вся приемная. Ошибется тот, кто подумает, что эта комната чем-то напоминала капеллярню. Голые, когда-то побеленные, по потем-

* И. Т. Смилга был в то время уполномоченным СПК РСФСР в Финляндии. *Ред.*

певшие от времени стены, два простых деревянных стола, несколько стульев, две пишущие машинки, вешалка и диван — вот и вся обстановка этой просторной комнаты.

К постоянным обитателям этого помещения кроме нашего соседа по дивану — солдата относились еще две женщины, юшоша и совсем еще молодой парнишка. В приемную вошли две поварихи и попросили машинисток напечатать отчет об использованных ими продуктах. Эта просьба была исполнена, и отчет поварих печатался с такой тщательностью, как будто речь шла о правительственном документе. Одна из женщин-машинисток вступила в горячий спор с Горбуновым, который потребовал, чтобы она перепечатала заново какую-то бумагу. Женщина грозила пожаловаться на своего начальника в какую-то комиссию. Горбунов все же настаивал, чтобы бумага была отпечатана по форме. Барышня утверждала, что для данного случая никакой формы не предусмотрено. Чем кончился этот спор, я уж не помню. В течение дня в приемную приходили самые разные люди по самым разнообразным делам.

Пусть читатель извинит меня за то, что ему пришлось вместе с нами ждать, пока наконец не пришел Смилга и не проводил нас к Ленину. Причиной столь длительного ожидания явилось, очевидно, то, что сенат еще не обращался по этому вопросу в Совет Народных Комиссаров. Следует упомянуть, что сначала мы несколько растерялись, не зная, снять ли нам верхнюю одежду. Ведь в Смольном все ходили в полной амуниции и даже в калошах. Мы все же решили из вежливости снять пальто. нас провели в соседнюю комнату, из которой дверь вела в другую. Перед ней стоял часовой, вихрастые кудри которого спускались из-под шапки на лоб. Мы вошли в эту комнату, и нам навстречу поспешил Ленин. Меня охватило какое-то замешательство от того, что этот человек, какого бы мнения мы ни были о его учении, по которому оказывает столь большое влияние на судьбы своего обширного отечества, производил столь скромное впечатление. Он был среднего роста, лысый, на висках немного рыжеватых волос, короткая, редкая рыжеватая борода. Но острым и умным глазам было видно, что этот человек обладает большой силой воли. Речь его была проста и естественна, как и все его поведение. Тот, кто его не знал, никак не мог бы предположить, какая это сильная личность...

Ленин принял нас дружелюбно и извинился, что нам пришлось долго ждать.

Комната, в которой мы находились, была разделена дощатой перегородкой на две части. В одной из них за столом сидели два человека. Ленин попросил нас пройти на другую половину, которая, очевидно, считалась «святой святых». Правда, эта комната ничем не отличалась от других комнат Смольного и была такой же простой, как и остальные: побеленные стены, деревянный стол и несколько стульев.

Мы сели. Эпкель стал подробнейшим образом докладывать о ходе событий в Финляндии после Ноябрьской революции и о том, как эти события привели к провозглашению независимости. Он объяснил также, почему правительство Финляндии не сразу обратилось к Советскому правительству. Ждали созыва Учредительного собрания. Все предшествующие правительства России утверждали, что только Учредительное собрание имеет право согласиться с нашим желанием. Но поскольку сейчас не известно, соберется ли вообще Учредительное собрание, а если и соберется, то будет ли оно жизнеспособным, сенат Финляндии решил обратиться к Совету Народных Комиссаров.

Ленин ответил на это, что Учредительное собрание будет, конечно, создано в ближайшее время, «но сенат должен сам решить, как действо-

вать и к кому обратиться». Если он обратится к Совету Народных Комиссаров, то тот, несомненно, немедленно признает независимость Финляндии. По существующему законодательному порядку решение Совнаркома должно быть утверждено Центральным Исполнительным Комитетом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ленин был уверен, что и здесь не будет никаких препятствий. Посоветовавшись с Лениным по ряду других вопросов, мы простились, обещав, что доведем его ответ до сведения правительства Финляндии.

ПРИЗНАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ

В следующей поездке в Петроград принял участие вместе со мной и сенатором Энкелем также председатель сената и премьер-министр Свинхувуд.

...На следующий день вечером мы снова отправились в Смольный, по там нам опять пришлось ждать три часа. Несмотря на позднее время, здесь царило большое оживление. Люди приходили и уходили. На этот раз в приемных мы видели не только рабочих, красногвардейцев, солдат и матросов, их жен и других женщин, но и малолетних детей, из чего мы заключили, что некоторые работники живут здесь постоянно. Иначе вряд ли дети находились бы так поздно в Смольном. В некоторых помещениях, через которые мы проходили, мы видели спящих на длинных столах солдат. Ожидание затянулось. В помещении было так холодно, что, несмотря на нашу теплую одежду, нам приходилось постоянно двигаться, чтобы немного согреться.

По нашему календарю это был как раз канун Нового года, русский календарь отставал тогда от нашего на 13 дней. Мы с любопытством ожидали, в каком году — в 1917 или в 1918 — Совнарком вынесет свое решение.

За несколько минут до полуночи дверь отворилась, в комнату вошел Бонч-Бруевич и передал нам документ, подписанный народными комиссарами. В нем было сказано: «...Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики

и б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России» *...

Бывший в то время царьком юстиции РСФСР И. Штейнберг в своих воспоминаниях рассказывает о подписании этого документа членами Совета Народных Комиссаров:

«Мы встали один за другим и с чувством особого удовлетворения подписали признание независимости Финляндии. Мы знали, конечно, что ипешней герой Финляндии Свинхувуд, которого царь в свое время угнал в ссылку, был нашим явным общественным противником. Но поскольку мы освободили Финляндию от гнета России, то в мире стало одной исторической несправедливостью меньше».

Врученное нам решение было отпечатано на четверти листа плотной шелковой бумаги.

* См. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1, с. 71. *Ред.*

Получив документ, мы несколько изумились, так как не ожидали, что признание будет получено так быстро.

Нечего и говорить о том, какое величайшее удовлетворению и радостью испытали мы тогда, получив это первое признание независимости Финляндии. Исполнилась заветная мечта всего народа Финляндии. Естественно, что нас охватило чувство благодарности к правительству Ленина, которое без всяких условий признало независимость нашего народа. У нас явилось желание выразить благодарность лично Ленину. Энкель передал нашу просьбу Бонч-Бруевичу, но тот сначала стал возражать. Ленин в этот момент был на заседании Совета*. Энкель повторил просьбу, сказав, что, может быть, Ленин найдет пару минут, чтобы выйти к нам.

Спустя минуту Ленин вышел. Улыбаясь, он спросил, довольны ли мы. «Очень даже довольны», — ответил Свишхувуд. Встреча Ленина со Свишхувудом, несомненно, была, если ее сравнить со встречей двух руководителей государств в ином мире, весьма оригинальной. Когда Ленин вышел и мы подошли к нему, вокруг нас собрались присутствовавшие там солдаты, матросы и другие люди, наблюдавшие с любопытством за нашим разговором, из которого они сразу поняли, что Совет Народных Комиссаров только что признал независимость Финляндии и что проведенные здесь несколько часов иностранцы — делегация, представляющая сенат Финляндии.

Все казались довольными. Нам пожимали руки, выражая радость по поводу «мероприятия Ленина».

Возможно, что на признание Россией независимости Финляндии в значительной степени повлиял лично Ленин, отношение которого к Финляндии уже в течение двух десятилетий было весьма благожелательным.

Свишхувуд той же ночью специальным поездом выехал в Хельсинки, захватив с собой заверенную мной и Энкеля подписью копию признания.

В те годы истории были известны лишь редкие случаи, когда какое-либо государство признавало независимость принадлежащей ему страны. Финляндия имела основания быть благодарной Совету Народных Комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету за признание ими нашей независимости. Она обязана этим всем русским ученым, юристам, журналистам и другим, которые при старом режиме защищали права Финляндии и признавали незаконным лишение ее независимости.

*Печатается по пятому изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. М., 1969. Т. 3, с. 157—162*

АРМАНД ХАММЕР

ЛЕНИН И ПЕРВАЯ КОНЦЕССИЯ

Я приехал в Россию осенью 1921 года вопреки словам американских друзей, уверявших меня, что в Стране Советов ожидает меня гибель и смерть. Газеты были тогда полны описаниями «зверств большевиков» и изображениями «ужасного» вождя Ленина.

* 18(31) декабря 1917 года и в ночь на 19 декабря (1 января 1918 г.) В. И. Ленин председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров. *Ред.*

При отъезде из Нью-Йорка я взял с собой частное письмо к Владимиру Ильичу от моего отца д-ра Ю. Я. Хаммера, старого партийного работника Соединенных Штатов, который встречался с Лениным в 1907 году на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте.

По прибытии в Москву это письмо я послал Ленину. К великому моему удивлению и радости, Владимир Ильич сообщил мне, что хотел бы лично познакомиться со мной. Мы пошли в Кремль, где по телефону уже соответственно распорядились, чтобы нас пропустили без всяких задержек*.

— На каком языке будем с вами говорить,— спросил меня Владимир Ильич,— на русском или английском?

— Так как вы говорите лучше по-английски, чем я по-русски,— ответил я ему,— будем по-английски.

Он добродушно засмеялся и согласился.

Мы беседовали в течение полутора часов. Вопросы личного характера (о моем отце, о пребывании в России) смешались вопросами политического значения. Особенно он интересовался признанием Советской России Соединенными Штатами. Хотя Ленин никогда не бывал в Америке, но был осведомлен о ней более, чем американцы.

Временами Ленин делал юмористические замечания, и кабинет оглашался взрывами веселого смеха.

— ...Из всех стран мира,— сказал мне товарищ Ленин,— мы считаем Америку той страной, где капитализм достиг своего наибольшего развития. Конечно, мы надеемся достигнуть в России такой же производительности, с той только разницей, что средства производства будут в руках государства и, таким образом, весь продукт национального труда попадет в руки народа вместо того, чтобы сделаться добычей небольшого количества частных предпринимателей...

— ...Мы приглашаем американцев приехать к нам в Россию, чтобы научить нас их приемам производства и поднять нашу промышленность на достойную высоту. Мы готовы платить за такую помощь и обещаем американскому капиталу полную неприкосновенность и гарантируем возможность заработать деньги на концессиях в промышленности и торговле на определенный период времени...

Перед окончанием нашего свидания Ленин убедил меня, что мы окажем большую услугу России, если сумеем убедить своих друзей и коммерсантов в Соединенных Штатах взять первую концессию в России. Он предложил личное содействие и помощь. Что он сдержал свое обещание, свидетельствуют несколько писем, публикуемых «Красной газетой»**, и через некоторое время я в качестве представителя американской фирмы подписал договор на первую концессию в Советской России***.

*Печатается по пятитомному изданию:
Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. М., 1969. Т. 5, с. 437—438*

* В. И. Ленин принял А. Хаммера 22 октября 1921 года. *Ред.*

** См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 324 и т. 54, с. 252. *Ред.*

*** Первая концессия на территории РСФСР (Урал) была предоставлена «Американской объединенной компании медикаментов и химических препаратов» по договору, подписанному 29 октября и утвержденному Совнаркомом 1 ноября 1921 года. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов* открылся 25 октября (7 ноября) 1917 года в 10 час. 40 мин. вечера в Смольном. К моменту открытия съезда на нем присутствовало 649 делегатов, из них 390 были большевики. Меньшевики, правые эсеры и бундовцы покинули съезд, отказавшись признать социалистическую революцию. 26 октября (8 ноября) в четвертом часу утра съезд заслушал сообщение о взятии Зимнего дворца и принял написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором провозглашался переход всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С докладами о мире и о земле Ленин выступил на вечернем заседании съезда. Съезд утвердил написанные Лениным исторические декреты о мире и о земле и сформировал рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. — 15.

² Имеется в виду обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», принятое на заседании Совета 14(27) марта 1917 года. Воззвание призывало трудящихся воюющих стран к выступлениям в пользу мира. — 18.

³ Речь идет о тайных договорах, заключенных царским, а затем и Временным буржуазным правительством России с правительствами Англии, Франции, Германии, Японии и других империалистических государств. Начиная с 10(23) ноября 1917 года документы тайной дипломатии публиковались в газетах «Правда» и «Известия ВЦИК», затем в декабре начали выходить отдельными изданиями под заглавием «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел». Публикация тайных договоров сыграла огромную роль в разоблачении империалистического характера первой мировой войны. — 20.

⁴ Имеются в виду переговоры членов Советского правительства со Ставкой верховного командования, находившейся в Могилеве. 20 ноября (3 декабря) 1917 года Ставка, которая в те дни являлась одним из центров контрреволюции, была занята революционными войсками. — 21.

⁵ Статья «*За хлеб и за мир*» была написана В. И. Лениным 14(27) декабря 1917 года по просьбе шведского левого социал-демократа Хёглунда,

прибывшего в Петроград с поручениями от Лево́й социал-демократической партии Швеции. Впервые статья была напечатана на немецком языке в мае 1918 года в газете «Jugend-Internationale» («Интернационал Молодежи») — органе Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой.

В ноябре 1919 года факсимиле начала статьи было напечатано в качестве иллюстрации в специальном издании «Det röda Ryssland. 1917/11 1919» («Русская революция. 1917 7/11 1919»), выпущенном левым социалистическим издательством «Fram» («Вперед») в Стокгольме в связи со второй годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции в России. — 23.

⁶ Речь идет о *Брестском мире*.

Мирная конференция в Брест-Литовске открылась 9(22) декабря 1917 года. В ней приняли участие делегации Советской России и держав Четверного союза (Германия, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции). На конференции советская делегация огласила декларацию, которая содержала предложения о заключении справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций. Уже на этом предварительном этапе переговоров выяснились аннексионистские намерения Германии. 5(18) января 1918 года представители Четверного союза предъявили советской делегации территориальные притязания своих правительств. По их плану от России должна была отойти к Германии и Австро-Венгрии территория, составлявшая более 150 тысяч квадратных километров: Польша, Литва, часть Эстонии и Латвии, а также значительные пространства, населенные украинцами и белорусами.

Несмотря на то что условия, выдвинутые германскими империалистами, носили явно грабительский характер, Ленин настаивал на заключении мира, так как считал, что для укрепления Советской власти необходима передышка, что при общей усталости населения от войны, наличии разрухи, беспособности армии воевать продолжение войны приведет неминуемо к гибели Советской власти. Позиция В. И. Ленина и его сторонников встретила сопротивление со стороны Троцкого и группы «левых коммунистов» — Н. И. Бухарина, А. Ломова (Г. И. Оппокова), А. А. Иоффе, Г. Л. Пятакова, И. Осипского (В. В. Оболенского) и др. «Левые коммунисты» требовали разрыва переговоров, выдвинули авантюристский лозунг немедленного ведения «революционной войны», повели ожесточенную борьбу против Ленина и его сторонников. Взгляды «левых коммунистов» нашли некоторую поддержку в ряде партийных организаций Москвы, Петрограда, Урала и др. Московское областное бюро РСДРП(б), где временно «левые коммунисты» получили большинство, 28 декабря 1917 года (10 января 1918) принял резолюцию с требованием разрыва переговоров с Германией. Троцкий, который на втором этапе мирных переговоров возглавлял советскую делегацию, занял капитулянтскую позицию, настаивая на оглашении в Брест-Литовске заявления: «мира не подписываем, войну не продолжаем, армию демобилизуем». Троцкий и «левые коммунисты» навязывали партии политику, которая вела к гибели Советского государства.

8(21) января 1918 года В. И. Ленин выступил с развернутым обоснованием необходимости подписания мира, огласив на совещании членов ЦК с партийными работниками свои «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Однако среди членов ЦК не было единодушия по вопросу о мире. Ленину удалось добиться только решения о всемерном затягивании переговоров. Перед отъездом возглавляемой Троцким советской делегации в Брест-Литовск для

продолжения переговоров Ленин дал Троцкому указания всемерно затягивать переговоры, но в случае предъявления немцами ультиматума мир подписать.

Мирные переговоры возобновились 17 (30) января. 27 января (9 февраля) делегация австро-германского блока заключила тайный договор с представителями буржуазно-националистической Центральной украинской рады, согласно которому Украина фактически отдавалась на разграбление Германии. Укрепив свои позиции, немецкая делегация на заседаниях 27 и 28 января (9 и 10 февраля) потребовала не затягивать далее переговоры. 28 января (10 февраля) на запрос советской делегации, как быть, Ленин подтвердил прежние указания. Однако Троцкий, предательски нарушив эти указания, огласил в Брест-Литовске заявление о том, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Это заявление повело к разрыву переговоров. 18 февраля немецкие войска начали наступление по всему фронту.

На заседаниях ЦК 17 и 18 февраля (утром) предложение В. И. Ленина немедленно вступить в переговоры с Германией получило меньшинство голосов. На заседании ЦК, экстренно созванном вечером 18 февраля, когда немецкое наступление стало фактом, после продолжительной и острой борьбы с Троцким и «левыми коммунистами» Ленину удалось впервые получить большинство голосов в пользу подписания мира.

Утром 19 февраля германскому правительству была послана радиограмма о согласии Советского правительства подписать мир на условиях, предъявленных немцами в Брест-Литовске. Немецкое командование задерживало ответ, а между тем немецкие войска продолжали наступать по всему фронту. В течение недели они заняли ряд городов и создали угрозу Петрограду.

23 февраля утром был получен ответ немецкого командования, в котором содержались еще более тяжелые условия мира. При обсуждении цового германского ультиматума в ЦК партии 23 февраля продолжалась напряженная борьба, в результате которой ЦК партии большинством голосов высказался за предложение Ленина немедленно подписать мир на предъявленных Германией условиях. В ночь на 24 февраля ВЦИК, а потом и СНК постановили принять немецкие условия мира, о чем было немедленно сообщено германскому правительству.

«Левые коммунисты» не прекращали борьбы против подписания мира, но позиция Ленина и его сторонников находила все большую поддержку в партийных массах. Большинство низовых советских организаций, опрошенных Совнаркомом и ВЦИК, также высказалось за подписание мира. 3 марта мир был подписан. Экстренно созванный VII съезд партии большинством голосов подтвердил правильность ленинской линии в вопросе о мире. Состоявшийся 14—16 марта IV Чрезвычайный съезд Советов ратифицировал Брестский договор.

Ноябрьская революция в Германии (1918) свергла власть кайзера Вильгельма II, и Советское правительство получило возможность аннулировать Брестский договор.— 24.

⁷ В документе «Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире» первый и два заключительных абзаца написаны Я. М. Свердловым.— 26.

⁸ *Седьмой экстренный съезд РКП(б)* — первый съезд Коммунистической партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции состоялся 6—8 марта 1918 года в Петрограде. Он был созван для

окончательного решения вопроса о заключении мирного договора с Германией, по которому внутри партии шла напряженная борьба.

В. И. Ленин и поддерживавшие его члены ЦК добивались выхода Советской России из империалистической войны. Против заключения Брестского мира выступала группа «левых коммунистов» во главе с Бухариным. На близкой к ним позиции стоял Троцкий. «Левые коммунисты» и Троцкий потерпели на съезде поражение. 30 голосами против 12, при 4 воздержавшихся съезд принял по вопросу о Брестском мире резолюцию Ленина.

VII съезд партии имел огромное историческое значение. Он подтвердил правильность ленинской линии на завоевание мировой передышки и нацелил Коммунистическую партию и рабочий класс на решение основных задач социалистического строительства.— 33.

⁹ Речь идет о резолюции, принятой Московским областным бюро РСДРП(б) 24 февраля 1918 года. Критику этого антипартийного документа см. в статье В. И. Ленина «Странное и чудовищное» (наст. сб., с. 26—32).— 33.

¹⁰ По договору о перемирии, заключенному 2(15) декабря 1917 года в Брест-Литовске между Советским правительством и державами Четвертого союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), одна из сторон могла возобновить военные действия с предупреждением за 7 дней. Германское военное командование нарушило это условие, начав наступление по всему фронту 18 февраля — через два дня после объявления о прекращении перемирия.— 35.

¹¹ 12 марта — предполагавшийся срок созыва IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора. Съезд открылся 14 марта 1918 года.— 36.

¹² *Делонародовцы* — правые эсеры, группировавшиеся вокруг газеты «Дело народа»; *новожизненцы* — меньшевистки-интернационалисты, объединявшиеся вокруг газеты «Новая жизнь».— 36.

¹³ IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, созданный для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора, состоялся в Москве 14—16 марта 1918 года. С докладом о ратификации мирного договора выступил В. И. Ленин; с докладом против ратификации — левый эсер Б. Д. Камков.

Против ратификации Брестского договора единым фронтом выступили меньшевики, правые и левые эсеры, максималисты, анархисты и др. После острого прений съезд помпезным голосованием подавляющим большинством голосов принял предложенную Лениным резолюцию о ратификации мирного договора; за нее было подано 784 голоса, против — 261; 115 делегатов воздержалось, в том числе и «левые коммунисты», огласившие на съезде, вопреки решению ЦК партии, особую декларацию.

Решение съезда о ратификации Брестского мирного договора было одобрено местными Советами, партийными организациями и трудящимися на проходивших митингах и собраниях.— 40.

¹⁴ Проект резолюции, написанный В. И. Лениным, был зачитан Я. М. Свердловым и одобрен съездом.— 40.

¹⁵ В. И. Ленин имеет в виду выступление на заседании Петроградского Совета 21 сентября (4 октября) 1917 года офицера Дубасова, при-

ожавшего с фронта. Характеризуя настроения солдат, Дубасов заявил в своей речи, что они хотят одного — конца войны и воевать больше не будут.— 42.

¹⁶ Письмо В. И. Ленина является ответом члену американской миссии Красного Креста Раймонду Робинсу.

Перед отъездом из Советской России Робинс обратился к В. И. Ленину с письмом, в котором выражал благодарность за оказанное ему содействие в проведении работы по линии американской миссии Красного Креста. Выражая надежду, что Российская Советская Республика «разовьется в прочную демократическую державу», Робинс писал: «Ваша пророческая проицательность и гениальное руководство позволили Советской власти укрепиться во всей России, и я уверен, что этот новый созидательный орган демократического образа жизни людей вдохновит и двинет вперед дело свободы во всем мире» (Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I, с. 276).— 46.

¹⁷ В статье «О «левом» ребичестве и о мелкобуржуазности» В. И. Ленин подвергает критике «Тезисы о текущем моменте», опубликованные группой «левых коммунистов» в № 1 журнала «Коммунист» за 1918 год — фракционным органе «левых коммунистов».— 46.

¹⁸ Проект «Тезисов о современном политическом положении» был написан В. И. Лениным 10 мая 1918 года и тогда же обсуждался на заседании ЦК РКП(б). В окончательной редакции тезисы были утверждены ЦК 13 мая. Центральный Комитет поручил Ленину выступить с докладами на Московской общегородской конференции РКП(б) и на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета и предложить эти тезисы в качестве резолюций. На основе тезисов Ленин в тот же день сделал доклад на Московской общегородской партийной конференции. Конференция большинством голосов приняла тезисы Ленина.

Наиболее полно «Тезисы о современном политическом положении» были развиты Лениным 14 мая в докладе о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета. 14 мая ленинские тезисы были приняты Московской окружной конференцией и 15 мая Московской областной конференцией РКП(б) по докладу Ленина о текущем моменте.— 51.

¹⁹ *Скоронадский П. П.* — генерал царской армии. С апреля по декабрь 1918 года был гетманом Украины, являясь ставленником германских империалистов.— 59.

²⁰ *Рада — Центральная рада* — контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, созданная в апреле 1917 года в Киеве блоком украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и групп.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Рада объявила себя верховным органом «Украинской народной республики», повела борьбу против Советской власти, стала одним из главных центров всероссийской контрреволюции.

В декабре 1917 года на I Всеукраинском съезде Советов, состоявшемся в Харькове, Украина была провозглашена Советской республикой. В январе 1918 года советские войска на Украине перешли в наступление и 26 января (8 февраля) заняли Киев, свергнув господство буржуазной Рады.

Изгнанная с территории Советской Украины, Центральная Рада вступила в союз с германскими империалистами с целью свержения Советской власти и реставрации буржуазного строя на Украине. Во время мирных переговоров Советской республики с Германией Рада послала в Брест-Литовск свою делегацию и заключила сепаратный мир с Германией, по которому обязалась поставлять Германии украинский хлеб, уголь, сырье, а получила военную помощь против Советской власти. В марте 1918 года вместе с австро-германскими оккупантами Рада вернулась в Киев, став марионеткой в их руках. Убедившись в бессилии Рады подавить революционное движение на Украине и обеспечить поставки продовольствия и сырья, германские военные силы разогнали Раду и заменили ее правительством Скоропадского.— 60.

²¹ Речь идет об утвержденном 1 марта 1918 года в Петрограде «Договоре между Российской и Финляндской социалистическими республиками» (см. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I, с. 505—510).— 63.

²² В разработанном по инициативе В. И. Ленина плане развития торгово-экономических отношений с Соединенными Штатами Америки Советское правительство выражало готовность оплачивать товары, приобретенные в США, продуктами сельского хозяйства и добывающей промышленности, а также предоставить США, наравне с другими странами, концесси.

Впервые этот план под заглавием «Русско-американские торговые отношения» был опубликован в № 1 «Вестника Народного комиссариата торговли и промышленности» в июне 1918 года. В США план вместе с письмом Ленина Робинсу был опубликован в издании «Russian American relations. March 1917 — March 1920». New York, 1920 («Русско-американские отношения. Март 1917 — март 1920»). Нью-Йорк, 1920).— 64.

²³ Имелся в виду внезапный отказ голландского правительства в разрешении на въезд в Голландию находившему уже в пути полномочному представителю РСФСР, несмотря на полученную последним от голландского консула в Москве визу с уведомлением о признании его голландским правительством в качестве полномочного представителя РСФСР в Гааге.— 75.

²⁴ Конференция на Принцевых островах (Мраморное море) намечалась по инициативе Ллойд Джорджа и Вильсона из представителей всех существовавших на территории России правительств по вопросу о прекращении военных действий и восстановлении мира в России. Официальное заявление о созыве конференции было сделано странами Антанты 22 января 1919 года. 4 февраля 1919 года Советское правительство ответило согласием на участие в конференции. В радиотелеграмме Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР были сформулированы условия, на которые Советское правительство согласилось пойти во имя мира. Советское правительство заявило о готовности «немедленно начать переговоры или на Принцевых островах, или в каком бы то ни было другом месте» и просило сообщить, куда направить своих представителей, когда именно и каким путем. Империалисты Антанты оставили радиотелеграмму Наркоминдела без ответа. Надеясь задушить Советскую республику военной силой, Деникин, Колчак и другие контрреволюционные правительства отказались от участия в конференции. Конференция не состоялась.— 82.

²⁵ 22 марта 1919 года было получено по радио известие об образовании 21 марта Венгерской Советской республики. VIII съезд РКП(б) поручил В. И. Ленину послать от имени съезда приветственную радиотелеграмму правительству Советской Венгрии.

Ленин придавал большое значение факту установления Советской власти в Венгрии. Он неоднократно обращался к руководителям Коммунистической партии и Советского правительства Венгрии, предостерегал от опасности и ошибок. В апреле 1919 года он беседовал с представителем венгерских коммунистов на I конгрессе Коминтерна Л. Рудашем, в мае — с членом правительства Советской Венгрии Тибором Самуэли. 27 мая 1919 года Ленин обратился с «Приветом венгерским рабочим» (см. Полн. собр. соч., т. 38, с. 384—388). Советская Россия, находившаяся в тяжелых условиях, вынужденная отражать нападения многочисленных врагов, не могла оказать непосредственной помощи Венгерской Советской республике. В августе 1919 года в результате объединенных действий империалистической интервенции и внутренней контрреволюции, а также предательства правых социал-демократов Советская власть в Венгрии была свергнута.— 83.

²⁶ Послание В. И. Ленина и М. И. Калинина является ответом на послание короля Афганистана Аманулла-хана от 7 апреля 1919 года с извещением о своем короновании и вступлении на престол. Аманулла-хан писал, что, поскольку Советское правительство взяло «на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей» и провозгласило «принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира», он «счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить... свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана». Послание Аманулла-хана с сопроводительным письмом министра иностранных дел Афганистана Махмуда Тарзи было направлено на имя наркома иностранных дел РСФСР. Махмуд Тарзи писал, что, направляя послание короля «в добрых целях положить начало дружбе и установить дружественные отношения», он просит у наркома иностранных дел содействия «для укрепления и развития дружественных отношений между обоими Высокими государствами — Россией и Афганистаном» (Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. II, с. 175).— 83.

²⁷ Данная статья является ответом на следующие пять вопросов, предложенных Ленину агентством «United Press»:

«1) Внесла ли Российская Советская республика какие-либо мелкие или крупные изменения в первоначальную правительствоскую программу внутренней и внешней политики и экономическую программу, когда и какие?»

2) Какова тактика Российской Советской республики по отношению к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам вне пределов России?

3) Какие политические и экономические цели преследуете вы по отношению к Соединенным Штатам и Японии?

4) На каких условиях готовы вы были бы заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маппергеймом?

5) Что имели бы вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?»

Ответы Ленина были посланы в Будапешт для американской печати.

В октябре 1919 года в левосоциалистическом журнале «The Liberator» была помещена статья «A Statement and a Challenge» («Заявление

и вызов»). В примечании к статье редакция журнала сообщала, что агентство «United Press» ответ Ленина разослало в газеты, но исключило ответ на пятый вопрос как «чисто большевистскую пропаганду». — 84.

²⁶ В. И. Ленин имеет в виду переговоры с американским дипломатом Уильямом Кристианом Буллитом. В марте 1919 года он был направлен президентом США Вильсоном и премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем в Советскую Россию для выяснения условий, на которых Советское правительство согласилось бы заключить мир с союзниками, а также белогвардейскими правительствами, образовавшимися на территории России.

Советское правительство, стремясь к быстрейшему заключению мира, согласилось вести переговоры на предложенных через Буллита условиях, внеся в них, однако, существенные поправки (см. Документы внешней политики СССР, т. II, с. 94—95). По предложению Советского правительства в текст соглашения была внесена формулировка, гласившая, что немедленно после подписания соглашения (а не после демобилизации русской армии, как предлагала Антанта) все иностранные войска будут отозваны из России и будет прекращена всякая военная поддержка анти-советских правительств.

Вскоре после отъезда Буллита из Советской России Колчаку удалось добиться некоторых успехов на Восточном фронте и империалисты, надеясь на разгром Советского государства, отказались от переговоров о мире. — 86.

²⁹ Имеется в виду ответ Советского правительства на письмо норвежского ученого, исследователя Арктики, известного общественного деятеля Фритьофа Нансена В. И. Ленину от 17 апреля 1919 года (письмо было принято по радио 4 мая). В своем письме Нансен указывал, что он 3 апреля обратился к Вильсону, Клемансо, Ллойд Джорджу и Орландо с предложением оказать помощь Советской России продовольствием и медикаментами. 17 апреля «Совет четырех» ответил согласием на предложение Нансена, но с оговоркой, что этот план должен предполагать приостановку военных действий, прекращение передвижения войск и переброски военных материалов на территории Советской России. Так как этот план не давал никаких гарантий того, что приостановление военных действий не будет использовано контрреволюцией, Советское правительство в своем письме Нансену от 7 мая указало, что переговоры о приостановлении военных действий могут вестись с самими правительствами стран Антанты. «Мы всегда были готовы, — говорилось в письме, — вступить в переговоры о мире, и теперь, как и прежде, мы готовы это сделать, и мы с величайшей радостью начнем обсуждение этих вопросов» (Документы внешней политики СССР, т. II, с. 158). В основу ответа Советского правительства были положены замечания В. И. Ленина на проекты обращения к Нансену, составленные Г. В. Чичерным. Ленин писал, что в письме следует развить мысль о мире, если «перемирие не для мира, а для политической игры, — не хотим. С миром не шутят. Дадут нас никому не удастся» (Полн. собр. соч., т. 50, с. 305). Нансен сообщил, что предложения Советского правительства будут переданы правительствам Антанты. Но со стороны держав Антанты ответа на эти предложения не последовало. — 86.

³⁰ Корреспондент американской газеты «The Chicago Daily News» И. Левин, находившийся в Советской России, обратился к В. И. Ленину с просьбой ответить на пять вопросов. Эти вопросы и ответ Ленина были опубликованы 27 октября 1919 года в газете «The Chicago Daily News». — 89.

³¹ Афганское чрезвычайное посольство во главе с Мухаммед Валиханом выехало из Кабула в Советскую Россию в конце апреля 1919 года.

Прибыв в июне в Ташкент, афганское посольство смогло выехать в Москву только в конце сентября, когда в результате разгрома белогвардейцев на Южном Урале было восстановлено железнодорожное сообщение Советского Туркестана с Москвой. 10 октября посольство прибыло в Москву. 12 октября афганский чрезвычайный посол Мухаммед Валихан в сопровождении высшего судьи афганской армии молвы Сейфурахман-хана и секретаря посольства посетил народного комиссара по иностранным делам. 14 октября афганское посольство принял Председатель Совнаркома В. И. Ленин в присутствии представителей Народного комисариата иностранных дел.— 90.

³² Ответы на вопросы, затронутые в письме эмира Амануллы-хапа, были даны в письме от 27 ноября 1919 года, подписанном Председателем Совнаркома Лениным.— 90.

³³ *II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока*, созданный Центральным бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), проходил в Москве с 22 ноября по 3 декабря 1919 года. Накануне съезда, 21 ноября, состоялось под председательством Ленина предварительное совещание членов ЦК РКП(б) с группой делегатов съезда. Съезд наметил задачи в области партийной и советской работы на Востоке, избрал новый состав Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б).— 91.

³⁴ Здесь В. И. Ленин излагает содержание письма Олара, опубликованного 26 октября 1919 года в газете «L'Humanité».— 110.

³⁵ Ленин имеет в виду «Texte intégral des propositions acceptées par Léline» («Полный текст предложений, принятых Лениным»), опубликованный 26 октября 1919 года в газете «L'Humanité».— 112.

³⁶ Ленин прочитал сообщение, опубликованное в центральных газетах 18 января 1920 года, о решении правительств стран Антанты снять блокаду с Советской России и разрешить вести торговлю с Россией. Однако в сообщении подчеркивалось, что это постановление «ни в коем случае не означает изменения политики союзников по отношению к Советскому правительству».— 113.

³⁷ Ленин имеет в виду переговоры, которые велись Российским обществом Красного Креста об обмене пленными, возвращении беженцев и т. п.— 117.

³⁸ В. И. Ленин имеет в виду «Заявление Совнаркома РСФСР об основах советской политики в отношении Польши» от 28 января 1920 года, переданное по радио и опубликованное в газетах. Проводя последовательно и постоянно политику мира, Советское правительство указывало, что политика РСФСР по отношению к Польше исходит из принципа национального самоопределения и безоговорочного признания независимости и суверенности Польской республики. В дополнение к этому заявлению 2 февраля на заседании первой сессии ВЦИК VII созыва было принято обращение ВЦИК к польскому народу. В обращении разоблачались клевета империалистических государств о якобы захватнических намерениях Советской России по отношению к Польше и подчеркивалось

неуклонное стремление Советского правительства к миру и установлению дружественных добрососедских отношений с независимой Польшей.— 117.

³⁹ Башкирская Автономная Советская Республика была образована в результате соглашения центральной Советской власти с башкирским правительством. Соглашение было опубликовано 23 марта 1919 года в газете «Известия ВЦИК».— 119.

⁴⁰ Татарская Автономная Советская Республика была образована 27 мая 1920 года. Декрет ВЦИК и Совнаркома об образовании республики был подписан В. И. Лениным и М. И. Калининым.— 119.

⁴¹ Ленин имеет в виду декрет ВЦИК «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом», принятый 1 июня 1919 года.— 120.

⁴² Текст ответа В. И. Ленина Карлу Виганду был сообщен радиogramмой в Берлине, откуда был передан в Нью-Йорк 21 февраля 1920 года; в тот же вечер ответ Ленина был напечатан в «New York Evening Journal» под заголовком «Цели большевиков — мир и больше торговли, — говорит Ленин». Ответы В. И. Ленина были перепечатаны также в немецкой коммунистической и социалистической прессе.— 120.

⁴³ Специальный корреспондент лондонской консервативной газеты «Daily Express» («Ежедневный экспресс»), находившийся в Копенгагене, обратился к В. И. Ленину с просьбой ответить на четыре вопроса. Ответ Ленина был получен в Копенгагене 22 февраля и на следующий день напечатан в газете «Daily Express».— 122.

⁴⁴ В середине февраля 1920 года В. И. Ленин дает интервью корреспонденту американской буржуазной газеты «The World» («Мир») Линкольну Эйру. Советское правительство в этот период выступило с широкой программой установления дипломатических и торговых отношений с капиталистическими странами. Линкольн Эйр, направленный в Россию с целью получить личное интервью у В. И. Ленина, был принят Лениным вместе с кинооператором Виктором Кьюбсом. Беседа велась на английском языке сначала в рабочем кабинете Ленина, затем на его квартире в Кремле. Интервью Ленина было напечатано в газете «The World» 21 февраля 1920 года, а затем во многих других газетах Западной Европы и Америки.— 124.

⁴⁵ Мирные переговоры с Литвой и Латвией начались в Москве в апреле — мае 1920 года и завершились подписанием договоров: с Литвой — 12 июля 1920 года в Москве и с Латвией — 11 августа 1920 года в Риге.— 127.

⁴⁶ Имеется в виду «Декрет о мире».— 131.

⁴⁷ В. И. Ленин имеет в виду стачку рабочих Германии, которая началась 28 января 1918 года в знак протеста против грабительских условий мира, выдвинутых германской делегацией на переговорах в Брест-Литовске. Слыше 500 тысяч рабочих военных заводов прекратили работу. Бастующие потребовали заключения мира без аннексий и контрибуций на основе предложений советской делегации, участия представителей рабочих всех стран в мирных переговорах, отмены чрезвычайного положения

п стране, предоставления демократических прав народу. Вскоре к берлинским рабочим присоединились рабочие Гамбурга, Килия, Рурской области, Лейпцига и других промышленных центров. Всего в январской политической забастовке приняли участие более 1 миллиона человек.

Руководство забастовкой осуществляли революционные старосты, избравшиеся рабочими главным образом из числа активистов пивовых профсоюзных организаций. Однако большинство старост принадлежало к Независимой социал-демократической партии, деятельность которой направлялась соглашателями. Это ослабляло силы бастующих.

Январская политическая забастовка закончилась поражением рабочих.— 131.

⁴⁸ Имеются в виду газеты, издававшиеся в 1918—1919 годах иностранными коммунистическими группами, созданными при ЦК РКП(б), на английском, немецком и французском языках для распространения в войсках интервентов и среди военнопленных. На английском языке выходила газета «The Call» («Призыв»), распространявшаяся на Северном фронте. На немецком языке выходили два издания: «Der Völkerfriede» («Мир народов») и «Weltrevolution» («Мировая революция»). Оба издания распространялись среди германских военнопленных и на Украине. На французском языке выходил еженедельник «La Lanterne» («Фонарь»), распространявшийся на юге России.— 133.

⁴⁹ Имеется в виду вручение 18(31) декабря 1917 года В. И. Лениным главе финляндского буржуазного правительства Свинхувуду постановления Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндии. 22 декабря 1917 года (4 января 1918 г.) это постановление было утверждено Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.— 135.

⁵⁰ Ленин имеет в виду подготовку военно-монархического переворота в Германии. Этот переворот, так называемый «капповский путч», был произведен реакционной германской военщиной во главе с Каппом. Заговорщики готовили переворот при явном попустительстве социал-демократического правительства. 13 марта 1920 года они двинули на Берлин войска и, не встретив сопротивления со стороны правительства, объявили его низложенным и провозгласили военную диктатуру. Рабочие Германии ответили на переворот всеобщей забастовкой. Под натиском пролетариата правительство Каппа 17 марта пало; к власти вновь пришли правые социал-демократы, которые путем обмана сорвали всеобщую забастовку.— 139.

⁵¹ В. И. Ленин имеет в виду белый террор, наступивший после подавления финляндской революции в мае 1918 года.— 143.

⁵² К началу 1920 года, с упрочением внутреннего и международного положения Советской России, правящие круги Финляндии вынуждены были пойти на заключение мира с РСФСР. 25 марта министерство иностранных дел Финляндии обратилось к Советскому правительству с предложением установить демаркационную линию, что фактически означало начало переговоров о мире. Советско-финляндский мирный договор был подписан 14 октября 1920 года в городе Юрьеве (ныне Тарту). Договор подтвердил независимость и суверенитет Финляндии, предоставленные ей Советским правительством в 1917 году. Договор был ратифицирован Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 23 октября 1920 года.— 145.

⁵³ Согласно Польши на переговоры было лишь маневром, прикрывавшим ее подготовку к войне против Советской России. На неоднократные предложения Советского правительства начать переговоры (22 декабря 1919 г., 28 января, 2 февраля, 6 марта 1920 г.) польское правительство дало положительный ответ лишь 27 марта и предложило начать переговоры в прифронтовом городе Борисове, прекратив военные действия лишь на этом участке. На советские предложения о полном приостановлении боевых действий и о переносе места переговоров в какое-либо нейтральное государство польское правительство ответило ультимативным отказом. Сорвав переговоры, реакционные круги Польши начали 25 апреля войну против Советской республики. В результате успехов Красной Армии осенью 1920 года польское правительство вынуждено было согласиться на заключение мирного договора. Договор о перемирии и предварительных условиях мира был заключен 12 октября в Риге; окончательный мирный договор РСФСР и УССР с Польшей был подписан в Риге 18 марта 1921 года.— 145.

⁵⁴ В начале 1920 года ряд частей Красной Армии был переведен на положение трудовых армий для использования их в хозяйственном строительстве. Война с Польшей и Врангелем заставила привести большинство трудовых армий в боевое состояние. В 1921 году трудовые армии были упразднены.— 152.

⁵⁵ А. Л. Шейнман являлся в это время одним из руководящих работников Народного комиссариата внешней торговли.— 154.

⁵⁶ Приветствие В. И. Ленина «Индийской революционной ассоциации» было послано по радио 10 мая 1920 года в ответ на направленную Ленину резолюцию собрания индийских революционеров, которое состоялось в Кабуле 17 февраля 1920 года. В резолюции собрания говорилось: «Индийские революционеры выражают глубокую благодарность и восхищение великой борьбой, которую ведет Советская Россия за освобождение всех угнетенных классов и народов, а в особенности за освобождение Индии. Великая благодарность Советской России за то, что она услышала клик смертельной агонии, вышедший из груди 315 000 000 человек, неслыханно страдающих под гнетом империализма. Массовый митинг с радостью принимает руку дружбы и помощи, руку, протянутую угнетенной Индии» (Правда, 1920, 20 мая).— 155.

⁵⁷ «Письмо к английским рабочим» было опубликовано 17 июня 1920 года в газетах «Правда», «Известия ВЦИК», «Коммунистический труд», «Гудок» и в тот же день напечатано в Англии в еженедельнике Британской социалистической партии «The Call» («Призыв»). 19 июня письмо было опубликовано в органе Рабочей социалистической федерации Англии «Workers' Dreadnought» («Дредноут рабочих») и журнале «The Russia Outlook» («Взгляд на Россию»), а 22 июня в лейбористской газете «The Daily Herald» («Ежедневный вестник»). В дальнейшем «Письмо к английским рабочим» многократно публиковалось и в Советской России и за рубежом.— 156.

⁵⁸ Речь идет о Дальневосточной республике (ДВР), созданной в апреле 1920 года на территории Забайкальской, Амурской, Приморской, Камчатской областей и Северного Сахалина. Образование ДВР, как государства по форме буржуазно-демократического, но по существу проводившего советскую политику, отвечало интересам Советской России, стре-

мившейся обеспечить себе длительную передышку на Восточном фронте и избежать войны с Японией. Вместе с тем создание на Дальнем Востоке «буферного» государства было вынужденной мерой.

После очищения территории Дальнего Востока (за исключением Северного Сахалина) от интервентов и белогвардейцев Народное собрание ДВР 14 ноября 1922 года приняло решение присоединиться к РСФСР.— 162.

⁵⁹ Второй конгресс Коммунистического Интернационала, заложивший программные, тактические и организационные основы Коминтерна, состоялся 19 июля — 7 августа 1920 года в Советской России. Конгресс открылся в Петрограде; последующие заседания с 23 июля проходили в Москве.

На конгрессе В. И. Ленин выступил с докладом о международном положении и основных задачах Коминтерна и с докладом комиссии по национальному и колониальному вопросам. В основу решений конгресса легли марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма. Конгресс указал на необходимость оказания помощи угнетенным и зависимым народам в их освободительной борьбе и решительно осудил мелкобуржуазных демократов, правых социалистов, которые, ограничиваясь формальным, чисто декларативным, признанием равноправия наций, на деле проповедовали мелкобуржуазный национализм. Конгресс подчеркнул, что во главу всей политики Коммунистического Интернационала по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы.— 163.

⁶⁰ Имя журналиста не названо.— 170.

⁶¹ *Дэвид Ллойд Джордж* — в 1916—1922 годах премьер-министр Великобритании; *Уинстон Черчилль* — в 1918—1921 годах военный министр; *Джордж Натаниел Керзон* — в 1919—1924 годах министр иностранных дел.— 170.

⁶² Основные положения интервью американской журналистке Луизе Брайант были впервые напечатаны в газете «Вашингтон таймс» 14 октября 1920 года. Полный текст интервью под заголовком «Советская власть сильнее, чем когда-либо» был опубликован на сербско-хорватском языке 23 октября 1920 года в газете югославских рабочих «Знание», выходившей в Чикаго.— 171.

⁶³ *Бейбридж Колби* — в 1920—1921 годах государственный секретарь США.— 172.

⁶⁴ Имеется в виду вышедшая в 1919 году книга английского буржуазного экономиста Джона Мейнарда Кейнса «Экономические последствия мира». В этой книге Кейнс высмеял Вильсона и роль, которую он играл в заключении Версальского мирного договора.— 172.

⁶⁵ Мирный договор между РСФСР и Эстонией был подписан 2 февраля 1920 года в Юрьеве (ныне Тарту) вопреки просякам империалистов США и Антанты, стремившихся сорвать переговоры о мире, которые велись по инициативе Советского правительства. Советская Россия признала независимость Эстонии. Оба государства брали взаимное обязательство не допускать пребывания на своих территориях иностранных или враждебных другой стороне вооруженных групп. Между государствами устанавливались дипломатические отношения.— 173.

⁶⁶ Осенью 1920 года в Москву прибыл Вашингтон Вандерлип — представитель крупного американского «Синдиката Вандерлип» для переговоров о концессии на эксплуатацию рыбных промыслов, разведку и добычу нефти и угля на Камчатке и в части Восточной Сибири, лежащей к востоку от 160-го меридиана. В конце октября был выработан проект договора, по которому синдикат получал концессию сроком на 60 лет. Однако «Синдикат Вандерлип» не получил поддержки со стороны своего правительства и проект договора не был подписан.— 176.

⁶⁷ Стремясь настроить Турцию против Советской России и сорвать переговоры об установлении дружественных отношений, дипломаты Антанты спровоцировали нападение на Турцию дашнакской Армении. 24 сентября 1920 года дашнакское правительство начало военные действия против Турции. 29 сентября турецкая армия, остановив наступление дашнаков, перешла в контрнаступление и в течение сентября — ноября заняла Сарыкамыш, Карс, Александрополь.

11 ноября Народный комиссариат иностранных дел РСФСР предложил свое посредничество воюющим странам. Турция отвергла советские предложения, а дашнакское правительство предпочло пойти на заключение кабального договора, по которому Армения объявлялась турецким протекторатом. Однако договор не вступил в силу, так как до его подписания 29 ноября в Армении была провозглашена Советская власть, а дашнакское правительство свергнуто. Турецкое правительство пыталось доказывать, что договор остается в силе, и задерживало эвакуацию своих войск из Александропольского района. Только после решительного требования правительства РСФСР в середине мая 1921 года турецкие войска покинули Александропольский район.— 178.

⁶⁸ Речь идет о проекте торгового соглашения между Великобританией и РСФСР, переданного 29 ноября 1920 года министром торговли Великобритании Уайзом главе советской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красину. Переговоры о нормализации экономических и политических связей, начавшиеся в мае 1920 года, затягивались, а временами даже фактически прерывались по вине английского правительства. 16 марта 1921 года переговоры закончились подписанием торгового договора.— 180.

⁶⁹ 10 августа 1920 года правительство Франции официально заявило о признании Врангеля «правителем Юга России» и назначило своим дипломатическим представителем при «правительстве» Врангеля де Мартели, бывшего до этого представителем Франции при Колчаке, а затем при буржуазных правительствах на Кавказе.— 181.

⁷⁰ Договор об установлении дружественных отношений между РСФСР и Персией (Ираном) был подписан в Москве 26 февраля 1921 года вопреки препятствиям со стороны английских правящих кругов. Он был основан на принципах мирного сосуществования и сотрудничества государств — равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды. Этим договором отмечались все соглашения царской России с Персией и третьими державами, затрагивающие суверенные интересы иранского народа. Персия возвратилась все концессии, полученные царским правительством на ее территории. Советское правительство отказалось от всяких прав на займы, предоставленные Персии царским правительством. Особое значение имели статьи, обязывающие обе стороны не допускать образования или пребывания на

своей территории организацией или групп, имеющих целью борьбу против России или Персии. Это был первый равноправный договор, заключенный Персией.— 186.

⁷¹ Телеграмма В. И. Ленина председателю Великого национального собрания Турции Мустафе Кемалю (Ататюрку) является ответом на переданное по радио Ленину письмо Кемала от 18 декабря 1920 года. В нем Кемаль одобрял признание Советским правительством автономии Дагестана и, касаясь отношений Турции и Советской России, писал: «В твердом убеждении, что только наше тесное сотрудничество приведет нас к желанной цели,— я приветствую всякое дальнейшее закрепление связывающих нас дружеских уз. Я бесконечно благодарен Вам за ту дальновзорную политику, которую начала по Вашему Высокому почину проводить Советская Республика как на Востоке, так и во всем мире» (Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III, с. 451).

Получив письмо Кемала, Ленин в тот же день отправил его Г. В. Чичерину для проверки и подготовки проекта ответа. На проекте ответа, poslanном Чичериным, Ленин надписал: «т. Чичерин! Согласен с Вашим проектом. 9/1—1921. Ленин» (Полн. собр. соч., т. 52, примеч. 454).— 189.

⁷² Речь идет о переговорах между правительством РСФСР и правительством Великого национального собрания Турции, начавшихся 26 февраля 1921 года в Москве. Советско-турецкие переговоры закончились подписанием 16 марта договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. 13 октября в Карсе был подписан также договор о дружбе между Турцией и Закавказскими советскими республиками: Арменией, Грузией и Азербайджаном.— 190.

⁷³ После подписания 12 октября 1920 года предварительного (предварительного) мирного договора между Польшей, с одной стороны, и Советской Россией и Советской Украиной — с другой, в Риге начались переговоры об окончательном заключении мира. Переговоры длились пять месяцев. Польское правительство всячески тормозило работу мирной конференции. Однако решительный тон дипломатических выступлений Советского правительства и разгром Красной Армией союзника буржуазно-помещичьей Польши — Врангеля заставили польское правительство пойти на заключение мира. Окончательный мирный договор был подписан в Риге 18 марта 1921 года. По Рижскому мирному договору Западная Украина и Западная Белоруссия отходили к Польше.

Рижский мирный договор был аннулирован Советским правительством 17 сентября 1939 года, когда Западная Украина и Западная Белоруссия по воле их населения вошли в состав Советского Союза.— 191.

⁷⁴ X съезд РКП(б) состоялся в Москве 8—16 марта 1921 года. Съезд принял предложенные В. И. Лениным резолюции «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». По докладу Ленина съездом было принято решение о замене разрывки натуральных налогом — о переходе к новой экономической политике.

Съезд принял резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», «Советская республика в капиталистическом окружении» и др. Съезд одобрил политику Советского государства, направленную к установлению нормальных торговых отношений с другими странами путем заключения торговых договоров и соглашений. Съезд одобрил декрет СНК от 23 ноября 1920 года об общих экономических и юридических условиях концессий.

Съезд принял также резолюцию «О грядущей империалистической войне». В этой резолюции выдвигалось предложение выпустить манифест к пролетариям всего мира, в котором было бы указано, что буржуазия вновь пытается обмануть рабочих, разжечь в них национальную ненависть и «втянуть в величайшее побоище народы Америки, Азии и Европы, а вслед за этим неминуемо и остальных частей света» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2, с. 246—256, 259—260, 261—262).— 192.

⁷⁵ Данное письмо, проект которого по поручению В. И. Ленина подготовил А. М. Лежава, являлось ответом на письмо М. И. Дуггана В. И. Ленину от 20 декабря 1920 года. Сообщив, что он является специалистом в области организации, строительства и эксплуатации телефонной и телеграфной связи, Дугган писал: «Некоторое время я слежу за событиями в Вашей стране, и мне кажется, что Россия действительно выходит из периода дремоты и сна и действительно вскрывает все свои чудесные возможности. Я очень заинтересован Россией и ее будущим с научной и с человеческой точки зрения и очень хотел бы иметь возможность помочь реорганизации и развитию русской системы связи» (Полн. собр. соч., т. 54, примеч. 741). Дугган просил Ленина разрешить ему приехать в Россию для работы по специальности.

На письмо Дуггана Ленин написал: «Вернуть Лежаве на отзыв». 24 марта 1921 года Лежава сообщил Ленину, что Дуггану лучше всего вести переговоры по интересующему его вопросу с Л. К. Мартенсом, который во главе советской миссии должен вскоре выехать в США. Ленин поручил Лежаве: «Написать проект ответа от меня по-английски и дать мне на подпись. Ленин».

29 июля 1921 года В. И. Ленин получил письмо Дуггана, в котором последний выражал Ленину горячую признательность за внимательность и теплое письмо. Поездка Дуггана в Советскую Россию не состоялась, так как правительство США отказалось от каких-либо сношений с РСФСР и не дало разрешение на поездку Л. К. Мартенса в США.— 194.

⁷⁶ Настоящее послание явилось ответом на два письма Амануллахана от 6 ноября и 1 декабря 1920 года аналогичного содержания. Текст письма от 1 декабря помещен в книге: Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV, с. 94—95.— 195.

⁷⁷ Договор между Советской Россией и Афганистаном был ратифицирован ВЦИК 20 апреля 1921 года. Текст договора см. в книге: Документы внешней политики СССР, т. III, с. 550—553.— 195.

⁷⁸ Проект соглашения между Правительством РСФСР и Народным правительством Монголии был рассмотрен и одобрен Малым СНК в тот же день, 3 ноября 1921 года.

Сообщение НКВД о подписании советско-монгольского договора было опубликовано в «Правде» 11 ноября 1921 года.— 200.

⁷⁹ Беседа В. И. Ленина с делегацией Монгольской Народной Республики состоялась в Кремле 5 ноября 1921 года. В состав делегации входили: Данзан — председатель делегации, министр финансов и председатель ЦК Монгольской народно-революционной партии; Сухэ-Батор — главнокомандующий Народно-революционной армией и военный министр; Б. Церендорж — заместитель министра иностранных дел; Чжон-Ван-Ширин-Дандин — представитель религиозных кругов, неофициальный член

делегации; Батухан — советник и ответственный переводчик. В своих воспоминаниях Церендорж писал: «Ленин долго беседовал с членами делегации. Он внимательно слушал наши рассказы, живо интересовался самыми разными вопросами жизни народной Монголии, давал полезные советы. В частности, Владимир Ильич обратил наше внимание на необходимость поднять уровень просвещения и культуры монгольского народа, одновременно подчеркивая, что нужно всемерно развивать собственную экономику с целью удовлетворения всех потребностей народа» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 5, с. 439—440).

3 ноября Ленин направил записку председателю Малого СНК с просьбой рассмотреть соглашение с Монгольской Народной Республикой. Малый СНК, рассмотрев это соглашение, одобрил его.

5 ноября 1921 года было подписано соглашение между представителями РСФСР и МНР, по которому обе стороны обязались не допускать пребывания и формирования на своей территории групп, враждебных другой стороне, установили соглашение о порядке назначения дипломатических и консульских представителей, определения государственной границы; были установлены основные положения таможенной политики. Советское правительство передало правительству МНР принадлежавшую РСФСР в Монголии телеграфные сооружения.— 200.

⁸⁰ Готовясь к отчету ВЦИК и СНК на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин запросил у ряда народных комиссариатов, в том числе и у Наркоминдела, краткие сведения об их работе. В тот же день управляющий делами Совета Труда и Оборона В. А. Смольянинов представил В. И. Ленину ответы на его вопросы. Выдержки из ответов Г. В. Чичерина на вопросы В. И. Ленина опубликованы в журнале «Исторический архив», 1961, № 2, с. 66—68.— 201.

⁸¹ Предложение В. И. Ленина о принятии специальной резолюции IX Всероссийским съездом Советов, направленной против политики авантюры буржуазных правительств Польши, Финляндии и Румынии, было принято на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 22 декабря 1921 года.— 203.

⁸² IX Всероссийский съезд Советов состоялся 23—28 декабря 1921 года в Москве.

Съезд обсудил доклады и принял следующие решения: Постановление по отчету ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике Республики; Декларацию о международном положении РСФСР; Постановление о строительстве Красной Армии и Флота; Наказ по вопросам хозяйственной работы; Постановление о предварительных итогах новой экономической политики и о промышленности Республики и другие постановления.

IX Всероссийский съезд Советов полностью одобрил деятельность рабоче-крестьянского правительства в области внутренней и внешней политики. В «Декларации о международном положении РСФСР» съезд обратился к правительствам соседних и всех других государств с предложением положить в основу своей внешней политики принцип мирного сосуществования — «мирного и дружеского сожительства с советскими республиками» (Девятый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1922, с. 271).— 203.

⁸³ Вашингтонская конференция — конференция по ограничению морских вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам была созвана по инициативе США и происходила в Вашингтоне с 12 ноября

1921 по 6 февраля 1922 года. В конференции приняли участие США, Англия, Япония, Франция, Италия, Китай, Бельгия, Португалия и Голландия.

Советская Россия на конференцию приглашена не была, не была приглашена и существовавшая тогда Дальневосточная республика. На конференции, без участия Советской республики, обсуждался ряд вопросов, непосредственно касавшихся Советской России. В связи с этим Народный комиссариат иностранных дел два раза — 19 июля и 2 ноября 1921 года — посылал протесты соответствующим правительствам, в которых заявлял, что не признает никаких решений, принятых конференцией без участия в ней одной из главнейших заинтересованных сторон. 8 декабря 1921 года НКИД заявил протест против того, что на Вашингтонской конференции обсуждался вопрос о Китайско-Восточной железной дороге, касающийся исключительно России и Китая.

Решения Вашингтонской конференции явились дополнением к Версальскому договору; под давлением США и Англии Япония была вынуждена отказаться от ряда позиций, захваченных ею в Китае, и то же время она закрепила свое господство в Южной Маньчжурии.— 212.

⁸⁴ По-видимому, В. И. Ленин имеет в виду «Декларацию о признании долгов» от 28 октября 1921 года, опубликованную в «Известиях ВЦИК» 29 октября. Руководствуясь принципом мирного сосуществования государств с различными общественно-экономическими укладами, Советское правительство выразило готовность вести переговоры о взаимных требованиях, признании довоенных долгов, при условии заключения с Россией мира, признания ее другими странами и безусловного прекращения всяких действий, угрожающих безопасности советских республик и дружественной Дальневосточной республики. Советское правительство напомунало, что одной из основных целей его политики всегда являлось установление экономического сотрудничества с другими державами.— 212.

⁸⁵ Международная экономическая и финансовая конференция состоялась в Генуе (Италия). Инициатива созыва конференции, которая рассмотрела бы все вопросы установления мира и экономического сотрудничества в Европе, в том числе и вопрос о российских долгах, принадлежала Советскому правительству, выступившему 28 октября 1921 года с нотой Англии, Италии, США, Франции и Японии по этому вопросу. Решение о созыве конференции было принято Верховным советом стран Антанты 6 января 1922 года на конференции в г. Кайне (Франция).

Приняв решение о приглашении на конференцию Советской России, союзные страны надеялись вынудить Советское правительство пойти на ряд политических и экономических уступок и в то же время установить хозяйственные связи с Советской Россией.

27 января на Чрезвычайной сессии ВЦИК была избрана советская делегация на Генуэзскую конференцию. Председателем делегации был назначен В. И. Ленин, заместителем — Г. В. Чичерин «со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки тов. Ленина на конференцию». В состав делегации вошли Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, Н. Н. Наркисов, В. В. Воронский, Я. Э. Рудаутак и др. Вопрос о поездке В. И. Ленина на Генуэзскую конференцию широко обсуждался трудящимися советских республик. В многочисленных письмах они выражали тревогу за безопасность и жизнь Ленина и высказывались против его поездки. ЦК РКП(б) принял специальное решение по этому вопросу, согласно которому В. И. Ленин полномочия председателя делегации передал Г. В. Чичерину.

Ленин руководил работой делегации, разработал директивы ЦК партии советской делегации и другие важнейшие документы, связанные с участием Советской России в конференции.

Генуэзская конференция проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 года. В ней приняли участие представители 29 стран. На конференции советская делегация вновь провозгласила необходимость мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими укладами. В ее заявлении, одобренном В. И. Лениным и утвержденном СНК, говорилось: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления» (Материалы Генуэзской конференции. Полный стенографический отчет. М., 1922, с. 78).

Генуэзская конференция не решила вопросов, поставленных перед ней. Советская делегация решительно отклонила попытки империалистических держав навязать нашей стране по существу колониальный режим (установление контроля над советскими финансами и т. д.). Предложив участникам конференции обсудить вопрос о всеобщем сокращении вооружений и запрещении наиболее варварских средств борьбы (ядовитых газов, военной авиации), советская делегация показала всему миру миролюбивый характер ленинской внешней политики Республики Советов.— 213.

⁸⁶ В. И. Ленин имеет в виду резолюцию конференции Верховного совета стран Антанты (происходила 6—13 января 1922 г. в г. Канне во Франции) о созыве Международной экономической конференции в Генуе. В этой резолюции были сформулированы условия, принятие которых было, по мнению Верховного совета союзных стран, необходимо для плодотворной работы намечавшейся конференции. Первый параграф этих условий гласил: «Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и образа правления. Каждая нация в этом отношении имеет право избирать для себя ту систему, которую она предпочитает» (Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. V, с. 58). В условиях далее предусматривалось следующее: гарантии неприкосновенности и получения прибыли для иностранного капитала при оказании им помощи какой-либо стране; признание всех долгов и обязательств, которые были и будут заключены или гарантированы правительствами той или иной страны; обязательства вернуть, восстановить или возместить все потери и убытки, причиненные иностранным интересам конфискацией или секвестром имущества; обязательства наций воздерживаться от пропаганды, направленной к испровержению порядка и политической системы других стран, и от враждебных действий против союзных государств. В заключение заявлялось, что союзные державы могут признать Советское правительство лишь после принятия им всех этих условий.

Текст резолюции Каннской конференции вместе с официальным приглашением от имени Верховного совета стран Антанты делегации Советского правительства участвовать в Генуэзской конференции был направлен председателем совета министров Италии Бюсси 13 января 1922 года Чичерину.

В первом параграфе текста резолюции, полученной от Бопомп, были пропущены слова «свою систему собственности». В связи с этим Ленин просил Чичерина прислать ему текст резолюции, опубликованный ранее в буржуазной прессе, а также в «Известиях ВЦИК», № 6, 10 января 1922 года, где имелись эти слова (см. Полн. собр. соч., т. 44, с. 371).

В. И. Ленин придавал большое значение формулировке первого параграфа канишских условий, расценивая его как косвенное признание банкротства капиталистической системы собственности и неизбежности существования наряду с ней социалистической системы собственности. Ленин указывал, что другие параграфы канишских условий, направленные на закабаление Советской России иностранным капиталом, явно противоречили первому параграфу.

Во время подготовки Генуэзской конференции руководящие круги Франции и английский премьер-министр Ллойд Джордж добивались, чтобы приглашение Советской России на Генуэзскую конференцию было обусловлено предварительным признанием ею канишской резолюции.—

214.

⁸⁷ Ленин имеет в виду попытку некоторых уступок, проводившуюся в начале 20-х годов английским правительством во главе с Ллойд Джорджем, с целью подавления революционного национально-освободительного движения в Ирландии и Египте.

Англо-ирландский договор был заключен 6 декабря 1920 года в результате длительной и упорной борьбы ирландского народа за национальную независимость. Договор предусматривал создание доминиона «Ирландское свободное государство» в составе Британской империи. Шесть северо-восточных графств (Ольстер), являвшихся наиболее развитой в промышленном отношении частью Ирландии, отторгались от нее и оставались в пределах Великобритании.

Подавив в декабре 1921 года восстание египетского народа против английского господства, английское правительство вынуждено было в феврале 1922 года отменить протекторат над Египтом и объявить Египет «независимым королевством». Однако «независимость» Египта оказалась формальной, так как сохранялась английская оккупация всего Египта, английский контроль в зоне Суэцкого канала, господство Англии в Англо-Египетском Судане и пр.— 215.

⁸⁸ Полковник Ф. Р. Макдональд, являвшийся организатором и участником различных промышленных и финансовых предприятий, приехал в Советскую Россию, по-видимому, по поручению Ллойд Джорджа и обратился с письмом к В. И. Ленину. Он интересовался лесными и сельскохозяйственными концессиями, а также возможностями получить концессии на эксплуатацию отдельных участков железных дорог и ремонт паровозов.

На конверте с письмом Макдональда имеется подпись В. И. Ленина: «т. Литвинову и Чичерину. Мое письмо к ним на обороте письма внутри конверта. Прошу тов. секретаря проверить быструю доставку и ответ для присылки мне на подпись. 2/II. Ленин». (Полн. собр. соч., т. 54, примеч. 261).

На основе ленинского проекта М. М. Литвинов составил ответ Макдональду, который был послан последнему по распоряжению В. И. Ленина за подписью секретаря Л. А. Фотиевой 6 февраля 1922 года.

Переговоры с Макдональдом не привели к практическим результатам.— 215.

⁸⁹ Дополнения к директивам ЦК партии советской делегации на Генуэзской конференции, содержащиеся в настоящем документе, были приняты Политбюро ЦК РКП(б) 8 февраля 1922 года.— 216.

⁹⁰ Проект постановления, предложенный В. И. Лениным, был принят Политбюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1922 года со следующим дополнением И. В. Сталина: «1. Вопрос о признании Соввласти ставить не в начале, а в конце конференции (после развертывания понятий к экономическому соглашению) и, затем, не делать из него ультиматума; 2. Не выдвигать в качестве субъектов (соглашающихся) на конференции со стороны России *Центросоюз, сельскохозяйственные кооперативы* и пр. (как это делает Красин), а иметь в виду лишь один субъект — государство российское» (Полн. собр. соч., т. 44, примеч. 178).— 218.

⁹¹ Все поправки и замечания В. И. Ленина к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции, представленному Г. В. Чичериным, были учтены. Заявление советской делегации Чичерин огласил на первом пленарном заседании Генуэзской конференции 10 апреля 1922 года.— 228.

⁹² В. И. Ленин имеет в виду следующий текст из проекта речи Г. В. Чичерина: «Мы приписываем величайшую важность первому пункту Каннской резолюции о взаимном признании политических и экономических систем обоих лагерей современного мира» (Полн. собр. соч., т. 45, примеч. 50).— 228.

⁹³ Письмо В. И. Ленина Чарлзу П. Штейнмецу явилось ответом на следующее письмо Штейнмеда:

«Господину Н. Ленину.

Мой дорогой г. Ленин! Возвращение г. Б. В. Лосева в Россию представляет мне удобный случай выразить Вам свое восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях.

Я желаю Вам полнейшего успеха и вполне уверен, что Вы добьетесь успеха. В самом деле Вы должны добиться успеха, так как не должен быть допущен провал громадного дела, начатого Россией.

Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением и указанием, я всегда буду очень рад сделать все, что в моих силах. Братски Ваш Ч. Штейнмец».

По воспоминаниям Б. В. Лосева, бывшего тогда секретарем нью-йоркского отделения «Общества технической помощи Советской России», Штейнмец еще в июне 1920 года, во время посещения его делегацией общества, выразил желание быть в курсе всех экономических и промышленных проблем Советской республики и предложил свою помощь в разработке технической документации для сооружения в Советской России электростанций и высоковольтных линий передач.

Передавая в феврале 1922 года Лосеву, уезжавшему в Москву, письмо для В. И. Ленина, Штейнмец, как вспоминает Лосев, сказал: «Жаль, что не могу ехать с Вами, очень-очень жаль. Мне кажется, результаты мировой войны таковы, что если б не установление советского строя в России, то жизнь вообще не имела бы никакой ценности... Пусть в России узнают, что я и многие другие сочувствуют их цели, что всем сердцем и разумом мы с ними. Обязательно надо пожелать русским успеха в дьявольски трудном деле, которое они начали» (Лосев Б. В. История одной переписки.— Вечерняя Москва, 1960, 22 апреля).

Получив письмо Штейнмеца, Ленин обратился к Г. М. Кржижановскому и Л. К. Мартенсу с просьбой дать более подробные сведения об американском ученом. 2 апреля Ленин набросал проект ответа Штейнмецу, в котором использовал предложенный Кржижановским вариант последнего абзаца письма, и направил его Кржижановскому со следующей запиской: «т. Кржижановский! Посылаю Вам проект ответа Штейнмецу. Прошу вернуть с Вашими замечаниями или дополнениями. С ком. приветом. *Ленин*» (Полн. собр. соч., т. 54, с. 223). 10 апреля на окончательном варианте письма Ленин сделал следующую приписку: «Дайте в Коминтерн перевести на английский (*с проверкой англичанина, с его пометкой*)», а затем переписал на машинке на моем бланке и дать мне на подпись» и написал по-английски адрес Штейнмеца. На бланке с текстом письма, переведенного на английский язык, Ленин проставил дату «12.IV. 1922», подписался: «fraternally Yours Lenin» («братски Ваш Ленин». — *Ред.*), а затем дал следующее указание секретарию: «а) 1 экземпляр послать заказным письмом в Америку. *Адрес* точно и по-английски и по-русски *показать мне завтра.* б) 1 экз. послать Мартенсу. в) 1 экз. сохранить. 2) Письмо Штейнмеца и мой ответ по-русски — послать *Кржижановскому* для напечатания (по-русски), а после напечатания вернуть мне» (Полн. собр. соч., т. 45, примеч. 94). 19 апреля письмо Штейнмеца и ответ Ленина были опубликованы в советских газетах, а 20 апреля в «Правде» была напечатана биография Штейнмеца, написанная Г. М. Кржижановским. — 232.

⁹⁴ *Арманд Хаммер* — крупный американский промышленник, секретарь «Объединенной компании медикаментов и химических препаратов», получившей в 1921 году от Советского правительства концессию на разработку асбестовых рудников на Урале. В 1921 году состоялась его беседа с В. И. Лениным по вопросу об установлении экономических связей между Советской Россией и США.

В 1925—1930 годах А. Хаммер возглавлял концессию этой компании в Советской России по производству и сбыту канцелярских товаров.

А. Хаммер — председатель совета директоров «Оксидентал петролеум компани» в июле 1922 г. подписал соглашение с Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технике. Посетив снова СССР в октябре 1922 года, А. Хаммер передал в дар советскому народу подлинники двух писем В. И. Ленина. Советское правительство наградило А. Хаммера орденом Дружбы народов, в связи с чем он еще раз посетил СССР в 1928 году. — 234.

⁹⁵ Речь идет о договоре, заключенном Советской Россией и Германией 16 апреля 1922 года в Рапалло (близ Генуи) во время Генуэзской конференции.

Уже на первом этапе конференции вскрылось наличие серьезных противоречий между Германией и странами-победительницами. Попытки германского правительства сговориться с державами Антанты за счет интересов Советского государства не удалось, и оно вынуждено было встать на путь заключения договора с ним, рассчитывая таким образом укрепить свои позиции в отношениях с западными странами.

Договор предусматривал отказ сторон от взаимных претензий, возникших в результате первой мировой войны. Германское правительство отказывалось от требования возврата бывшим германским владельцам предприятий, национализированных Советским правительством, при условии, если Советское правительство не будет удовлетворять такие же претензии других государств. Одновременно между обеими странами

уставлялись дипломатические отношения и принцип взаимного благоприятствования в экономических вопросах.

Подписание Рапальского договора явилось большим успехом советской дипломатии, так как этот акт укреплял международное положение Советского государства, означал срыв попыток создания единого антисоветского фронта. Заключение договора подтвердило, что Советское правительство будет нормализовать свои отношения с буржуазными государствами только на основе признания равноправия двух систем собственности. Договор имел большое значение также для Германии, так как давал ей возможность установить взаимовыгодные экономические и торговые связи с Советской страной.— 235.

⁹⁶ 17 мая 1922 года III сессия ВЦИК IX созыва, обсудив вопрос о Генуэзской конференции, приняла постановление, основой которого являлся лепинский проект (см. III сессия ВЦИК IX созыва, Бюллетень № 5, 19 мая 1922 г., с. 15—17).— 236.

⁹⁷ Имеется в виду докладная записка Б. И. Рейнштейна, в которой содержались подробные сведения о Ю. Хаммере, его сыне А. Хаммере и о возглавляемой ими американской «Объединенной компании медикаментов и химических препаратов».— 236.

⁹⁸ Предложение В. И. Ленина о поддержке предприятий А. Хаммера и Б. Мишеля было принято Политбюро ЦК РКП(б) 2 июля 1922 года.— 236.

⁹⁹ Распоряжения секретарям написаны на полях проекта рекомендации А. Хаммеру (проект составлен Б. И. Рейнштейном).— 236.

¹⁰⁰ Имеется в виду также рекомендация на имя Б. О. Мишеля — главного управляющего американской концессии «Аламерико» в Советской России.— 237.

¹⁰¹ Речь идет о полуофициальной поездке в Россию лидера партии радикал-социалистов, депутата парламента и мэра города Лиона Эдуарда Эррио, происходившей с 20 сентября по 10 октября 1922 года. Эррио предпринял поездку в Советскую Россию с целью выяснения экономических и политических возможностей установления связей Франции с РСФСР. При этом он подчеркивал, что едет в качестве «беспристрастного наблюдателя и искреннего демократа, готового открыто приступить к полезному делу сближения между двумя великими народами на благо всего мира». Эррио выразил надежду, что оба эти вопроса получат удовлетворительное разрешение. Эррио побывал в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, посетил Путиловский завод, Петроградскую торговую палату, Нижегородскую ярмарку, фабрики, заводы, музеи. В интервью представителям советской печати Эррио отметил, что он наблюдал огромные усилия, которые делают русским правительством и народом для устранения последствий войны и разрухи. Эррио пригласил советские торговые организации принять участие в Лионской ярмарке 1923 года.

После поездки по Советской России Эррио начал кампанию в пользу сближения Франции с СССР и поддерживал идею о невозможности разрешения ближневосточного вопроса без России. 10 ноября 1922 года, выступая в палате депутатов, Эррио потребовал полного допущения России на Лозаннскую конференцию. Свои впечатления о Советской России он изложил в выступлениях, лекциях, интервью и ряде статей

в газетах. Поездка Эррио в Советскую Россию и его деятельность в пользу урегулирования франко-советских отношений явились важным этапом на пути установления нормальных политических и экономических отношений между обеими странами.— 237.

¹⁰² Речь идет о греко-турецкой войне, развернувшейся под лозунгом борьбы турок против Севрского договора, подписанного 10 августа 1920 года константинопольским (султанским) правительством под давлением англичан. Севрский договор по существу означал для Турции полную потерю независимости; он подтверждал раздел Азиатской Турции, захват Смирны, сохранение капитуляционного режима и т. д.— 238.

¹⁰³ Речь идет о подготовлявшейся Англией, Францией и Италией конференцией по вопросам Ближнего Востока в связи с поражением англо-греческой интервенции в Турции. Империалистические державы вначале попытались вовсе отстранить Советскую Россию от участия в этой конференции, а затем, вынужденные считаться с возросшим международным значением Советского государства, в ноте от 7 октября 1922 года объявили, что допустят Советскую Россию лишь на тот период конференции, когда будет обсуждаться вопрос о черноморских проливах. Советское правительство в ноте от 20 октября 1922 года заявило по этому вопросу протест, а затем 2 ноября 1922 года обратилось к «приглашающим державам» с новой нотой, в которой настаивало на участии РСФСР, УССР и Грузинской ССР в ближневосточной конференции в целом.

Конференция по ближневосточным вопросам открылась в Лозанне 20 ноября 1922 года и продолжалась до 24 июля 1923 года. В конференции приняли участие Англия, Франция, Италия, Япония, Греция, Румыния, Югославия, Турция. В обсуждении вопроса о режиме черноморских проливов участвовали РСФСР, УССР и Грузинская ССР, представленные единой делегацией, и Болгария. К обсуждению некоторых вопросов были привлечены Албания, Бельгия, Голландия, Испания, Португалия, Норвегия, Швеция.

Конференция закончилась подписанием мирного договора между Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией и Югославией, с одной стороны, и Турцией — с другой. Важное место в повестке дня Лозаннской конференции занимал вопрос о черноморских проливах. Советская делегация выступила по этому вопросу с предложениями, сформулированными В. И. Лениным в настоящем интервью. Однако предложения советской делегации были отклонены. Конвенция о режиме проливов, принятая на Лозаннской конференции, устанавливала свободный проход через проливы в любое время торговых и военных судов любого флага. Советский Союз не ратифицировал эту конвенцию, как нарушающую его законные права и не гарантиующую безопасность черноморских стран.— 239.

¹⁰⁴ Речь идет о предоставлении концессии на разработку и добычу полезных ископаемых английскому промышленнику и финансисту Л. Уркарту, бывшему до Октябрьской революции председателем «Русско-Азиатского объединенного общества» и владельцем крупных горных предприятий в России (Кыштым, Риддер, Тавалык, Экибастуз). Переговоры между наркомом внешней торговли Л. Б. Красиным и Л. Уркартом начались в Лондоне в середине июня 1921 года. С августа по сентябрь 1921 года переговоры проходили в Москве. Советское правительство выражало готовность предоставить на определенных условиях Ур-

карту концессию на предприятия, которыми он владел до Октябрьской революции. Ленин наметил основные условия концессии и внимательно следил за переговорами. В ходе переговоров был выработан проект концессионного договора. Однако в октябре 1921 года Уркарт прервал переговоры и включился в антисоветскую кампанию, рассчитывая при помощи давления и шантажа получить от Советского правительства серьезные уступки.

Концессионный договор с Уркартом был отклонен.— 241.

¹⁰⁵ В. И. Ленин имеет в виду принятое Народным собранием Дальневосточной республики 14 ноября 1922 года постановление о воссоединении ДВР с РСФСР, извещение о котором было опубликовано 15 ноября 1922 года. Полный текст постановления был напечатан в газетах 21 ноября 1922 года.— 243.

¹⁰⁶ *Герберт Кларк Гувер* — американский политический деятель, крупный капиталист; с 1919 года — председатель Американской администрации помощи (АРА). В 1921—1928 годах — министр торговли США. Письмо Гуверу было отправлено 28 ноября 1922 года за подписью заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова.— 247.

¹⁰⁷ *Уильям Нэбью Гаскелл* — полковник; в 1921—1922 годах — уполномоченный Американской администрации помощи (АРА) в России.— 247.

¹⁰⁸ В Гааге с 10 по 15 декабря 1922 года проходил Международный конгресс мира, созванный Амстердамским интернационалом профсоюзов под давлением рабочих масс, выступавших против опасности новой мировой войны.

В. И. Ленин придавал большое значение выступлению советской делегации на конгрессе. Указаниями Ленина, изложенными в постановлении документа, советская делегация руководствовалась во время пребывания в Гааге.

На конгресс прибыли около 630 делегатов. На нем были представлены организации только стран Европы. Большую часть делегатов составляли лидеры социал-демократических партий, желтых профсоюзов и реформистских кооперативных объединений. Значительное место среди делегатов занимали также представители буржуазных пацифистских обществ. Международные революционные организации — Коминтерн, Профинтерн, а также представители угнетенных стран Азии и Африки на конгрессе не были приглашены. Среди делегатов было только десять коммунистов — все от советских профсоюзов.

Состав конгресса предопределил характер его работы, носившей ярко выраженную антикоммунистическую направленность. На первом же заседании были отклонены требования советских делегатов выразить протест правительству Голландии в связи с отказом в визах части советской делегации, поставить в повестку дня вопрос об участии в конгрессе Красного Профинтерна, предоставить советским делегатам возможность выступить содокладчиками по ряду важных вопросов. Несмотря на это, советская делегация сумела воспользоваться трибуной конгресса, чтобы через голову его руководителей выявить перед лицом всего мира отношение революционного пролетариата к империалистической войне. Делегация советских профсоюзов вынесла на рассмотрение конгресса программу, состоявшую из 14 пунктов. Текст ее, отпечатанный на трех языках — французском, немецком и английском, был передан в бюро конгресса и во все концессии, а также роздан всем делегатам и разослан в

газеты. Программа призывала повести решительную, массовую борьбу за пересмотр Версальского договора, за разоблачение заговоров международного империализма и опубликование тайных договоров, за немедленную эвакуацию союзных войск из оккупированных областей Германии и всех других стран, областей и территорий (Дальний и Ближний Восток, Африка и т. д.), оккупированных по мандату Лиги наций.— 248.

¹⁰⁹ Письмо В. И. Ленина Чарльзу П. Штейнмецу отъез в США американский коммунист Гарольд Вар, возглавлявший в 1922 году тракторный отряд американских рабочих, который работал в совхозе «Тойкино» Пермской губернии.— 252.

¹¹⁰ Письмо В. И. Ленина написано в связи с подготовкой к предстоящему Пленуму ЦК РКП(б) по вопросу о монополии внешней торговли. 6 октября 1922 г. на Пленуме ЦК, на котором Ленин не мог по состоянию здоровья присутствовать, по докладу наркома финансов Г. Я. Сокольников было принято постановление об ослаблении монополии внешней торговли. Ленин был не согласен с решением Пленума и в письме в ЦК РКП(б), первая часть которого была написана 12 октября, предложил отсрочить решение этого вопроса на два месяца, до следующего Пленума ЦК. 16 октября Пленум ЦК принял решение обсудить вопрос о монополии внешней торговли на следующем Пленуме (состоялся 18 декабря).

В. И. Ленин провел к Пленуму большую работу: организовал сбор и изучение материалов о состоянии внешней торговли; по его предложению была обследована деятельность торговых представительств РСФСР за границей; он беседовал с членами ЦК, с ответственными партийными, советскими и хозяйственными работниками; написал целый ряд писем и записок, убеждал колебавшихся в необходимости сохранения монополии внешней торговли; договаривался со сторонниками его точки зрения об их выступлении на Пленуме.

Однако после обострения болезни 13 декабря врачи запретили В. И. Ленину работать, и он не смог принять участия в Пленуме. В связи с этим Ленин 13 декабря продиктовал по телефону настоящее письмо для Пленума ЦК.

Письма Ленина, беседы с ним и глубокое изучение материалов по этому вопросу убедили членов ЦК в необходимости сохранения монополии внешней торговли. Изменил свою позицию и Сталин. Он писал 15 декабря 1922 года членам ЦК: «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов... говорящих в пользу сохранения монополии внешней торговли, считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщенные мною членам Цема два месяца назад» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 45, примеч. 201). В. И. Ленин в письме И. В. Сталину для членов Политбюро от 15 декабря с удовлетворением отмечал, что часть членов ЦК, голосовавших на октябрьском Пленуме ЦК против монополии внешней торговли, изменили свое прежнее мнение (там же, т. 45, с. 338—339).

Ленин был решительно против какой-либо оттяжки в решении вопроса о монополии внешней торговли Пленумом ЦК. «Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья,— писал Ленин,— то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов». Категорически высказывался за обсуждение вопроса о монополии внешней торговли именно на предстоящем Пленуме, Ленин

подчеркивал: «...дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу».

Декабрьский Пленум Центрального Комитета единогласно принял решение, которым отменил постановление предыдущего Пленума и подтвердил «безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли». Тем не менее Ленин считал вопрос о монополии внешней торговли настолько важным, что предлагал информировать о нем коммунистическую фракцию предстоящего, X Всероссийского съезда Советов и вынести его на обсуждение очередного, XII съезда партии.

В соответствии с указанием Ленина вопрос о монополии внешней торговли был рассмотрен на XII съезде партии, состоявшемся 17—25 апреля 1923 года. В резолюции съезда по отчету ЦК РКП(б) говорилось: «Съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2, с. 404).— 252.

¹¹¹ Статья «Лучше меньше, да лучше» принадлежит к числу последних статей В. И. Ленина: «Страшечки из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», продиктованных им в январе — начале марта 1923 года. Эти статьи являлись завершением разработки Лениным плана строительства социализма в СССР. В них Ленин обосновал необходимость создания тяжелой индустрии как материальной базы социализма и коммунизма, развил кооперативный план преобразования сельского хозяйства на социалистических началах, осветил проблемы культурной революции, наметил пути совершенствования государственного аппарата, указал на необходимость обеспечения единства партии, на ее роль как руководящей силы в социалистическом государстве, в строительстве социализма.— 255.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Антанта, ее империалистический характер, ее роль в организации военной интервенции в Советской России* — 76, 77, 80, 88, 89, 97, 101—110, 114, 115—116, 117, 122, 123, 124, 126, 127, 130, 131, 134, 135, 137, 138, 140, 141, 143, 144—147, 150, 151, 161, 163, 165, 170, 172—175, 180, 183—184, 186, 192.
- Блокада Советской России империалистическими государствами* — 75, 103, 113—114, 122—123, 124, 126, 137, 138, 144, 145, 171, 210, 244.
- Борьба Советского государства за мир* — 15—26, 38, 40—44, 46—52, 59, 66—67, 82, 86, 89, 111—112, 114—118, 120—121, 122, 123, 125, 129—130, 131—132, 135, 137—138, 146, 147, 149, 151, 153, 156, 157, 161, 184, 185, 186—187, 191, 192, 198, 199, 203, 206—208, 239, 241, 248—251.
- Версальский мир 1919 г.* — 94—95, 123, 165, 178, 180, 198, 205, 216, 235, 241, 256.
- Внешняя политика Советского государства*
- ее основные принципы — 21, 23—24, 48, 53, 125, 127—128, 135, 147, 151—152, 207—208, 219, 239—240. См. также Интернационализм пролетарский, Мирное сосуществование двух систем (социалистической и капиталистической).
 - в первые месяцы Советской власти — 15—18, 19—21, 22, 23—24, 38, 43—44, 48, 51—52, 53—64, 67—69, 76, 77, 82, 129—132.
 - в период иностранной военной интервенции и гражданской войны — 77, 86, 89, 111—112, 114—118, 120—121, 122, 125, 127—128, 135—136, 137, 146—147, 151.
 - в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства — 160, 161, 206, 227, 237, 238, 243.
 - ее международное значение — 44, 65, 67—68, 117, 136, 137, 165, 177, 180, 181, 183—184, 186—183, 189, 190, 192—193.
- Внешняя торговля Советской России* — 64, 88—89, 121, 124—127, 171, 177, 188, 193, 194, 202, 211—212, 215, 219, 220, 221, 222, 224, 225—226, 227, 230, 232, 233, 234, 236—238, 243, 246—247, 254.
- VIII съезд РКП(б)*
- о международном положении и внешней политике Советского государства — 82—83.
 - о Венгерской Советской Республике — 83.
- Встречи и переписка В. И. Ленина с представителями других стран, интервью корреспондентам иностранных газет* — 46, 64, 83—84, 84—88, 89—90, 120—121, 122—123, 124—128, 135, 156—163, 170—172, 200—201, 233—234, 237—243.
- Гаагская конференция профсоюзов (Гаагский международный конгресс мира) 1922 г.* — 248—251.
- Генуэзская конференция 1922 г.* — 213—215, 216, 217, 218—221, 222, 223, 224, 226, 228—233, 235—236.
- IX съезд РКП(б)*
- о международном положении

- Советской республики — 140—147.
- Декрет о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. и его историческое значение* — 15—21, 44, 129—130, 131, 149.
- Делегации иностранных рабочих и крестьян в Советской России* — 156—159, 200—201.
- X съезд РКП(б)*
- о международном положении Советской республики — 192—193.
- Дипломатия буржуазная* — 23, 53, 56, 75, 113—114, 123, 151—152, 164—165, 166, 170, 192—193, 208, 209, 214, 221, 223.
- Дипломатия советская* — 16—17, 19—21, 61, 62, 192—193, 208—209, 229, 239.
- Договоры международные Советского государства*
- Брест-Литовский мирный договор 1918 г. — 24—37, 38, 39, 40—44, 55—56, 57—59, 68, 69, 71, 77, 82—83, 94—95, 149, 165, 198, 205.
 - мирный договор с Эстонией 2 февраля 1920 г. — 114—117, 118, 122, 123, 127, 138, 162, 173, 185—186.
 - мирный договор с Литвой 12 июля 1920 г. — 127.
 - мирный договор с Латвией 11 августа 1920 г. — 127, 145, 173, 185—186.
 - мирный договор с Финляндией 14 октября 1920 г. — 173.
 - Советско-иранский договор 26 февраля 1921 г. — 186.
 - Советско-афганский договор 28 февраля 1921 г. — 186, 195—196.
 - Советско-турецкий договор 16 марта 1921 г. — 190—191.
 - мирные договоры с Польшей 20 октября 1920 г. и 18 марта 1921 г. — 172—174, 177, 183—184, 191—192.
 - соглашение с Монгольской Народной Республикой 5 ноября 1921 г. — 200—201.
 - Рапалльский договор с Германией 16 апреля 1922 г. — 235—236.
- Договоры тайные царского правительства, аннулирование и опубликование их Советским правительством* — 16, 18, 20, 22, 23, 41, 44, 59, 68, 133—134, 149, 157, 158, 223.
- Империализм; сущность, раздел и передел мира* — 23, 45, 54—55, 56, 57, 65, 67, 70, 94—96, 115, 136, 139—140, 161, 162—163, 164—165, 186, 190—191, 197, 198, 205—206, 235, 256, 257.
- Империалистическая война 1914—1918 гг.* — 54—55, 57, 72, 77, 87, 88, 121, 133—134, 138—139, 156, 165, 198, 222, 250, 251, 256, 257.
- борьба Советской России за выход из нее — 15—24, 37, 41—44, 129—130, 131—132, 199.
- Иностранная военная интервенция и гражданская война в Советской России* — 25, 33, 38, 59—60, 65—67, 75, 80, 85—86, 91—94, 96—97, 101—110, 113, 127, 130—138, 140—144, 147—149, 150—153, 157, 158.
- и военный союз советских республик — 119—120, 165—166, 189.
 - движение протеста в капиталистических странах против интервенции и революционизирование войск оккупантов — 96, 102—104, 110, 114, 130, 131, 132—134, 137—138, 142, 143, 144.
 - и международный империализм — 80, 85—86, 91, 96, 101—111, 114, 123, 141, 150, 161, 171, 173, 177, 191, 223, 256.
 - и мирная политика Советского государства — 24—26, 33—34, 38, 43—44, 59, 66—67, 82, 86, 89, 111—112, 117—118, 135, 137—138, 146, 147, 153, 156, 157, 192, 208.
 - и помощь международного пролетариата Советской России — 103, 108, 114, 131, 150—151, 175, 176—177, 187, 205.
 - и противоречия в империалистическом лагере — 94—96, 130—131, 141—142, 145, 150, 152, 176, 257.
- Интернационализм пролетарский*
- единство национальных и интернациональных задач проле-

- тарната — 25, 26, 30, 47, 50, 61, 96, 101, 150.
- и международная солидарность трудящихся — 42—43, 44, 49—51, 96, 103—105, 108, 117, 131—134, 136—138, 141—143, 155, 165, 199, 205.
 - как необходимое условие победы социалистической революции — 99, 105, 156, 165, 167, 169.
- Канская конференция 1922 г.* — 214—215, 217—218, 235.
- Капиталистическое окружение* — 21, 53—54, 55—56, 61, 67, 206, 209—210, 225.
- Компромиссы в международных отношениях и внешней политике социалистического государства* — 20—21, 29, 31—32, 36, 149, 206, 219.
- Концессии в Советской России* — 88—89, 122, 125, 171, 176, 178—183, 188, 218, 220, 227—228, 234, 236—237, 241—242, 245, 246, 247, 253.
- Лига наций* — 127, 141—142, 151, 165, 170, 192, 240—241.
- Лозаннская конференция 1922—1923 гг.* — 202, 239, 241, 246.
- Международное положение Советской России*
- в первые месяцы Советской власти — 21, 53—64, 67—69, 70, 129—130.
 - в период иностранной военной интервенции и гражданской войны — 70—75, 96—97, 102—111, 113—115, 129—138, 146, 150, 152.
 - в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства — 172—178, 185, 190—193, 197, 201—202, 203—204, 205, 206, 210, 220—226, 243.
- Мирное сосуществование двух систем (социалистической и капиталистической)* — 161, 175—176, 185, 209—212, 214—215, 218, 235, 241, 244—245.
- раскол мира на две системы (социалистическую и капиталистическую) — 144, 235, 256—257.

- роль экономических взаимоотношений в мирном сосуществовании — 29, 64, 88—89, 114, 121, 125—127, 154—155, 169, 175, 178—181, 187, 188, 192, 209, 210, 222, 229, 233, 245, 248.
- сотрудничество международное — 20, 120—121, 126, 212, 216—217, 219, 221, 230—231, 239.

Монополия внешней торговли в Советской России — 252—255.

Народный комисариат внешней торговли (НКВТ) — 202, 227, 237, 252—253, 255.

Народный комисариат иностранных дел (НКВД) — 210, 235—236.

Оборона социалистического Отечества — 24, 25, 39, 41, 44, 50—51, 62—63, 93—94, 140—141, 147—149, 153, 175—176, 184—185, 191—192, 209.

XI съезд РКП(б)

- о международном положении — 229—232.

Право наций на самоопределение — 15—16, 112—113, 119, 189, 203.

Равноправие, дружба и сотрудничество народов — 85, 98—99, 100, 120, 165—169, 186, 189, 190—191, 195—196, 200, 238, 240, 241.

Седьмой экстренный съезд РКП(б)

- о войне и мире — 33—34, 34—37.

Советская Россия и капиталистический мир

- в первые месяцы Советской власти — 21, 45, 53—54, 55—56, 61.

- в период иностранной военной интервенции и гражданской войны — 101—102, 125, 140—145, 151.

- в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства — 176, 179, 188, 202, 206.

- и Англия — 63, 64, 65—66, 68, 70, 75, 80, 85, 86, 96—97, 103, 104, 105, 106, 108, 114, 122—123, 125, 130—131, 132, 133, 134—135, 136, 137, 142, 147—148, 150, 156—159,

- 169—171, 176—177, 187—188, 193, 215, 216, 217, 223, 226—227, 237—239, 241—242, 245—246.
- и Германия — 24—39, 42—44, 49, 51, 52, 57—58, 63, 68, 70, 71, 74, 75, 77, 80, 82, 85, 94—95, 96—97, 121, 149.
- и Голландия — 75.
- и Италия — 86, 172.
- и Мексика — 154—155.
- и Польша — 96—97, 105—106, 112—113, 117—119, 120, 124, 127, 145, 146, 147—149, 150—153, 157, 158, 170—171, 172—174, 177, 184.
- и Прибалтийские страны (Латвия, Литва, Эстония) — 96, 105—106, 112—113, 114—117, 118—119, 122, 123, 127—128, 134, 138, 145, 148, 185—186.
- и Румыния — 120, 203.
- и США — 40, 46, 52, 64, 68, 70, 84—90, 108, 120—122, 124—128, 130—131, 162—163, 171, 179, 181, 192, 193, 194—195, 202, 208, 232, 233, 234, 236—237, 247—248, 252.
- и Турция — 58—59, 60—61, 189—190—191, 240.
- и Финляндия — 58, 59, 63, 96—97, 105—108, 112—113, 127, 135, 145.

- и Франция — 63, 65—66, 70, 85, 86, 96—97, 103, 104, 105, 108, 110—112, 114, 120, 124—125, 130, 132, 133, 136, 150, 176—177, 202, 217, 237—238.
- и Япония — 49, 51, 52, 55, 85—86, 96—97, 103, 130—131, 160—163, 176, 202.

Советская Россия и международный пролетариат — 17, 18, 25, 26, 44, 49, 76, 81, 85—86, 91, 96, 101—111, 114, 124, 141, 144, 150, 165, 170, 187, 205, 225.

Советская Россия и национально-освободительное движение народов Востока — 83—84, 85, 90, 91, 97—101, 118—119, 120—121, 137, 155—156, 163—169, 180, 186, 189—191, 195—196, 200—201, 238—239, 257—258.

Социалистическое строительство в Советской России — 65, 122—123, 128, 152, 160, 162, 163, 179, 181, 187, 188—189, 197—198, 209, 224, 256.

Экономическое соревнование двух систем — 179, 197, 209, 212, 230—231, 256.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.	15
Доклад о мире 26 октября (8 ноября)	—
Декрет о мире	—
Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября)	19
Заседание ВЦИК 10 (23) ноября 1917 г.	21
Из доклада о переговорах с Духонинным	—
Из заключительного слова	22
Из «Тезисов об Учредительном собрании»	—
За хлеб и за мир	23
<i>Из статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое»</i>	—
Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннекционистском мире	24
Странное и чудовищное	26
Седьмой экстренный съезд РКП(б). 6—8 марта 1918 г.	33
Из политического отчета Центрального Комитета 7 марта	—
Из заключительного слова по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта	34
<i>Из статьи «Главная задача наших дней»</i>	37
IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. 14—16 марта 1918 г.	40
Проект резолюции по поводу обращения Вильсона	—
Из доклада о ратификации мирного договора 14 марта	—
Резолюция о ратификации Брестского договора	43

<i>Из статьи «Очередные задачи Советской власти»</i>	45
Международное положение Российской Советской республики и основные задачи социалистической революции	—
Раймонду Робинсу. 30 апреля 1918 г.	46
<i>Из статьи «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»</i>	—
<i>Из «Тезисов о современном политическом положении»</i>	51
Из доклада о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.	53
Раймонду Робинсу. 14 мая 1918 г.	64
Из речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Мо- сквы 29 июля 1918 г.	65
VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, кре- стьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 6—9 ноября 1918 г.	67
Из речи о международном положении 8 ноября	—
<i>Из книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский»</i>	75
<i>Из брошюры «Успехи и трудности Советской власти»</i>	76
VIII съезд РКП(б). 18—23 марта 1919 г.	82
Из отчета Центрального Комитета 18 марта	—
Приветственная радиотелеграмма от имени съезда правитель- ству Венгерской Советской республики	83
Послание королю Афганистана Аманулла-хану. 27 мая 1919 г.	—
Ответ на вопросы американского журналиста. 20 июля 1919 г.	84
Американским рабочим. 23 сентября 1919 г.	88
Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News». 5 октября 1919 г.	89
Беседа с афганским чрезвычайным послом Мухаммед Вали-ханом 14 октября 1919 г.	90
Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организа- ций народов Востока 22 ноября 1919 г.	91
VII Всероссийский съезд Советов. 5—9 декабря 1919 г.	101
Из доклада ВЦИК и Совпаркома 5 декабря	—
Из письма к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным	112
Из доклада о работе ВЦИК и Совпаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г.	113

Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда. 18 февраля 1920 г.	120
Ответ на вопросы корреспондента английской газеты «Daily express»	122
Из беседы с корреспондентом американской газеты «The World» Липкольном Эйром	124
Из доклада на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г.	129
IX съезд РКП(б). 29 марта — 5 апреля 1920 г.	140
Из доклада Центрального Комитета 29 марта	—
Из речи на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г.	147
Из книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»	149
Из речи на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г.	150
Записка А. Л. Шейнману на докладной записке мексиканского консульства. 13 мая 1920 г.	154
Индийской революционной ассоциации	155
Письмо к английским рабочим. 30 мая 1920 г.	156
Беседа с японским корреспондентом К. Фусэ, представителем газет «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити». 4 июня 1920 г.	160
Беседа с японским корреспондентом Р. Накахира, представителем газеты «Осака Асаху». 6 июня 1920 г.	161
Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала	163
Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического Интернационала)	—
Из телефонограммы Л. Б. Каменеву. 17 июля 1920 г.	169
Интервью иностранному журналисту. 20 июля 1920 г.	170
Интервью Луизе Брайант. [13 октября 1920]	171
Московская губернская конференция РКП(б). 20—22 ноября 1920 г.	172
Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Из речи 21 ноября	—
Собрание актива Московской организации РКП(б). 6 декабря 1920 г.	178
Из доклада о концессиях	—

VIII Всероссийский съезд Советов. 22—29 декабря 1920 г.	183
Из доклада Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря	—
Телеграмма Мустафе Кемалю. 7 января 1921 г.	189
Из речи на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г.	190
X съезд РКП(б). 8—16 марта 1921 г.	192
Из отчета о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта	—
Вашингтону Вандерлипу. 17 марта 1921 г.	194
Господину М. И. Дуггану. 27 марта 1921 г.	—
Послание эмиру Афганистана Аманулла-хану. Апрель, позднее 20, 1921 г.	195
X Всероссийская конференция РКП(б). 26—28 мая 1921 г.	197
Из речи при закрытии конференции 28 мая	—
Из статьи «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»	—
Председателю Малого СНК. 3 ноября 1921 г.	200
Беседа с делегацией Мошольской Народной Республики. 5 ноября 1921 г.	—
Из «Запросов наркоматам в связи с подготовкой отчета ВЦИК и СНК на IX Всероссийском съезде Советов»	201
Из письма в Политбюро по поводу резолюции IX Всероссийского съезда Советов о международном положении. 22 декабря 1921 г.	203
IX Всероссийский съезд Советов. 23—28 декабря 1921 г.	—
О внутренней и внешней политике Республики. Из отчета ВЦИК и СНК 23 декабря	—
Проект директивы заместителю председателя и всем членам генуэзской делегации. 1 февраля 1922 г.	213
Записка М. М. Литвинову с проектом ответа Ф. Р. Макдональду. 2 февраля 1922 г.	215
Из проекта директивы ЦК РКП(б) для советской делегации на Генуэзской конференции. 6 февраля 1922 г.	216
Письмо Г. В. Чичерину. 15 февраля 1922 г.	217
Проект постановления ЦК РКП(б) о задачах советской делегации в Генуе. 24 февраля 1922 г.	218
О международном и внутреннем положении Советской республики. Из речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г.	220
Л. Б. Красину. 10 марта 1922 г.	226

Председателю Концессионного комитета при Госплане. 11 марта 1922 г.	227
Поправки и замечания к проекту заявления советской делегации на Гепуэзской конференции. 23 марта 1922 г.	228
XI съезд РКП(б). 27 марта — 2 апреля 1922 г.	229
Из политического отчета Центрального Комитета РКП(б) 27 марта	—
Письмо Чарлзу П. Штейнмецу. 10 апреля 1922 г.	232
Интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд». 14 апреля 1922 г.	233
Арманду Хаммеру. 11 мая 1922 г.	234
Г. Е. Зиповьеву. 11 мая 1922 г.	—
Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Гепуэзской конференции. 15 или 16 мая 1922 г.	235
И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б). 24 и 27 мая 1922 г.	236
Рекомендация А. Ю. Хаммеру и распоряжения секретарям. 24 и 27 мая 1922 г.	—
Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману. 27 октября 1922 г.	237
Из речи на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.	243
Записка членам Политбюро ЦК РКП(б) и проект письма Герберту К. Гуверу. 22 ноября 1922 г.	247
Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге. 4 декабря 1922 г.	248
Чарлзу П. Штейнмецу. 7 декабря 1922 г.	252
Из письма «О монополии внешней торговли». 13 декабря 1922 г.	—
Из статьи «Лучше меньше, да лучше»	255

Воспоминания о В. И. Ленине

Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика	259
Л. Б. Красин. Владимир Ильич и внешняя торговля	265
Балингийн Церендорж. Священная память	270
Карл Идмап. Из воспоминаний финского министра	—
Арманд Хаммер. Ленин и первая концессия	274
Примечания	276
Предметный указатель	303

**В. И. ЛЕНИН
О СОВЕТСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ**

Зав. редакцией А. В. Никольский
Редактор О. В. Вадеев
Мл. редактор Л. В. Сядашенко
Художник Е. А. Крылов
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор А. Г. Виноградова
Корректоры В. А. Зотова, Н. Д. Чередишцева

ИБ № 2017

Сдано в набор 11.05.79. Подписано в печать 17.10.79. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная позая». Печать высокая. Условн. печ. л. 18,26. Учетно-изд. л. 19,85. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3927. Цена 70 к.

Политиздат. 125811. ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.